

Болѣзнь, смерть и похороны

профессора и Ректора Университета

Н. М. Любимова.

2-го января 1906 г. Ректоръ Университета *Н. М. Любимовъ*, по избранію Совѣта Университета, отправился въ Петербургъ на съѣздъ профессоровъ, созванный Министромъ Народнаго Просвѣщенія для выработки проекта новаго университетскаго устава. Въ день своего приѣзда въ Петербургъ 5 января *Н. М. Любимовъ* вечеромъ уже былъ на открытіи, на первомъ засѣданіи съѣзда профессоровъ. Засѣданія происходили потомъ почти всегда по два раза въ день въ видѣ общихъ собраній и засѣданій различныхъ „подкоммиссій“: утромъ съ 11 часовъ и вечеромъ—съ 8 часовъ. Работа была спѣшная, напряженная и утомительная ¹⁾. Съѣздъ профессоровъ собственно закончился 27 января, но ректоры университетовъ оставлены были въ Петербургѣ для окончательной редакціи выработаннаго проекта и для составленія особыхъ временныхъ правилъ.

Проф. *Любимовъ*, аккуратно посѣщая засѣданія, возвращался домой съ утреннихъ засѣданій часовъ въ 5-ть вечера, а съ вечернихъ—около 1 часу ночи. Вставши утромъ, а часто и возвратившись съ дневного засѣданія, Николай Матвѣевичъ снова принимался за работу по дѣламъ съѣзда. И такъ было изо дня въ день.

31 Января Николай Матвѣевичъ началъ жаловаться на колотье въ правомъ боку, но объяснялъ свои боли ревматизмомъ. 2-го февраля (праздникъ) проф. *Любимовъ* отправился въ Институтъ экспериментальной медицины и уже прямо больнымъ: входя

---

¹⁾ Съѣздъ профессоровъ въ С.-Петербургѣ 5—27 января 1906 г.—Приложеніе къ «Ученымъ Запискамъ Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Октябрь

на лѣстницу Института, онъ такъ задохнулся, что съ нимъ сдѣлалось дурно и пришлось оказывать ему въ Институтѣ врачебную помощь. 5-го февраля (воскресенье) Николай Матвѣвичъ настолько выглядѣлъ больнымъ, что находили его „на себя не похожимъ“, и тѣмъ не менѣе онъ отправился въ министерство на послѣднее засѣданіе, такъ отвѣчая на всѣ уговоры не ѣхать: „засѣданіе—послѣднее и важное и не быть на немъ я не считаю для себя возможнымъ, а отдыхать можно будетъ послѣ, въ Казани“, куда рѣшилъ онъ выѣхать во вторникъ 7-го февраля. На засѣданіи проф. Любимовъ чувствовалъ себя уже настолько тяжело, что доканчивалъ засѣданіе стоя, упершись на спинку кресла: сидѣть въ креслѣ уже не могъ вслѣдствіе сильной одышки.

Возвратившись съ засѣданія, Николай Матвѣвичъ окончательно „слегъ“. Вечеромъ навѣстилъ его, работавшій вмѣстѣ съ нимъ, ректоръ Томскаго университета М. Г. Курловъ, который опредѣлилъ у проф. Любимова заболѣваніе плевритомъ, что подтвердилъ онъ и на слѣдующій день, зашедши къ Николаю Матвѣвичу, основываясь главнымъ образомъ на невысокой температурѣ у него, не превышавшей 38° или 38.5°, хотя самъ Николай Матвѣвичъ, видимо, боялся воспаленія легкихъ ¹⁾. Ночь на 6-ое февраля Николай Матвѣвичъ провелъ почти безъ сна, не находя себѣ сноснаго положенія вслѣдствіе сильной одышки и болей въ боку. Вечеромъ 6-го числа вызванъ былъ къ Николаю Матвѣвичу ученикъ его, профессоръ Женскаго Медицинскаго Института, Н. Ф. Виноградовъ, который опредѣлилъ у проф. Любимова воспаленіе легкихъ, за что высказался и прибывшій въ тотъ же вечеръ, по совѣту проф. Виноградова, профессоръ Г. А. Смирновъ, директоръ госпитальной терапевтической клиники (въ Петропавловской больницѣ) Женскаго Медицинскаго Института. Но проф. Смирновъ нашелъ Николая Матвѣвича въ такомъ тяжеломъ состояніи,—особенно плохимъ оказался пульсъ,—что выразилъ серьезное опасеніе за его жизнь, не ручаясь за каждую минуту, и потому предложилъ Николаю Матвѣвичу немедленно переѣхать хотя бы въ его клинику. Къ несчастію, очень долго не могли найти кареты и уже спрашивали проф. Смирнова: нельзя-ли до утра оставить

¹⁾ Безъинтересная подробность: Николаю Матвѣвичу прописанъ былъ салициловый натръ, относительно котораго онъ не разъ высказывалъ мнѣ, что считаетъ это средство сердечнымъ ядомъ для больныхъ воспаленіемъ легкихъ. Предполагая у себя скорѣе воспаленіе легкихъ, Николай Матвѣвичъ все время отказывался принимать салициловый натръ, но только послѣ настойчивой и съ укоромъ со стороны ухаживавшаго лица просьбы принять лѣкарство, онъ сказалъ, что считаетъ салициловый натръ ядомъ при воспаленіи легкихъ.—М. К.—ій.

Николая Матвѣевича? Но проф. Смирновъ рѣшительно заявилъ, что медлить ни минуты нельзя, и велѣлъ послать за каретой скорой помощи, въ которой и отвести больного и непременно въ сопровожденіи врача. Около 1 часу ночи на 7-ое февраля *Н. М. Любимовъ* отправленъ былъ въ Петропавловскую больницу, въ клинику проф. Смирнова. Въ ожиданіи переѣзда въ больницу Николай Матвѣевичъ съ страдальческимъ выраженіемъ лица сказалъ провожавшей его Е. С. Заблоцкой: „у меня воспаленіе легкихъ; надо ѣхать въ больницу; а не умру я тамъ?“

Ужасное предчувствіе Николая Матвѣевича сбылось: чрезъ 2 недѣли по поступленіи въ больницу, 20 февраля 1906 г., онъ скончался! Умеръ, оказалось, отъ гнойнаго плеврита, къ сожалѣнію — не распознаннаго при жизни вслѣдствіе необычной трудности правильнаго и своевременнаго распознаванія болѣзни, при тѣхъ хроническихъ измѣненіяхъ въ легкихъ и плеврѣ у Николая Матвѣевича, которыя найдены были при вскрытіи.

Самъ проф. Любимовъ, наблюдая теченіе своей болѣзни и особенно температуру тѣла, должно быть, чувствовалъ характеръ своей болѣзни: онъ высказалъ въ больницѣ, что надо искать у него гноя. И пробные проколы груди, дѣйствительно, были сдѣланы въ больницѣ: одинъ разъ 19 февраля, на канунъ смерти, другой разъ — 20-го числа, въ день смерти; но оба раза — съ отрицательнымъ результатомъ. Вопросъ, конечно, — спасло-ли бы Николая Матвѣевича отъ смерти нахождение гноя въ полости груди даже и при первомъ проколѣ — за день до смерти, при той „совершенной драблости мышцы сердца“, которая найдена у *Н. М.* при вскрытіи.

О теченіи болѣзни проф. Любимова во время пребыванія его въ Петропавловской больницѣ, о смерти его и о результатахъ вскрытія сообщаетъ проф. В. И. Разумовскій въ нижеслѣдующемъ его описаніи. Отъ себя замѣчу лишь, что Николай Матвѣевичъ очень доволенъ былъ уходомъ за нимъ въ клиникѣ проф. Смирнова и потому, между прочимъ, онъ отказался отъ предложенія переѣхать въ частную лѣчебницу, тѣмъ болѣе, что являлись признаки улучшенія болѣзни, что видѣла и прибывшая изъ Казани супруга Николая Матвѣевича Л. Я. Любимова.

Проф. Разумовскій сообщаетъ:

„Послѣ смерти *Н. М. Любимова*, проф. Г. А. Смирновъ, любезно прислалъ подробную исторію болѣзни и протоколъ вскрытія тѣла *Н. М. Любимова*, произведенаго прозекторомъ *Ө. Я. Чистовичемъ*¹⁾. Привожу нѣкоторыя данныя изъ исторіи болѣзни.

¹⁾ Исторія болѣзни и протоколъ вскрытія прочитаны въ Обществѣ врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ въ засѣданіи 24 февраля 1907 г., посвященномъ памяти *Н. М. Любимова*.

7 Февраля 1906 г.—первый день помѣщенія Н. М. Любимова въ клинику отмѣчено: „Заболѣваніе началось дней 8 назадъ обычными катарральными явленіями зѣва, трахеи. Три дня назадъ общее состояніе и самочувствіе рѣзко ухудшились. Температура тѣла колебалась около $38,5^{\circ}$. Кашель небольшой, сильныя колющія боли въ правой половинѣ груди спереди и сбоку, такъ-что двѣ ночи больной провель сидя. Перкуссія даетъ ясное заглушеніе звука спереди съ нижней края 3-го ребра, сливающееся съ тупостью печени; по аксиллярной линіи тонъ всюду притупленъ; сзади затупленіе начинается съ середины лопатки. При выслушиваніи: спереди мелкіе хрипы при вздохѣ, сзади внизу—ослабленное бронхиальное дыханіе. Сердце—съ нижней края 3-го ребра, влѣво не смѣщено. Селезенка не опредѣлима изъ-за тимпанита. Печень увеличена и чувствительна въ лѣвой долѣ. Тоны сердца чисты, безъ аритміи и акцента. Температура въ 3 ч. дня $38,8^{\circ}$, въ 7 ч. веч. $39,1^{\circ}$. Пульсъ 96—104, ровный и т. д.“.

„Въ дальнѣйшемъ теченіи, которое подробно не привожу, замѣчается какъ бы улучшеніе. Такъ 13 февраля между прочимъ отмѣчено: „притупленіе спереди и сзади постепенно уменьшается, оставаясь болѣе рѣзко по аксиллярной линіи. При выслушиваніи сзади дыханіе—почти везикулярное съ хрипами, спереди—нѣсколько ослабленное и т. д.“. 15-го Февраля отмѣчено: „Замѣтное проясненіе перкуторнаго тона спереди по сосковой линіи. Дыханіе здѣсь стало слышнѣе и появилось больше хриповъ, сзади выслушивается тоже много мелкихъ хриповъ“. Но температура все же держалась высокая (съ неправильными колебаніями); съ 13 числа началась діаррея. Пульсъ, который до 15 февраля держался хорошимъ (15-го отмѣчено: „96, ровный“),—16 го февраля дѣлается слабѣе („104, слабовать“).

16 февр., „въ виду мало измѣнившихся перкуторныхъ явленій по аксиллярной линіи и по сосковой спереди, больному было предложена пробная пункція, на что онъ согласился, но лишь при участіи хирурга“. 18-го Февраля отмѣчено нѣсколько приступовъ сердечнаго удушья. 19-го сдѣлана пробная пункція по задней аксиллярной линіи съ отрицательнымъ результатомъ. Пульсъ 104, удушье.

20-го Февраля—пробная пункція по средней и передней аксиллярной линіи, тоже безъ результата. Пульсъ 120. „Сердечныя припадки продолжаютъ, слабость сердца прогрессируетъ, въ $9\frac{1}{2}$ ч. вечера больной скончался“.

К л и н и ч е с к і й д і а г н о з ъ: Pneumonia dextra inf. et media.

Протоколъ вскрытія.

„Тѣло высокаго роста, хорошаго сложенія и питанія; покровы лица слегка желтушны.

Въ полости правой плевры около 1¹/₂ литра жидкаго сѣраго гноя съ каріознымъ запахомъ.

Легкое совершенно сдавлено, задними частями, основаніемъ и верхушкою приращено къ грудной клѣткѣ, плевра покрыта толстыми фиброзными (организовавшимися) наслоеніями, ткань всюду проходима, верхушка содержитъ фиброзный рубецъ съ мелкими старыми бугорками. Лѣвое легкое сплошь приращено; верхняя его доля фиброзно уплотнена въ области верхушки, ткань полнокровна, всюду проходима, слизистая бронховъ ярко гиперемирована.

Сердце 11 и 11¹/₂ см., обильно обложено жиромъ, мышца совершенно дряблая, съ желтоватыми островками, клапаны въ порядкѣ. Стѣнки аорты значительно и равномернo утолщены.

Селезенка увеличена (15¹/₂ и 11¹/₂ см.), ткань сѣроватопрозовая, мягкая, легко выскабливается.

Печень увеличена (29—20—17 и 8 см.), ткань очень мягкая, легко рвется, съ желтыми участками, въ желчномъ пузырьѣ немного оранжевой желчи.

Почки обильно обложены жиромъ, ткань ихъ безъ измѣненій.

Слизистая желудка нѣсколько неровна, гиперемирована, кишечникъ безъ особыхъ измѣненій.

Мочевой пузырь содержитъ нѣсколько ложекъ мутноватой мочи.

Въ брюшинѣ, на мѣстѣ прикрѣпленія діафрагмы къ правому краю реберъ, имѣется кровоподтекъ, которому на кожѣ по аксиллярной линіи соотвѣтствуетъ слѣдъ укола иглою. Въ полости брюшины нѣсколько чайныхъ ложекъ мутной розовой жидкости“.

Къ протоколу *Ө. Я. Чистовичъ* дѣлаетъ слѣдующую приписку:

„P. S. Для поясненія надо прибавить, что, благодаря сращеніямъ по всему протяженію праваго легкаго сверху до низа, занимавшимъ заднія и отчасти боковыя части легкаго, скопление гноя сосредоточилось *спереди*, оттѣсняя легкое взади и образовавъ полость въ формѣ песочныхъ часовъ (съ суженною частью въ серединѣ) между фиксированнымъ околосоудіемъ и *linea axillaris*.“

Патолого-анатомическій діагнозъ: „Empyema d. Atelectasis pulmonis d. et adhaesiones. Synochiae pleurae sin. Tuberculosis inveterata apicis d. Pneumonia interstitialis chron. fibrosa lobi sup. sin. Hyperplasia septica lienis. Degeneratio parenchymatosa et adiposa hepatis et myocardii. Hyperaemia venosa ventriculi. Arteriosclerosis. Ecchymosis peritonei“.

Проф. *В. И. Разумовскій*».

Въ Казани почти никто не зналъ о серьезномъ заболѣваніи проф. *Н. М. Любимова* въ Петербургѣ и всѣ увѣрены были, что онъ скоро возвратится въ Казань. Только наканунѣ и въ день смерти Николая Матвѣевича, 19 и 20 февраля, распространились въ городѣ зловѣщія слухи о тяжелой болѣзни и опасномъ положеніи проф. Любимова.

Въ мѣстной газетѣ „Обновленіе“ 22 февраля 1906 г. № 35 мы читаемъ: „21 февраля получено изъ Петербурга по телеграфу глубоко прискорбное для Казанскаго университета сообщеніе о кончинѣ 20 февраля ректора Императорскаго Казанскаго Университета *Н. М. Любимова*. Отправившись въ Петербургъ во главѣ командированныхъ Совѣтомъ Университета на съѣздъ профессоровъ, Николай Матвѣевичъ тамъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. „Слабый организмъ“ *Н. М. Любимова*, распатанный массой труда и тяжелой отвѣтственностью при современныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, не вынесъ борьбы съ болѣзнію“.

Полученная 21 февраля роковая вѣсть о смерти профессора и ректора Университета *Н. М. Любимова* страшно поразила всѣхъ своей неожиданностью. Всѣ высказывали искреннее сожалѣніе по поводу преждевременной смерти *Н. М. Любимова*, а многіе и многіе— и свою глубокую печаль и неподдѣльное горе! Не стало въ Казани по истинѣ „Любимова“ профессора Николая Матвѣевича!

Кого Казань, Университетъ и студенчество потеряли въ лицѣ умершаго профессора и ректора Университета Николая Матвѣевича *Любимова*, видно изъ слѣдующаго описанія.

21 февраля 1906 г. созвано было экстренное засѣданіе Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

По открытіи засѣданія г. предсѣдатель Совѣта, заслуженный ординарный профессоръ *Н. П. Загоскинъ* объяснилъ причину, побудившую его къ созванію экстреннаго собранія. Сообщивъ горестную вѣсть о кончинѣ Ректора Казанскаго Университета *Н. М. Любимова* и кратко очертивъ заслуги и значеніе покойнаго въ его короткое, но въ высокой степени трудное и тяжелое ректорство, въ эпоху наибольшихъ университетскихъ волненій и нестроеній, г. предсѣдатель пригласилъ Совѣтъ выслушать въ знакъ уваженія къ памяти почившаго, телеграмму вдовы покойнаго стоя. Телеграмма слѣдующаго содержанія: „Сейчасъ мужъ скончался въ припадкѣ удущья; привезу въ Казань, сообщите телеграфу. Любимова“.

Затѣмъ г. предсѣдатель высказалъ, что онъ вѣроятно исполнилъ только общее желаніе, пославъ тотчасъ же вдовѣ ректора

Н. М. Любимова отвѣтную телеграмму такого содержания: „Глубоко потрясенные роковою вѣстью друзья и сослуживцы покойнаго Николая Матвѣевича шлють чувства сердечнаго соболѣзнованія Вашему горю, которое является и горестью всего Университета. Привѣтствуемъ Ваше рѣшеніе привезти останки усопшаго въ родную Казань. Телеграфируйте день прибытія“.

Доложивъ объ этомъ, г. предсѣдатель предложилъ Совѣту, не пожелаетъ ли онъ ко времени прибытія останковъ покойнаго изготовить вѣнокъ отъ Совѣта Университета и устроить безвременно погибшему Ректору и незабвенному товарищу вполне приличную и достойную встрѣчу, принявъ всѣ расходы на счетъ Университета. Для наиболѣе успѣшнаго выполненія приготовленій къ этому онъ просилъ назначить ему въ помощь двухъ сочленовъ: протоіерея А. В. Смирнова и декана Медицинскаго факультета В. И. Разумовскаго. Наконецъ г. предсѣдатель предложилъ по случаю тяжелой утраты и въ знакъ глубокаго соболѣзнованія отложить назначенное на 22 февраля засѣданіе Совѣта до конца похоронъ скончавшагося Ректора.

Проф. *М. И. Догель* съ своей стороны предложилъ увѣковѣчить память перваго Ректора, избраннаго Совѣтомъ Казанскаго Университета, по возвращеніи ему права избранія, постановкой портрета его въ актовомъ залѣ Университета.

Проф. *В. И. Разумовскій*, вполне присоединяясь къ сказанному, какъ деканъ Медицинскаго факультета, не можетъ не указать на то громадное количество научныхъ работъ, какое вышло изъ лабораторіи Николая Матвѣевича, не смотря на въ высшей степени тяжелую обстановку, при какой онѣ исполнялись.

Заслуженный ординарный профессоръ *И. М. Догель* предложилъ: 1) принять всѣ мѣры къ осуществленію завѣтной мечты Николая Матвѣевича—расширить и улучшить помѣщеніе для созданнаго имъ музея патологической анатоміи и 2) почтить память его постановкой портрета въ этомъ музеѣ.

Заслуженный ординарный профессоръ *Д. А. Корсаковъ* обратилъ вниманіе Совѣта на высоко-гуманную дѣятельность Николая Матвѣевича *Любимова*, какъ декана, съ которымъ онъ, Корсаковъ, прослужилъ въ таковой же должности болѣе 4 лѣтъ. Годы эти были одними изъ тяжелыхъ и несчастныхъ для всѣхъ русскихъ университетовъ. Учащееся юношество, подъ вліяніемъ разныхъ условий и обстоятельствъ, лежащихъ внѣ Университета, потеряло устойчивость и необходимую для занятій уравновѣшенность. „Волнуясь и спѣша“, оно иногда преступало границы благоразумія, что пагубно отзывалось на его собственной судьбѣ. Николай Матвѣевичъ, обладая чуткой, отзывчивой душой, всегда горячо при-

маль въ сердцу печали студенчества и стойко отстаивалъ его интересы. Дѣятельность его, какъ декана, заслуживаетъ глубокаго почтенія и проф. Корсаковъ выразилъ мысль о желательности, для увѣковѣченія памяти покойнаго, учрежденія стипендіи имени Николая Матвѣевича, путемъ частной подписки между профессорами, прочими преподавателями и служащими Императорскаго Казанскаго Университета.

Профессоръ П. А. *Никольскій* предложилъ принять какія-нибудь мѣры къ тому, чтобы и проводы тѣла покойнаго Николая Матвѣевича изъ С.-Петербурга были устроены съ подобающею честію.

Проф. Н. А. *Миславскій* предложилъ обратиться къ Министрамъ Народнаго Просвѣщенія и Путей Сообщенія съ просьбой о содѣйствіи къ отправленію въ Казань тѣла скончавшагося въ С.-Петербургѣ Николая Матвѣевича Любимова.

Единоголасно *постановили*: Высоко цѣня полезную дѣятельность Николая Матвѣевича Любимова, проникнутую глубокою любовью къ наукѣ и исполненную преданности долгу и сердечной отзывчивости ко всѣмъ его окружающимъ, 1) устроить встрѣчу останковъ скончавшагося перваго выборнаго Ректора своего, временно погибшаго на служебномъ своемъ посту вдали отъ роднаго Университета, вполне достойную заслугамъ его. 2) По устройству возможно торжественной встрѣчи и приготовленію для нея всего необходимаго просить проф. А. В. Смирнова и проф. В. И. Разумовскаго раздѣлить трудъ и. д. Ректора проф. Н. П. Заголкина. 3) Возложить на гробъ почившаго вѣнокъ отъ Совѣта Университета. 4) Всѣ расходы по доставленію останковъ покойнаго изъ С.-Петербурга въ Казань и по похоронамъ принять на счетъ Университета, о чемъ и телеграфировать вдовѣ, сдѣлавъ распоряженіе о немедленномъ переводѣ ей по телеграфу тысячи руб. 5) Почтить память Ректора Н. М. Любимова постановкой въ актовомъ залѣ портрета, равно какъ и въ музеѣ патологической анатоміи, надъ созданиемъ котораго покойный такъ много положилъ и труда и здоровья. 6) Обратиться съ просьбой по телеграфу къ Министру Народнаго Просвѣщенія и Министру Путей Сообщенія о содѣйствіи къ отправленію въ Казань тѣла скончавшагося въ Петербургѣ Николая Матвѣевича. 7) Наконецъ, въ знакъ траура по случаю кончины перваго выборнаго Ректора Казанскаго Университета прекратить засѣданія Совѣта впредь до похоронъ Николая Матвѣевича Любимова ¹⁾.

¹⁾ Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Октябрь. Приложение. Стр. 45—48.

По закрытіи засѣданія Совѣта, всѣ члены его in corpore прослѣдовали въ университетскую церковь, гдѣ послѣ глубоко прочувствованной рѣчи профессора богословіи, протоіерея А. В. Смирнова, совершена была по скончавшемся ректорѣ университета *Н. М. Любимовъ* панихида, на которой присутствовало и много младшихъ преподавателей университета и постороннихъ почитателей Николая Матвѣевича ¹⁾.

Въ мѣстныхъ газетахъ отъ 22 февраля 1906 г. помѣщено было слѣдующее объявленіе:

„И. д. Ректора университета съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщаетъ о послѣдовавшей въ С.-Петербургѣ вечеромъ 20 февраля кончинѣ Ректора Императорскаго Казанскаго Университета Николая Матвѣевича *Любимова*. Панихида по усопшемъ будетъ совершена въ университетской церкви сегодня 22 февраля, въ 1 часть дня. О днѣ похоронъ будетъ извѣщено по прибытіи тѣла покойнаго въ Казань“.

Въ назначенный часъ 22 февраля состоялась въ университетской церкви торжественная панихида, на которой присутствовали: попечитель округа Деревицвѣй, помощникъ попечителя Островъ, университетская корпорація и много постороннихъ ²⁾.

Наше Общество врачей, по случаю смерти своего почетнаго члена *Н. М. Любимова*, четверть вѣка и неустанно трудившагося на пользу Общества, 25-го февраля устроило экстренное засѣданіе, въ которомъ постановило для увѣковѣченія памяти Николая Матвѣевича: 1) привѣтствовать рѣчами предсѣдателя Общества и члена О-ва д-ра Чалусова останки покойнаго при погребеніи, 2) открыть подписку на образованіе фонда степендіи имени Н. М. Любимова, 3) повѣсить портретъ покойнаго въ библіотекѣ Общества врачей и 4) устроить въ недалекомъ будущемъ торжественное засѣданіе Общества, посвященное памяти Н. М. Любимова ³⁾.

Правленіе Казанскаго Юридическаго Общества покорнѣйше просить и. д. Ректора Университета передать совѣту Универ-

¹⁾ Газета «Обновленіе» отъ 23 февраля 1906 г. № 36.

²⁾ «Обновленіе» отъ 24 февраля 1906 г. № 37.

³⁾ Казанскій Медицинскій Журналъ 1905 г. № 2 стр. 139.

ситета чувство глубокой скорби, охватившее Юридическое Общество при вѣсти о тяжелой потерѣ, понесенной Казанскимъ Университетомъ въ лицѣ безвременно скончавшагося первого выборнаго ректора, извѣстнаго ученаго *Н. М. Любимова*. Въмѣсто вѣнка на гробъ почившаго Обществомъ ассигновано 25 рублей на общепользныя цѣли. Принять эти деньги Общество будетъ просить университетъ, если имъ будетъ предпринято составленіе капитала для увѣковѣченія памяти *Н. М. Любимова*.

Предсѣдатель Бабушкинъ.

Секретарь Миродлюбовъ ¹⁾.

Многочисленныя телеграммы отправлены были въ Казань и въ Петербургъ въ Совѣтъ Казанскаго Университета и вдовѣ покойнаго Л. Я. Любимовой съ выраженіемъ соболѣзнованія и скорби по случаю смерти Николая Матвѣевича.

Изъ этихъ телеграммъ и писемъ, кромѣ только что напечатанной телеграммы отъ Совѣта Казанскаго Университета, приведу слѣдующія:

а) Въ Совѣтъ Казанскаго Университета:

1) Письмо профессора С.-Петербургскаго женскаго Медицинскаго Института Н. Ф. Виноградова отъ 21 февраля: „Въ экстренномъ засѣданіи Совѣта профессоръ *Женскаго Медицинскаго Института* память незабвеннаго профессора *Н. М. Любимова* и перваго выборнаго Ректора Казанскаго Университета была почтена вставаніемъ и постановлено возложить вѣнокъ на гробъ покойнаго отъ профессоръ *Женскаго Медицинскаго Института*“ ²⁾.

2) Телеграмма изъ Харькова:

„*Харьковскій Университетъ* раздѣляетъ горе Казанскаго Университета по случаю кончины уважаемаго ректора *Любимова* и проситъ передать супругѣ почившаго искреннее соболѣзнованіе.— Ректоръ Рейнгагдъ“ ³⁾.

¹⁾ Газета «Вечернее Эхо» отъ 27 февраля 1906 г. № 55.

²⁾ Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Октябрь. Приложение стр. 49.

³⁾ Тамъ же.

3) Телеграмма изъ Уфы:

„Общество врачей Уфимской губерніи выражаетъ Казанскому Университету свою скорбь по поводу неожиданно постигшей его тяжелой утраты въ лицѣ славнаго профессора, перваго выборнаго ректора *Н. М. Любимова* и проситъ передать свое сердечное сочувствіе вдовѣ покойнаго“. Предсѣдатель *Куржанскій* ¹⁾.

4) Телеграмма изъ Сенгилея:

Потрясенные печальной вѣстью о внезапной кончинѣ глубоковаемаго учителя профессора Николая Матвѣевича *Любимова*, мы, Сенгилеевскіе земскіе врачи, шлемъ выраженіе своей глубокой печали дорогому Университету. *Ноинскій, Воробьевъ, Юрковъ, Арсеньевъ*“ ²⁾.

б) На имя вдовы покойнаго Л. Я. Любимовой:

„Примите выраженіе искренняго сочувствія постигшему Васъ несчастію и сожалѣнія о понесенной Казанскимъ Университетомъ горестной утраты. Попечитель *Деревницкій*. (Казань).

„*Совѣтъ Казанскаго Ветеринарнаго Института*, вполнѣ раздѣляя Ваше горе, Вашу печаль“,—пишетъ Совѣтъ въ письмѣ Л. Я. Любимовой,—„и глубоко почитая память покойнаго супруга Вашего Николая Матвѣевича, проситъ Васъ принять выраженіе глубокаго соболѣзнованія въ незамѣнимой утратѣ Вашей. Предсѣдатель Совѣта, и. д. Директора Института *Третьяковъ*“.

„Примите выраженія глубокой скорби по поводу тяжелой утраты. Ректоръ (Томскаго Университета) *Курловъ*.

„Глубоко удручены потерей дорогаго Николая Матвѣевича“.... *Заболотновъ, Чарушинъ, Виноградовъ, Гиммель, Вишневскій, Илювскій, Θεодосьевъ, Васильевъ*. (Помощники и сотрудники покойнаго проф. Н. М. Любимова).

---

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Октябрь. Приложеніе, стр. 50.

²⁾ Тамъ же.

Протоіерей *Мальцевъ*, настоятель посольской церкви въ Берлинѣ, въ своемъ письмѣ Л. Я. Любимовой изъ Берлина, выражая свое глубокое сожалѣніе по поводу смерти Николая Матвѣевича, между прочимъ говоритъ: „Какихъ великихъ искупительныхъ жертвъ требуетъ университетское дѣло!“.

„Глубоко поражены безвременной кончиной незабвеннаго Николая Матвѣевича. Искренно соболѣзнуемъ Вашему горю, равнымъ образомъ и общей нашей утратѣ какъ славнаго ученаго и высокаго гуманиста во имя страждущаго человѣчества“. *Александровы, Зайцевы, Богдановы* (Казань).

„Тяжелая утрата, понесенная семьей, родиной, наукой, учащимися и больными, чувствуется всѣми нами, горячо любившими покойнаго Николая Матвѣевича.... *Гутовъ, Васильевъ, Подольскій, Ровинскій, Лапинъ* (Уфа).

„Глубоко сочувствуемъ тяжелой утратѣ. Миръ праху дорогаго и незабвеннаго Николая Матвѣевича.... *Грязновы* (Врачъ. Симбирскъ).

„Ужасаюсь при мысли о безременно умершемъ дорогаомъ Николаѣ Матвѣевичѣ! Мучительно больно! Когда конецъ жестокимъ жертвамъ?!“.... *К—ій* (врачъ, изъ Иркутска).

Въ мѣстныхъ газетахъ печатаются различныя замѣтки, посвященныя памяти умершаго *Н. М. Любимова*.

Въ „Обновленіи“ отъ 22 февраля 1906 г. № 35 мы читаемъ:

Казань, 22 февраля 1906 г.

Памяти Н. М. Любимова.

Умеръ Николай Матвѣевичъ Любимовъ, первый ректоръ, которому Казанскій университетъ ввѣрилъ возвращенное ему право избранія.

Еще такъ недавно, 7 сентября 1905 г., мы были свидѣтелями общей, искренней радости всѣхъ профессоровъ по поводу избранія въ ректоры именно Николая Матвѣевича.

Помнимъ мы ту глубоко прочувствованную рѣчь, которой профессоръ Загоскинъ привѣтствовалъ отъ лица товарищей избранника, возлагая на него самыя свѣтлыя надежды.

Недолго пришлось послужить Николаю Матвѣевичу родному университету въ качествѣ его руководителя, но эти немногіе дни ознаменовались великими подвигами, которыхъ Казанскій университетъ никогда не забудетъ.

Подчиняя во всемъ свою волю желаніямъ коллегіи, Николай Матвѣевичъ всѣми силами своего ума и своего любвеобильнаго сердца отстаивалъ интересы университета, интересы студентовъ въ многотрудные октябрьскіе дни.

То, что пережилъ и почувствовалъ Николай Матвѣевичъ 16 и 17 октября, должно было оставить глубокую рану въ его сердцѣ, и эта рана подточила такъ преждевременно его плодотворную, его трудовую жизнь.

И въ Петербургъ, откуда ему не суждено было вернуться, онъ побѣхалъ по искренней просьбѣ профессоровъ быть твердымъ представителемъ о нуждахъ и скорбахъ родного университета.

Всю свою жизнь онъ окрасилъ теплыми лучами любви къ наукѣ, любви къ студентамъ, къ страждущему человѣчеству, съ очей котораго его просвѣщенная рука страхнула не одну слезу, и въ лучахъ этой любви да будетъ вѣчно сіять его свѣтлое, его дорогое для всѣхъ друзей Казанскаго университета имя“.

„Казанскій Телеграфъ“ отъ 22 февраля печатаетъ краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ *Н. М. Любимовъ*.

Въ той-же газетѣ отъ 24 февраля В. Николаевъ пишетъ:

„Памяти Н. М. Любимова.“

Когда мнѣ приходилось слушать Николая Матвѣевича на его лекціяхъ патологической анатоміи, то меня всегда пріятно поражали слѣдующія черты въ его характерѣ.

Онъ безпристрасно излагалъ научныя данныя по извѣстному вопросу, на примѣръ, по вопросу о самопроизвольномъ зарожденіи, гдѣ, изложивъ факты pro и contra этого обстоятельства, онъ не

усиливался навязать неустановившимся слушателямъ тотъ или иной взглядъ на вопросы, связанные съ рѣшеніемъ даннаго научнаго, но не имѣющіе отношенія къ данной наукѣ (напр., на вопросы религіознаго характера, кои такъ любятъ высмѣять нѣкоторые другіе, хотя эти вопросы не касаются ихъ компетенціи).

Николай Матвѣвичъ не говорилъ отъ имени науки того, чего не говорить эта наука.

Далѣе... Строго и краснорѣчиво читая лекціи, Николай Матвѣвичъ *очень* уважалъ личность студентовъ (какого бы цвѣта студентъ ни былъ), не допуская ни малѣйшей насмѣшки по ихъ адресу, обходясь со всѣми ласково безъ лизоблудства.

Вѣчная и добрая память Николаю Матвѣвичу Любимову!

Въ „Обновленіи“ отъ 24 февраля мы читаемъ:

„Изъ Университетской жизни... Почившій Н. М. Любимовъ, кромѣ профессорской дѣятельности, посвящалъ себя и врачебной практикѣ. Дѣлалъ это онъ не какъ врачъ-профессіонистъ, а изъ стремленія и потребности любящей души, по влеченію оказать пользу и помощь страждущему. Его всегда мягкое, обходительное, душевное отношеніе и участіе, — одно это доставляло отраду больному, приобдряло и давало успокоеніе больше, чѣмъ лѣкарства.

Особенной популярностью, особеннымъ авторитетомъ Николай Матвѣвичъ пользовался среди татаръ казанскихъ. Нерѣдко приходилось видѣть его и рано, и поздно ѣдущимъ за Кабанъ къ татарамъ то на рысакѣ и шинахъ, то въ невозможной таратайкѣ. И татары его знали, ему вѣрили и любили. И это не потому, что Ник. Матв. былъ совершеннѣйшій безсребренникъ, а именно за его простое доступное сердечное отношеніе. Для Ник. Матв. были всѣ равны — и богатые, и бѣдняки; онъ всѣмъ одинаково радушно жаль руку, всѣмъ умѣлъ сказать ласковое и доброе слово. Память о немъ у многихъ надолго останется въ сердцахъ“.

„Вмѣсто вѣнка на гробъ почившаго *Н. М. Любимова* Татарская учительская школа, такъ много обязанная этому врачу-человѣку, собранная по подпискѣ деньги рѣшила препроводить въ Правленіе Университета для образованія капитала на стипендію при университетѣ имени этого незабвеннаго профессора и ректора“ *Н. М. Любимова*, много лѣтъ состоявшаго врачомъ школы¹⁾.

---

¹⁾ «Волжскій Курьеръ» отъ 28 февраля 1906 г.

„Казанскій Телеграфъ“ отъ 23 февраля сообщаетъ: „Между служителями университета идетъ подписка на вѣнокъ (на гробъ) скончавшагося ректора. Покойный отзывчивъ былъ къ нуждамъ служителей и входилъ въ ихъ тяжелое матеріальное и служебное положеніе.

Служащіе въ канцеляріи Университета также возлагаютъ вѣнокъ на гробъ своего безпримѣрнаго по добротѣ и гуманности начальника“.

Въ „Обновленіи“ отъ 25 февраля было сообщено, что „прибытіе въ Казань тѣла покойнаго ректора университета Николая Матвѣевича *Любимова* ожидается вечеромъ 26 февраля съ Московско-Казанскимъ поѣздомъ.

Въ „мѣстныхъ газетахъ“ отъ 26 февраля напечатанъ „Порядокъ *встрѣчи и погребенія* ректора Императорскаго Казанскаго Университета *Н. М. Любимова*:

26 февраля. Воскресенье.

1) Депутація изъ г.г. декановъ во главѣ съ и. д. ректора университета встрѣтитъ гробъ почившаго на станціи Свіяжскъ и возложитъ вѣнокъ отъ Совѣта университета.

2) Университетская корпорація во главѣ съ духовенствомъ будетъ ожидать прибытія гроба на городскомъ вокзалѣ Казанской желѣзной дороги.

3) По прибытіи тѣла почившаго въ вокзалѣ будетъ совершена литія.

4) По установкѣ гроба на катафалкъ процессія двинется въ университетскую церковь, въ сопровожденіи духовенства и корпораціи по Гостиннодворской и Воскресенской улицамъ.

5) По прибытіи въ церковь совершена будетъ панихида. Гробъ остается въ церкви всю ночь.

27 февраля. Понедѣльникъ.

1) Въ 10 час. утра заупокойная литургія и затѣмъ отпѣваніе.

2) Въ вестибюлѣ прозвнесутъ рѣчи.

3) По установкѣ гроба на катафалкъ процессія двинется на Куртинское кладбище мимо старой клиники по Николаевской площади и Грузинской улицѣ.

4) Гробъ опущенъ будетъ въ семейный склепъ.

26 февраля, согласно ранѣе объявленному церемоніалу встрѣчи и погребенія тѣла покойнаго ректора Императорскаго Казанскаго университета *Н. М. Любимова*, депутація изъ г.г. декановъ: историко-филологическаго факультета—*А. И. Александрова*, физико-математическаго—*А. М. Зайцева*, юридическаго (и. д.)—*В. В. Ивановскаго* и медицинскаго—*В. П. Разумовскаго* съ и. д. ректора университета *Н. П. Загоскинымъ* во главѣ выѣхала, для встрѣчи гроба почившаго, 26 февраля, съ поѣздомъ изъ Казани до Москвы, въ 12 час. 40 мин. дня, и остановилась на станціи „Зеленый Долъ“, такъ-какъ здѣсь должна была произойти встрѣча поѣздовъ Московскаго и Казанскаго. Кромѣ депутаціи для встрѣчи выѣхали и нѣкоторые другіе профессора, представители младшаго преподавательскаго персонала, представители патолого-анатомическаго института съ приватъ-доцентомъ и прозекторомъ института *П. П. Заболотновымъ* во главѣ и многіе почитатели покойнаго. Полчаса пришлось дожидаться въ Зеленомъ Долѣ прихода встрѣчнаго поѣзда. Вскорѣ онъ показался. Депутація и всѣ другіе присутствовавшіе вышли на дебаркадеръ и здѣсь въ товарномъ вагонѣ, шедшемъ позади, послѣднимъ, встрѣтили и поклонились останкамъ покойнаго ректора *Н. М. Любимова*, лежавшимъ въ гробу, закрытомъ массою вѣнковъ, возложенныхъ на него еще въ С.-Петербургѣ—отъ С.-Петербургскаго университета, женскаго медицинскаго института и др. учреждений, и отъ знакомыхъ и частныхъ лицъ. Депутація и многія друзья и знакомые почившаго, а также и вдова его, *Л. Я. Любимова*, ѣхавшая въ томъ же поѣздѣ изъ самаго Петербурга, вошли въ траурный вагонъ. Тотчасъ при гробѣ была совершена панихида священникомъ университетской клинической церкви о. *В. Е. Дроздовымъ*, прибывшимъ изъ Казани вмѣстѣ съ депутаціей. Во время этой панихиды депутаціей возложенъ былъ на гробъ вѣнокъ съ надписью „*Незабвенному выборному ректору Н. М. Любимову отъ совета Императорскаго Казанскаго университета*“, при чемъ деканъ историко-филологическаго факультета, профессоръ славянской филологіи *А. И. Александровъ*, сильно взволнованный, сказалъ слѣдующую рѣчь:

Дорогой Николай Матвѣвичъ!

Послѣ мѣсячныхъ, усиленныхъ трудовъ въ С.-Петербургѣ ты возвращаешься теперь въ родные края... Но, увы! возвращаешься за тѣмъ, чтобы навсегда разстаться съ нами: холодная земля скоро скроетъ отъ насъ твое брѣнное тѣло, и мы должны будемъ сказать тебѣ на вѣки „прости“, незабвенный Николай Матвѣвичъ! прости

за твою *чистую любовь* къ наукѣ, за твое *любвеобильное сердце* и за твою *добрую душу*, которыя мы, можетъ быть, плохо оцѣнили.

Свѣтлаго твоего образа, однако, земля не силахъ отъ насъ скрыть. Онъ пребудетъ съ нами—мы всѣ будемъ хорошо помнить твою дѣятельность среди насъ, всѣ будемъ благодарить тебя за нее.

Люди, близкіе къ тебѣ по наукѣ, оцѣнили, цѣнятъ и будутъ цѣнить вполнѣ по достоинству твои ученые и учебныя заслуги съ спеціальной точки зрѣнія.

Сердечное спасибо и благодарность отъ души приносятъ и принесутъ тебѣ больные, собравшіеся около твоего гроба, и будутъ приносить на твою могилу всѣ, получившіе отъ твоего ума исцѣленіе.

А слезкое, теплое, молитвенное настроеніе за покой твоей души всей массы присутствовавшихъ на панихидахъ! Что это? Оно есть выраженіе глубокой признательности тебѣ за оказанное тобой благодѣяніе всѣмъ.

Тиха и скромна была твоя жизнь. Но изъ тиши этой жизни, отъ твоего рабочаго кабинета всегда тепло добро къ людямъ. Усердный труженикъ и самостоятельный мастеръ своего дѣла, ты былъ добрымъ дѣлательемъ. Но никогда, однако, ты не выставялъ себя таковымъ. Показность, вообще, не была твоимъ стремленіемъ. Свою волю ты во всемъ подчинялъ разумному желанію другихъ и пользѣ ближняго. Готовый, по слову Великаго нашего Учителя, душу свою положить за други своя, ты по первому зову являлся всегда къ одру больного, не какъ профессиональный практикъ, а какъ врачъ—другъ челоѣчества: неся при больномъ иногда и обязанности фельдшера, сидѣлки, а всегда—успокоителя немощныхъ. Вотъ тутъ-то вполнѣ открывается въ тебѣ *внутренній челоѣкъ*, истинно-христіанская душа, съ рукой помощи и словомъ утѣшенія шедшая на встрѣчу всѣмъ страждущимъ.

Искренній христіанинъ, ты не любилъ показно носиться съ своими убѣжденіями, но всегда исповѣдывалъ, что ни въ личномъ счастьи, ни въ общественномъ устройствѣ челоѣкъ не можетъ достигъ положительныхъ результатовъ, если не будетъ жить всей полнотой своей природы. А эта природа, будучи въ главнѣйшемъ своемъ элементѣ духовною, только въ связи съ Богомъ развивается широко, глубоко и правильно. Взаимныя отношенія челоѣческихъ существъ сложатся гармонически только въ томъ случаѣ, если господствующій тонъ этихъ отношеній будетъ созданъ въ соотвѣтствіи съ духовной природой личности. Безъ этого тщетны наши усилія создать и цвѣтущую и плодоносящую общественную жизнь.

Ты доказалъ это и въ своей жизни, являясь ученымъ, врачомъ, а главнѣе всего, какъ я уже упомянулъ, — *человѣкомъ съ чистымъ сердцемъ*.

Это помнятъ близкіе твои и знакомые. Это знаютъ люди высокаго положенія, это извѣстно людямъ науки... Его знаютъ студенты, его испытали простолюдины, его извѣдали и наши университетскіе служителя.

Вотъ свидѣтели твоего искренняго теплаго отношенія ко всѣмъ, а особенно — помощи къ страждущимъ.

За исполненіемъ этого твоего святого идеала ты и закончилъ свою жизнь: когда всѣ твои товарищи-профессора, выработывавшіе университетскій уставъ, по окончаніи засѣданій въ министерствѣ, тотчасъ же отправились къ своимъ домамъ, ты остался еще въ Петербургѣ, чтобы въ Кронштадтѣ, какъ говорилъ ты намъ, поработать надъ излюбленной тобой наукой на бактериологической станціи и въ другихъ учебныхъ пунктахъ столицы. Но... закончить этихъ работъ и возвратиться домой, въ милую семью, тебѣ не было суждено. Ты, исполнитель христіанскаго долга любви къ ближнимъ, въ заботахъ о борьбѣ съ ихъ болѣзнями, слегъ жертвой утомленія и недуга. Тебя не стало!

Не стало добраго, честнаго человѣка, примѣрнаго отца, нѣжно любившаго свою семью, не стало извѣстнаго труженика науки, не стало славнаго и вѣрнаго сына нашей дорогой *almae matris!*

Съ тугой сердечной говорить каждый о твоей, съ нашей, человѣческой точки зрѣнія, преждевременной кончинѣ.

Не одно наше поколѣніе будетъ преклоняться передъ памятью о тебѣ, но и ряды грядущихъ будутъ сердечно вспоминать твое имя, утѣшаясь словами нашего Спасителя: *Блаженни чистиі сердцемъ—яко тии Бога узрятъ*.

Прости!

Вѣчная память тебѣ, незабвенный нашъ ректоръ, Николай Матвѣевичъ!

Ab universitate nostra Kasaniensi corpori tuo obviam praemissi, summas gratias pro ea maxima, quae sicut filius, gratiae plenus, de ea optime meruisti, agimus, corollaque hac corpori tuo carissimo imposita maeroris summi, quo mors tua praematura civitatem totam academicam affecerat, signum damus.

Sit tibi terra levis! ¹⁾

А. Александровъ.

¹⁾ Въ перифразѣ: Николай Матвѣевичъ! Посланные Казанскимъ университетомъ въ встрѣчу твоего тѣла, приносимъ величайшую благодарность за все то великое, что ты, какъ благодарный сынъ, сдѣлалъ нашей *almae matris*, и настоящимъ вѣнкомъ, возложеннымъ на твой дорогой прахъ, выражаемъ величайшую скорбь, въ которую смерть твоя повергла нашу университетскую коллегію! Да будетъ тебѣ легка земля. (Миръ праху твоему)!

Послѣ рѣчи батюшка о. Дроздовъ провозгласилъ „вѣчную память“, процѣтуо затѣмъ и хоромъ пѣвчихъ.

Послѣ этого, возлагая вѣнокъ „Дорогому учителю и отзывчивому человеку отъ студентовъ-медиковъ“, теплую благодарность покойному учителю выразилъ студентъ 4 курса медич. фак. В. Н. Паринъ.—Поѣздъ двинулся въ путь къ Казани, и во все время его хода оставшіеся при гробѣ въ вагонѣ священникъ о. Дроздовъ и бывшіе при немъ пѣвчіе, въ присутствіи нѣкоторыхъ профессоровъ и учениковъ-студентовъ, пѣли „Святый Боже“.....

Громадная толпа народа собралась на казанскій вокзалъ еще съ 3-хъ часовъ дня для встрѣчи тѣла Н. М. Любимова.

Около 5 час. вечера поѣздъ прибылъ на станцію „Казань“. Великолѣпный гробъ съ тѣломъ покойнаго ректора Н. М. Любимова на рукахъ товарищей-профессоровъ Агабабова и Александрова, а также учениковъ-студентовъ и почитателей былъ вынесенъ изъ вагона и пронесенъ къ залу 3-го класса. По совершеніи литіи университетскимъ духовенствомъ, въ сопровожденіи присутствовавшей корпораціи профессоровъ, приватъ-доцентовъ, лаборантовъ и ассистентовъ и студентовъ университета, процессія двинулась къ университету по улицамъ Гостиннодворской и Воскресенской.

Процессіи предшествовало духовенство церквей: университетской, старой и новой клиникъ; за гробомъ почившаго шла подъ руку съ проф. Разумовскимъ вдова покойнаго, затѣмъ близкіе родные, персоналъ университета, знакомые, ученики и большая масса почитателей и публики. Шествіе растянулось на нѣсколько кварталовъ. Небывалому стеченію публики благопріятствовалъ воскресный день.—Траурная колесница утопала въ массѣ вѣнковъ. На вокзалѣ, замѣчаетъ „Волжскій Курьеръ“ было мало полиціи: но за то, какъ только шествіе вышло въ городъ, чуть-ли не вся полиція Казани окружила и конвоировала гробъ. Порядокъ, говоритъ „Обновленіе“, полный. Онъ былъ наблюдаемъ студентами, устроившими изъ себя почетный кортежъ около гроба. Все время гробъ несли товарищи и студенты-ученики покойнаго на рукахъ, не смотря на крайне плохую погоду и дорогу и дальность разстоянія.

Въ 7 ч. вечера процессія прибыла въ университетъ; тѣло почившаго внесли профессора-товарищи въ церковь, открыли гробъ, и здѣсь профессоръ протоіерей А. В. Смирновъ, въ сослуженіи о. Н. В. Ювлева, настоятеля церкви новыхъ клиникъ, и о. В. Е.

Дроздова, настоятеля церкви старыхъ клиникъ, совершили панихиду, а въ 9 ч. вечера совершена была заупокойная всенощная. Гробъ съ останками Н. М. Любимова остался въ церкви на всю ночь.

Мѣсто вокругъ гроба въ церкви густо декорировано было живыми растениями и цвѣтами изъ университетскаго ботаническаго сада. Въ продолженіе всей ночи у гроба почившаго дежурилъ почетный караулъ, образовавшійся изъ студентовъ университета. Вѣнки, возложенные различными сословными общественными учреждениями и корпораціями и отдѣльными лицами, числомъ около 25, были размѣщены на площадкѣ около входа въ церковь.

Масса лицъ изъ разныхъ слоевъ казанскаго общества, говорить „Обновленіе“, сопровождавшихъ и участвовавшихъ въ процессіи отъ вокзала вплоть до университета, и заполонившихъ затѣмъ всю церковь, лѣстницу и даже вестибюль, свидѣтельствуетъ о томъ высокомъ уваженіи, съ которымъ относилось казанское общество къ покойному, — первому, теперь выборному ректору Императорскаго Казанскаго Университета ¹⁾.

Въ понедѣльникъ, 27 февраля 1906 г., въ 10 ч. утра совершена была заупокойная литургія, а послѣ нея послѣдовало отпѣваніе, по окончаніи котораго гробъ съ останками *Н. М. Любимова* вынесенъ былъ изъ церкви и поставленъ на приготовленное мѣсто на площадкѣ главнаго входа университета. Здѣсь произнесены были рѣчи и. д. Ректора университета Н. П. Загоскинымъ, профессорами В. И. Разумовскимъ и А. Н. Каземъ-Бекомъ, приватъ-доцентами П. П. Заболотновымъ и И. М. Гиммелемъ, докторомъ М. А. Чалусовымъ и студентами Паринымъ и Мирлесомъ. Въ этихъ рѣчахъ сдѣлана была подробная оцѣнка дѣятельности *Н. М. Любимова* какъ профессора, декана и ректора Университета, какъ врача и члена Общества врачей, и какъ человѣка высокихъ душевныхъ качествъ.

¹⁾ «Обновленіе» № 40, «Казанскій Телеграфъ» № 3923, «Волжскій Курьеръ» № 14.

Рѣчь профессора В. И. Разумовскаго.

Дорогой другъ и товарищъ!

5 мѣсяцевъ тому назадъ былъ твой торжественный входъ въ университетъ,—мы собрались тогда здѣсь все и шумно привѣтствовали тебя, какъ нашего излюбленнаго, избраннаго ректора. Теперь мы снова собрались для того, что-бы отдать тебѣ послѣдній долгъ,—съ молитвой опустить въ могилу.

Какой потрясающій контрастъ!. И какъ соотвѣтствуетъ это тому, что совершается въ Россіи!. Страшная гроза съ разрушительнымъ ураганомъ проносится надъ русской землей..

Сколько жертвъ, несчастій! Сколько безвременно погибшихъ жизней!. Къ числу таковыхъ нужно отнести и твою. Правда, у тебя развилась въ послѣднія двѣ-три недѣли твоей жизни тяжелая болѣзнь, но, несомнѣнно,—въ быстрой роковой развязкѣ играло роль переутомленіе организма, и прежде всего переутомленіе сердца: не выдержало усталое, изболѣвшееся сердце,—то сердце, что такъ много, такъ сильно билось для другихъ, такъ много любило..

Да, ты много любилъ, Николай Матвѣевичъ!.

Прежде всего любилъ ты всѣхъ страждущихъ и обездоленныхъ, а таковыхъ слишкомъ много у насъ на Руси; таковыми является почти весь нашъ многомилліонный народъ. Твоя любовь къ народу не была порывомъ высокоблагороднымъ, но преходящимъ, не была навѣяна хорошими книгами, горячими рѣчами. Нѣтъ, любовь твою вскормила наша многострадальная земля, ее подогрѣвали неисчислимыя бѣдствія и несчастія нашего народа, изъ котораго ты вышелъ самъ и связи съ которымъ ты не порывалъ до гробовой доски.

Поэтому твоя любовь къ народу была органически связана со всѣмъ твоимъ существованіемъ; она была руководящимъ началомъ всей твоей дѣятельности и жизни.

Эта любовь побудила тебя поступить на медицинскій факультетъ, такъ какъ врачомъ, ты полагалъ, съ наибольшей пользой можно служить народу.

Медицинскія науки тебя увлекли и въ особенности двѣ изъ нихъ: патологическая анатомія, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ

нашихъ практическихъ медицинскихъ познаній, и глазныя болѣзни; послѣднія, быть можетъ, потому, что при нихъ благіе результаты лѣченія наиболѣе осязательны.

По окончаніи курса изъ тебя быстро выработался выдающійся ученый, талантливый преподаватель; ты быстро въ молодые годы получилъ такую важную отвѣтственную кафедру, какъ патологическая анатомія. Патологическая анатомія—основная, но въ то же время и наиболѣе тяжелая кафедра на медицинскомъ факультетѣ; при этомъ нужно добавить, что въ нашемъ университетѣ она имѣетъ тѣсное, плохое помѣщеніе и вообще обставлена крайне не гигиенично. Въ тѣснотѣ, въ духотѣ, въ грязи пришлось проработать тебѣ всѣ 30 лѣтъ твоей университетской службы. За тяжелую обстановку ты не мало платился здоровьемъ: заболѣваніями легкихъ, плевры, воспалительными процессами кожи и т. д.

Но все это не помѣшало тебѣ выдвинуть твою кафедру, сдѣлать ее одной изъ самыхъ активныхъ въ педагогическомъ и научномъ отношеніи.

Какъ преподаватель, ты работалъ, можно смѣло сказать, больше всѣхъ другихъ членовъ факультета. Помимо обычныхъ обязательныхъ лекцій, практическихъ занятій, вскрытій труповъ и т. д.,—ты ежегодно, сколько я только помню твою дѣятельность, читалъ дополнительные бесплатные курсы для студентовъ; для лучшаго усвоенія издавалъ литографированные курсы по патологической анатоміи и бактеріологіи; увлекательный лекторъ,—ты стремился расширить свою аудиторію, читая не рѣдко для широкой публики популярныя лекціи по животрепещущимъ вопросамъ патологіи,—лекціи, которыя помнишь, конечно, вся Казань.

Всѣми силами ты старался оловсюду собирать патолого-анатомическій матеріалъ: не ограничивался вскрытіями въ университетѣ, производилъ вскрытія въ больницахъ; въ продолженіе, я думаю, болѣе 20 лѣтъ и не рѣдко совершалъ довольно далекія поѣздки для вскрытій въ окружную лѣчебницу (душевно больныхъ), подъ-часъ въ дурную погоду и т. д.; эти патолого-анатомическія экскурсіи ты производилъ даже будучи ректоромъ. Къ вскрытію ты относился съ величайшимъ вниманіемъ, тратя на нѣкоторыя вскрытія иногда многіе часы; патолого-анатомическое вскрытіе въ казанскомъ университетѣ—серьезный научный актъ, протоколы здѣшняго анатомическаго института, которыми и мнѣ нерѣдко приходилось пользоваться для разныхъ научныхъ цѣлей, образцовы.

Но еще болѣе любимымъ твоимъ дѣломъ были лабораторныя занятія микроскопическія, бактеріологическія и экспериментальныя.

Не мнѣ—неспециалисту оцѣнивать твою научную дѣятельность, но я не могу не привести нѣкоторые извѣстные мнѣ факты. Масса работъ, сообщеній, демонстрацій (въ особенности въ здѣшнемъ „Обществѣ врачей“) вышла изъ твоего института. Однѣхъ только диссертацийъ на высшую ученую степень 19,—почти безпримѣрный фактъ въ научной жизни маленькаго, бѣдно обставленнаго провинціального университета. Ты далъ русскимъ высшимъ медицинскимъ учрежденіямъ (въ Петербургѣ) изъ твоихъ учениковъ 2-хъ профессоровъ, затѣмъ рядъ прозекторовъ, рядъ приватъ-доцентовъ, а практической медицинѣ болѣе 20 выпусковъ научно-образованныхъ врачей, разбросанныхъ по всей Россіи. Не забудь ты родной, любимый тобой и любящей тебя Казанскій университетъ: ты оставилъ ему драгоценное наслѣдство,—богатый, собранный тобой патолого-анатомическій музей; нѣкоторыя коллекціи, напр. коллекція многокамерныхъ эхинококковъ (*echinococcus multilocularis*), насколько я знаю, не имѣютъ себѣ равныхъ.

И все это ты сдѣлалъ при самой скудной, бѣдной, можно сказать, гнетущей обстановкѣ твоей каѣдры. Въ самое послѣднее время, какъ бы въ утѣшеніе тебѣ предъ смертію, явилась надежда на лучшее помѣщеніе (переходъ въ зданіе студенческаго общежитія).

И вотъ что ты писалъ мнѣ по этому поводу изъ Петербурга за 16 дней до твоей кончины: „Я, конечно, перешелъ бы въ новое помѣщеніе. Бываю я въ институтѣ экспериментальной медицины, —вотъ прелесть!. А у меня въ Казани—негдѣ пошевелиться, нечѣмъ дышать, не на что жить!“

На это письмо, на эти твои рѣчи я не успѣлъ уже отвѣтить при жизни...

Но я отвѣчу тебѣ теперь: „Тѣмъ больше чести тебѣ, честный, неутомимый труженикъ, что ты при бѣдной скудной обстановкѣ сдѣлалъ такъ много! Тѣмъ больше чести и славы Казанскому университету, который умѣетъ воспитывать такихъ дѣятелей, какъ ты!“

Но какъ ни плодотворна была твоя научная и педагогическая дѣятельность, все же она не удовлетворяла тебя вполне; не удовлетворяли тебя отдаленные благіе результаты медицины; тебѣ хотѣлось непосредственно служить человечеству, непосредственно участвовать въ помощи страдающимъ, въ дѣлахъ любви. И въ свободное время, въ лѣтніе мѣсяцы въ особенности, на родинѣ (Уфа), въ деревнѣ ты охотно занимался врачебной практикой по внутреннимъ и глазнымъ болѣзнямъ. Обладая патолого-анатомическимъ образованіемъ, которое стало необходимо для всякаго терапевта, ты, уже будучи прозекторомъ, занимался еще въ клиникѣ покой-

наго талантливаго нашего клинициста Н. А. Виноградова, посѣщалъ потомъ нѣкоторыя заграничныя клиники, слѣдилъ за терапевтической литературой и, благодаря всему этому, вообще хорошо разбирался во внутреннихъ болѣзняхъ. Это ты между прочимъ доказалъ и на смертномъ одрѣ, хорошо опредѣляя (какъ я узналъ), клиническое значеніе нѣкоторыхъ симптомовъ твоей роковой болѣзни.

Но твоя домашняя амбулаторія не была для тебя доходной статьей и слишкомъ часто наносила тебѣ матеріальный ущербъ, такъ какъ большая часть новыхъ пациентовъ была бѣднота, люди, которымъ приходилось не только давать врачебныя совѣты, но и выдавать прибрѣтенныя на твой счетъ лѣкарства, а иногда и денежное пособіе на кусокъ хлѣба.

Около 8 лѣтъ ты исполнялъ обязанности декана и сумѣлъ въ этой должности прибрѣсти общія симпатіи, какъ товарищей—своимъ тактомъ, коллегіальностью (при уставѣ 1883 года!), такъ и студентовъ. Послѣднее совершенно понятно. Вѣдь ты такъ любилъ молодежь: ты умѣлъ входить въ ея интересы, дружеской, нѣжной рукой касаться больныхъ ея мѣсть, во-время и участливо прийти на помощь въ бѣдѣ, несчастьи и т. д.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, со введеніемъ временныхъ автономныхъ правилъ, Совѣтъ университета, высоко цѣняя твою дѣятельность, избралъ тебя на постъ ректора. Это была для тебя наивысшая награда, твой лавровый вѣнокъ. Но увы! онъ скоро сдѣлался для тебя терновымъ вѣнкомъ... Тебѣ пришлось быть ректоромъ въ самый тяжелый періодъ университетской жизни, въ тотъ періодъ, когда наиболѣе обострились отношенія между различными политическими партіями въ студенчествѣ, когда разладъ уже почти началъ переходить въ междоусобіе. Стоя близко, какъ ректоръ, къ студенчеству, ты долженъ былъ все это видѣть, пережить, выстрадать!.. Твое сердце болѣло: начались тяжкіе дни, бессонныя ночи, приемы наркотическихъ средствъ и т. д. Но это еще не все. Ты видѣлъ обстрѣливаніе зданій университета, ты видѣлъ кровь, пролитую на твоихъ глазахъ у порога университетскаго!..

Да, у порога, но не внутри университетскихъ стѣнъ. Это послѣднее несчастіе предупредилъ ты. Въ тотъ знаменательный день, когда по одну сторону университетской рѣшетки, на улицѣ стояли войска, а во дворѣ молодежь,—студенты, забаррикадировавшіе ворота, и когда кровавая драма вотъ-вотъ должна была начаться, ты, цѣлые часы стоя между обѣими сторонами, воздѣйствуя всякими способами на молодежь, ведя переговоры съ администраціей и т. д., предупредилъ кровавое столкновеніе внутри университетскихъ стѣнъ... Это—твоя наивысшая заслуга предъ

роднымъ университетомъ: ты предохранилъ университетъ отъ вѣчнаго позора, а молодежь отъ ненужныхъ кровавыхъ жертвъ!...

Теперь ты далеко отъ насъ, тебѣ чужды наши скорби и волненія...

Но, если мы вслѣдъ за нашимъ великимъ учителемъ, врачомъ-философомъ Н. И. Пироговымъ признаемъ, что человѣческая жизнь — не случайность, и что ларецъ жизни нельзя такъ просто забросать землею, то мы должны вѣрить также, что все добро, которое ты сдѣлалъ здѣсь, пойдетъ за тобой туда, — въ далекую таинственную обитель, въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Здѣсь же, въ земной жизни ты оставляешь за собою яркій, свѣтлый слѣдъ, и сдѣланное тобой не пропадетъ втуне. Надъ Россіею уже занялась заря новой жизни... Для этой жизни нужны честные, самоотверженные интеллигентные работники, — и не просто „идейные“ люди, а съ крѣпкимъ трудовымъ закаломъ, съ основательными познаніями.

Ты всю жизнь неустанно работалъ, служилъ наукѣ, истинѣ, насаждалъ знанія. Ты словомъ и дѣломъ внушалъ твоимъ ученикамъ уваженіе къ труду, любовь къ знанію и, что можетъ быть еще важнѣй, любовь къ ближнему. Этимъ самымъ ты подготовлялъ дѣятелей для новой Россіи и честно выполнилъ твой долгъ передъ народомъ, изъ среды котораго ты вышелъ...

Спи же спокойно, дорогой, незабвенный Николай Матвѣевичъ! Не заглохнуть посѣянныя тобой сѣмена... Не можетъ заглохнуть „разумное, доброе, вѣчное“... Молодежь, твои ученики, я крѣпко вѣрю, пойдутъ туда, куда ты ихъ звалъ, куда ты ихъ велъ за собой.. Они пойдутъ къ страждущимъ и обездоленнымъ, которыхъ ты такъ любилъ, — и тамъ они продолжатъ великое дѣло, которому ты самоотверженно служилъ всю жизнь.

Прощай на вѣки и прости насъ за все, въ чемъ мы повинны предъ тобой!...¹⁾

Надгробное слово, сказанное приватъ-доцентомъ

П. П. Заболотновымъ.

Дорогой и незабвенный Николай Матвѣевичъ!

Позволь и мнѣ, какъ твоему ученику и ближайшему помощнику, сказать тебѣ свое послѣднее прости. Ты своей неожиданной

¹⁾ «Обновленіе» отъ 3 марта 1906 г.

ковчиной повергъ насъ, всѣхъ, работающихъ въ твоей лабораторіи, въ неописуемое горе. Мы никакъ не можемъ помириться, что тебя нѣтъ. Такъ и хочется увидѣть твой дорогой для насъ образъ хоть еще разъ среди насъ. Мы такъ привыкли тебя видѣть изо дня въ день за работой, отъ которой ты не зналъ себѣ отдыха ни въ будни, ни въ праздникъ. При послѣднемъ свиданіи съ тобой намъ ничто не предвѣщало, что мы болѣе не увидимъ тебя. Съ надеждой на скорую встрѣчу мы расстались, дорогой учитель. Ты обыкновенно изъ своихъ поѣздокъ въ столицу всегда возвращался къ намъ, освѣженный новыми впечатлѣніями, полный энергии и желаній работать вновь въ своей тѣсной и крайне скромной лабораторіи. Но на этотъ разъ рокъ судилъ тебѣ иное—ты къ намъ не возвратился, а отошелъ въ вѣчность. Твоя лабораторія осиротѣла.

Дорогой учитель! ты не зарылъ своихъ талантовъ, ты не можешь упрекнуть себя, что ничего не совершилъ. Жизнь твоя была полна кипучей дѣятельности.

Тотчасъ по окончаніи курса, ты занимаешь мѣсто помощника прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи и черезъ годъ приступаешь къ докторскому экзамену. Ты выдерживаешь этотъ искусь съ успѣхомъ и вскорѣ послѣ того ты былъ командированъ для научнаго усовершенствованія за-границу, гдѣ работаешь въ лабораторіи страсбургскаго профессора, извѣстнаго патолога Recklinghausen'a надъ вопросомъ о развитіи гигантскихъ клѣтокъ при туберкулезѣ. Это изслѣдованіе ты представилъ въ качествѣ своей докторской диссертациі. Уже въ этомъ трудѣ ты показалъ себя недюжиннымъ ученымъ—изслѣдователемъ, ибо позднѣйшая исторія вопроса о развитіи туберкулеза съ открытіемъ палочки Koch'a вполне подтвердила точность твоихъ наблюденій. Но ты не ограничился одной этой работой: во время своей командировки ты посѣщаешь извѣстные научные центры и въ Вѣнѣ привлекаешь твое особенное вниманіе богатѣйшій музей по избранной тобою спеціальности знаменитаго патолога Ракитанскаго. Ты въ немъ проводишь цѣлыя дни, изучаешь подробно наиболѣе интересные и наиболѣе рѣдкіе объекты, даже зарисовываешь ихъ себѣ на память, желаешь запечатлѣть все научно-цѣнное, чтобы потомъ подѣлиться со своими будущими учениками.

Въ 1879 г. ты получаешь ученую степень и черезъ годъ послѣ этого званіе приватъ-доцента, занимаешь въ то-же время мѣсто прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи. Ты со свойственной тебѣ энергіей и увлеченіемъ принимаешься за педагогическую дѣятельность и рядомъ съ этимъ продолжаешь производить различныя научныя изслѣдованія. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда въ Казани была эпидемія возвратнаго тифа, мы видимъ тебя за

изслѣдованіями желчнаго тифоида, результатомъ чего явилась твоя классическая работа о немъ, обратившая на себя вниманіе не только у насъ въ Россіи, но и за-границей. Когда въ 1895 году я былъ въ Германіи, то одинъ молодой ученый спросилъ, кто у васъ профессоромъ патологіи, и я назвалъ ему твое имя, тогда онъ сейчасъ же переспросилъ, что это тотъ самый, который писалъ о желчномъ тифоидѣ. Эта работа сразу поставила тебя въ ряды выдающихся изслѣдователей въ нашей спеціальнойности.

Съ 1885 года ты заступаешь мѣсто своего учителя, профессора Петрова, какъ самый достойный и талантливый ученикъ его, и съ честью занимаешь этотъ постъ до самой своей кончины. Красной нитью проходитъ черезъ всю твою профессорскую дѣятельность непрерывная научная разработка то тѣхъ, то другихъ вопросовъ патологіи. Но наиболѣе ты отдавалъ времени изслѣдованіямъ инфекціонныхъ и массовыхъ заболѣваній, о чемъ свидѣлствуютъ намъ какъ твои собственные работы, такъ равно и твоихъ учениковъ, вышедшія изъ твоей лабораторіи. Твое постоянное стремленіе какъ можно шире и глубже охватить свой предметъ, вновь тебя повлекло на Западъ. Ради этого ты совершаешь еще двѣ поѣздки за-границу, всегда на самыя скромныя средства, какъ говорится,—на мѣдные гроши. Но этимъ твоимъ командировкамъ университетъ обязанъ тебѣ введеніемъ въ кругъ медицинскихъ наукъ новой отрасли знаній, новой науки—это бактериологіи. Ты сразу оцѣнилъ громадное значеніе ея для патологіи и съ микроскопическими средствами сталъ вести частный бесплатный курсъ бактериологіи для студентовъ. Но ты не ограничивался только своимъ чисто академическимъ курсомъ. Нѣтъ, ты первый явился талантливымъ популяризаторомъ ея, ты познакомилъ казанское общество съ бактериологіей въ связи съ ученіемъ объ инфекціонныхъ болѣзняхъ путемъ публичныхъ лекцій, которыя всегда имѣли большой успѣхъ, благодаря твоему талантливому изложенію.

Занявъ мѣсто университетскаго преподавателя, ты массу времени отдавалъ педагогической дѣятельности, ибо ты не довольствовался только оффиціальнымъ курсомъ, а параллельно съ этимъ рядъ лѣтъ читалъ частные курсы, желая, насколько возможно, пополнить медицинское образованіе молодежи. Чтобы облегчить изученіе предмета, тобою были изданы съ первыхъ же лѣтъ прекрасны составленные и хорошо обработанныя литографированныя курсы, которые и до сихъ поръ служатъ весьма хорошимъ пособіемъ. Какъ талантливый лекторъ, ты всегда привлекалъ къ себѣ многочисленную аудиторію, которая съ большимъ интересомъ слѣдила за твоими лекціями, всегда обставленными съ такою заботливостью массою объектовъ и демонстрацій. Но помимо этого, ты особенное вниманіе посвящалъ практическимъ занятіямъ, на кото-

рыхъ всегда присутствуя лично, давалъ охотно разъясненія своимъ слушателямъ и старался какъ можно болѣе познакомить со своимъ предметомъ. Многочисленные твои слушатели, будучи уже молодыми врачами, съ благодарностью потомъ вспоминали твои курсы и цѣнили ихъ. Казанскій университетъ обязанъ тебѣ, дорогой учитель, постановкою преподаванія патологической анатоміи на такую высоту, на какой оно, быть можетъ, стоитъ въ немногихъ нашихъ университетахъ.

Благодаря твоимъ заботамъ, твоей энергіи, твоей любви къ дѣлу, теперь у насъ въ Казанскомъ университетѣ сформировался богатый музей при кафедрѣ патологической анатоміи какъ по количеству въ немъ объектовъ, такъ и по качеству ихъ. Хотя основаніе его положено было еще твоимъ учителемъ профессоромъ Петровымъ, но главная масса собрана тобой. Казанскій университетъ обязанъ тебѣ очень цѣнными препаратами, между которыми, можно сказать, есть единственные не только въ Россіи, но и въ Европѣ, напр., богатѣйшая коллекція многокамернаго эхинококка, который тобою первымъ былъ распознанъ и описанъ у насъ въ Казани. До тебя никто не зналъ этой формы заболѣванія въ нашей мѣстности, на востокѣ Россіи.

Твоя лабораторія постоянно привлекала молодыхъ врачей работниковъ и мы видимъ—изъ нея выходитъ цѣлый рядъ диссертаций, которые представляютъ не плодъ компилятивной работы, а часто вносятъ цѣнный вкладъ въ научную литературу. Ты въ нихъ, затрагивая разнообразныя темы патологіи и бактериологіи, широко пользовался экспериментальнымъ методомъ. Количество всѣхъ работъ, вышедшихъ изъ твоей лабораторіи, достигаетъ не менѣе ста.

Незабвенный профессоръ!

Твоя обаятельная личность на всѣхъ, имѣвшихъ счастье работать съ тобою, производила чарующее дѣйствіе.

Ты всегда являлся къ намъ въ лабораторію какъ солнечный лучъ, озаряя насъ свѣтомъ и согрѣвая своей теплотой. Въ твоей лабораторіи не было начальства и подчиненныхъ—этого мы никогда не знали, не чувствовали. Мы видѣли въ тебѣ скорѣе любящаго старшаго брата, всегда скромнаго и простаго въ обращеніи, всѣмъ всегда доступнаго, всегда готоваго намъ помочь своими богатыми званіями, своимъ богатымъ опытомъ, своими указаніями въ нашей повседневной научной лабораторной дѣятельности.

Ты былъ чуждъ всякаго намека на вичливость своимъ положеніемъ; твоей отличительной чертой были: простота, радушіе, готовность каждому придти на помощь. Выпавшая на твою долю честь быть первымъ избраннымъ ректоромъ скорѣе омрачила, а не обрадовала тебя. Ты съ грустью сообщалъ намъ, что тебѣ изъ-за

этого почета мало удастся посвящать времени своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ, своей любимой лабораторіи. И будучи даже ректоромъ, ты находилъ, однако, свободные часы, которые и отдавалъ работающимъ у тебя молодымъ товарищамъ. Въ эту даже осень, послѣ уже твоего избранія, ты устроилъ въ лабораторіи научныя бесѣды по субботамъ, которыя прервались только передъ самымъ твоимъ отъѣздомъ. Такимъ образомъ, не смотря на столь трудное время въ нашей академической жизни, ты не оставлялъ своей научной дѣятельности и въ ней какъ бы отдыхалъ душой.

Дорогой и незабвенный учитель! Ты оставляешь намъ свои завѣты трудиться, работать на пользу науки, на пользу родного университета и горячо любимой тобою родины. Ты былъ ея достойнымъ сыномъ, отдавъ ей всего себя, всю свою жизнь. Да позволено будетъ мнѣ закончить свое слово классическимъ пожеланіемъ „Sit tibi terra levis“. Да будетъ тебѣ легка земля!

Дорогой учитель! Прости, прости, прости!“¹⁾

Рѣчь Предсѣдателя Общества врачей при Университетѣ,
проф. А. Н. Каземъ-Бека.

Дорогой товарищъ и учитель!

Смерть твоя поразила насъ!

Давно ли мы видѣли тебя еще бодрымъ и неутомимымъ—и вотъ пришлось встрѣчать тебя уже бездыханнымъ.

Общество врачей, почетнымъ членомъ котораго ты состоялъ, въ засѣданіи своемъ отъ 25 февраля постановило: 1) устроить торжественное засѣданіе, посвященное твоей памяти,—2) открыть подписку на образованіе стипендіи твоего имени при Обществѣ, 3) поставить въ библіотекѣ Общества твоей портретъ и въ 4) привѣтствовать отъ имени Общества въ лицѣ предсѣдателя и члена общества, д-ра Чалусова, останки твои при погребеніи.

Тѣло твое мы предадимъ сегодня землѣ, но духъ твой въ нашемъ Обществѣ врачей забыть нельзя. Ты былъ самымъ дѣятельнымъ его членомъ. Не мѣсто здѣсь перечислять твои научные доклады; но достаточно будетъ сказать мнѣ, что рѣдкое научное собраніе врачей обходилось безъ твоихъ личныхъ докладовъ или же твоихъ близкихъ учениковъ по патолого-анатомическому кабинету, чтобы этимъ наглядно показать, насколько были дороги и близки тебѣ

¹⁾ «Обновленіе» отъ 27 февраля 1906 г.

интересы Общества. Тобой, можно сказать, и было живо наше Общество!—Ты былъ горячимъ поборникомъ истины; твои доклады не были фантастичны, факты не подтасовывались—нѣтъ. они всегда подтверждались реальными данными, объектами тобой же созданнаго богатаго патологическаго анатомическаго музея.—Но за отстаиваніе истины ты нерѣдко и платился, доставляя себѣ рядъ мучительныхъ, бессонныхъ ночей! Такъ спи же, дорогой товарищъ и учитель, пусть хотя земля будетъ для тебя легка!¹⁾

**Докторъ М. А. Чалусовъ отъ Казанскаго Общества врачей
произнесъ слѣдующую рѣчь**

„Семья университетская сиротѣтъ, одинъ за другимъ сходятъ въ могилу наши учителя, наши старшіе товарищи, которые сѣяли среди насъ знанія, звали насъ въ храмъ науки, вдохновляли и руководили нами на первыхъ шагахъ при робкихъ попыткахъ самостоятельнаго изслѣдованія. Среди понесенныхъ утратъ, утрата Николая Матвѣевича особенно чувствительна. Постоянно добрый, постоянно внимательный къ нашимъ наукамъ, къ нашимъ запросамъ, онъ привлекалъ къ себѣ работниковъ своей простотой, своей готовностью идти на встрѣчу, помочь словомъ, сдѣлать всегда полезныя указанія; онъ не жалѣлъ труда лично участвовать въ дорогихъ его сердцу изслѣдованіяхъ. Вотъ причина тѣхъ многихъ работъ, вдохновенныхъ имъ и исполненныхъ при его ближайшемъ участіи и руководствѣ въ его кабинетѣ, за которымъ онъ ухаживалъ, какъ за своимъ любимымъ дѣтищемъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе часы своей жизни и который ихъ поставилъ такъ высоко.

Какъ декана факультета, его ежечасно отрывали отъ работы студенты всѣхъ курсовъ, факультетовъ, фармацевты, слушатели акушерскихъ курсовъ, дантисты... Вникая въ положеніе каждаго, спѣша облегчить его, отыскивая возможность затрудненія и недоразумѣнія, онъ, уставая, мучилъ себя, но всегда деликатный спѣшилъ самъ въ канцелярію, справлялся, хлопоталъ, просилъ и успѣхомъ своихъ ходатайствъ утѣшалъ своего кліента. Надо удивляться, какъ можно было работать, предаваться наукѣ при такой массѣ отвлекающей сторонней работы. Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай..

Еще въ 1901 г. Николай Матвѣевичъ жаловался на усталость: силы измѣняются; я измучился... Двадцать лѣтъ я жду свободного университета... Дождусь-ли до своей смерти? Но можетъ-ли быть свободный университетъ при нашихъ условіяхъ... Насъ-

¹⁾ Рукопись.

профессоровъ обвиняють, насъ бранять за отсталость... Но мы не боевые люди. Среди подозрѣнія, среди недовѣрія, среди кучи предписаній дѣлаю, что могу и какъ умѣю“...

Сколько было неподдѣльной искренности въ его словахъ. Со стороны не вило было, какъ болѣлъ человекъ за университетъ, за молодежь, за общество, которому онъ при первой возможности несъ свои знанія въ популярной бесѣдѣ, въ понятномъ изящномъ толкованіи изучаемыхъ явленій. Онъ дѣлалъ мечту видѣть университетъ богатымъ даровитыми силами, хорошо обставленнымъ, спаяннымъ дружной совѣстной работой. Вкупѣ съ другими, онъ хлопоталъ о средствахъ медицинскаго факультета, желая сдѣлать его привлекательнымъ и стоящимъ высоко и славно для питомцевъ всей великой Россіи... Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ и не то ему пало на долю...

Хлопоча постоянно о высокой постановкѣ медиц. факультета, онъ всегда стремился привлечь врачей Казани и къ теоретическому обмѣну свѣдѣній, старался заинтересовать ихъ, сгруппировать и сплотить ихъ въ Обществѣ врачей при казанскомъ университетѣ для научно-общественной работы. Въ нашемъ обществѣ онъ часто выступалъ блестящимъ докладчикомъ по многимъ интереснымъ вопросамъ; здѣсь онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ и любовью встрѣчалъ каждую молодую силу, несая ей помощь и нравственную поддержку своимъ опытомъ и знаніями... Въ печатный органъ нашего Общества онъ помѣщалъ свои труды, желая привлечь на страницы его вниманіе врачей всей нашей окраины, чтобы каждый, въ свою очередь, счумѣлъ внести посильную лепту въ сокровищницу трудовъ общества и университета.

Но $\frac{1}{4}$ -вѣковой работой силы были подорваны: тяжелый постъ ректора, на который онъ всталъ въ столь сложныхъ условіяхъ, окончательно убилъ его.

Прощаясь съ дорогимъ учителемъ и почетнымъ членомъ нашего Общества, скажу его же словами: для университета, для молодежи, толпящейся въ стѣнахъ его, для самого знанія общества, для родной страны, „онъ дѣлалъ, что могъ и какъ умѣлъ“. Онъ умеръ, борясь за свободную науку въ то время, когда

Надъ великой страной,
Надъ родимой землей
Кличъ желанной свободы раздался,
И какъ ранней зарей
И весенней порой
Гулѣмъ эхомъ въ сердцахъ отзывался.

И вставали борцы
Наши братья, отцы

И сомкнулись подъ лозунгъ „свобода“,
 Но глухіе слѣпцы
 И простые глупцы
 Ихъ назвали врагами народа.

Содрогнулася рать...
 Какъ предъ мракомъ стоять!?
 Жертвы пали ряды за рядами...
 Но пора-ли считать,
 Гдѣ кого потерять!?...
 Нѣтъ! Впередъ за своими вождями...

Надъ могилой простой
 Поклянитесь толпой:
 Все впередъ за своими вождями!
 Пусть покойникъ нѣмой
 Подъ землю сырой
 Спитъ согрѣтый свободы лучами“¹⁾.

Рѣчь приватъ-доцента И. М. Гиммеля.

„Дорогой Учитель!

Думали-ли мы, что, прощаясь съ тобой передъ твоимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, мы прощаемся навсегда, что черезъ два мѣсяца мы встрѣтимъ только безмолвный, бездыханный трупъ.

Нестерпимо, до боли тяжело ощущать утрату дорогого, любимого человѣка, учителя—друга, около котораго проведено болѣе десяти лѣтъ, подъ руководствомъ котораго прошли первые робкіе шаги, начинающаго свою научную дѣятельность, врача, съ которымъ дѣлились первыя научныя радости.

Болѣе десяти лѣтъ почти ежедневно приходилось видѣть твою непосильную для простого смертнаго работу, работу титана мысли—энергіи.

Съ какимъ увлеченіемъ и любовью ты выполнялъ свою работу: были-ли это занятія со студентами, научныя бесѣды съ работающими въ лабораторіи врачами или собственныя научныя изысканія.

¹⁾ «Волжскій Вѣстникъ» отъ 28 февраля 1906 г.

Радость и удовлетвореніе свѣтились въ твоихъ глазахъ, когда ты замѣчалъ успѣхи учениковъ, скорбь и печаль—при ихъ неудачахъ.

Ты любилъ своихъ учениковъ, ты жилъ ихъ интересами, сроднялся съ ними душой.

Твои объятія широко открывались для ищущихъ свѣта, истины, знаній; у тебя никому и никогда не было отказа; ты всѣмъ старался сдѣлать добро.

Невидимый защитникъ студентовъ въ ихъ тяжелыя минуты жизни, добрый товарищъ молодымъ врачамъ, негласный помощникъ бѣднымъ и больнымъ, ты въ ущербъ своему здоровью, въ ущербъ интересамъ семьи, съ опасностью для жизни былъ тамъ, гдѣ заставлялъ тебя быть твой долгъ.

Любовь къ ближнему, добрыя дѣла и прощеніе врагамъ были путеводной звѣздой въ твоей трудовой научной жизни.

Прости, прощай, дорогой учитель; твой милый, дорогой образъ никогда не забудется нами!¹⁾

Рѣчь помощника прозектора патолого-анатомическаго Института проф. Н. М. Любимова, доктора К. Н. Виноградова.

*„Дорогой Учитель,
Николай Матвѣевич!*

Не мнѣ оцѣнивать твои научныя заслуги. Я не стужу да и не достоинъ этого сдѣлать! Мнѣ хотѣлось только вспомнить прекрасныя обаятельныя черты твоей личности и особенно отмѣтить твое необычайно горячее желаніе помочь въ работѣ всякому, стремящемуся хоть сколько-нибудь научно работать, твою мечту возбудить любовь къ наукѣ во всякомъ, входившемъ въ твой патолого-анатомическій кабинетъ. А къ тебѣ въ кабинетъ приходили работать массы народу: приходили студенты, врачи, приходили ветеринарные врачи и приватъ-доценты, приходили лица, отдавшіея всецѣло практической врачебной дѣятельности, порой забывавшіе ужъ патологическую анатомію, но снова возвращавшіеся къ ней, снова изучавшіе ее и писавшіе по этому предмету серьезныя научныя работы. Ты не требовалъ особенно большой научной подготовки, для тебя важнѣе было желаніе работать; и ты всего себя

¹⁾ Рукопись.—М. К—ій.

отдавалъ въ руки желающему работать у тебя. И всякій, кто только ни приходилъ въ твой кабинетъ, каждый напередъ зналъ, что найдетъ у тебя не холодный пріемъ, не равнодушіе, а встрѣтитъ друга, лучшаго и идеальнѣйшаго товарища, который не свысока, а какъ-то удивительно просто и мягко будетъ руководить работой! И во все время работы никто не услышитъ отъ тебя ни упрека, ни ироніи, а встрѣтитъ только трогательное участіе и поддержку при неудачѣ, радость и восторгъ при успѣхѣ! Какъ будто бы неудача работавшаго у тебя была твоей неудачей и успѣхъ твоимъ успѣхомъ! Ты не отдѣлялъ себя отъ лица работавшаго у тебя. Вотъ почему такъ хорошо и чувствовалось у тебя въ кабинетѣ, какъ въ родномъ уголкѣ; вотъ почему была такая масса охотниковъ работать у тебя. И если посмотрѣть, какая масса ученыхъ работъ вышла изъ твоего кабинета и какая масса была у тебя работниковъ, можно изумляться только той необычайной научной энергіи, которую ты проявилъ.

Россия наша еще очень не культурна, мало въ ней культурныхъ традицій, мало лицъ, любящихъ заниматься умственнымъ трудомъ, мало научныхъ работниковъ. Ты принялъ всѣ мѣры, чтобы увеличить число научныхъ работниковъ. Ты сдѣлалъ въ этомъ направленіи все, что могъ; пожалуй даже больше, чѣмъ могъ: ты отдалъ себя въ жертву другимъ; но не оставлялъ и науки. Я помню, съ какимъ увлеченіемъ и жаромъ ты раскрывалъ всякій новый номеръ французскаго или нѣмецкаго журнала, всякій новый капитальный трудъ изъ твоей области. Ты все время искалъ новыхъ путей и новыхъ методовъ изслѣдованія твоей науки. И со всѣмъ этимъ новымъ, что ты ни почерпалъ только изъ обширной литературы твоего предмета, ты дѣлился со всѣми твоими слушателями. Вотъ почему твои лекціи и были такъ привлекательны. И самъ ты все время научно работалъ, писалъ ученые труды, спорилъ, волновался и жилъ для науки.

Я не буду говорить о твоёмъ горячемъ участіи къ матеріальнымъ нуждамъ твоихъ учениковъ и всѣхъ студентовъ. Къ тебѣ за помощью приходили всѣ. Ты всѣмъ помогалъ; это всѣ знаютъ и объ этомъ говорить не нужно.

Какъ общественному дѣятелю, тебѣ пришлось жить во время жестокое, когда всякое проявленіе общественнаго чувства, мысли и воли, все подавлялось со всей строгостью. Лучшіе люди не могли выносить этихъ условій и массами гибли въ борьбѣ. Студенчество одно понесло неисчислимое количество жертвъ. Ты понималъ благородные мотивы борьбы и уважалъ борцовъ. Вотъ почему всякій студентъ, пострадавшій въ студенческихъ волненіяхъ, находилъ въ тебѣ убѣжденнаго защитника....

Прощай, дорогой учитель! Возвращаясь съ войны, я мечталъ снова увидѣть тебя въ живыхъ. Не пришлось! Но какъ-то не вѣрится, чтобы твоя личность могла исчезнуть; хочется думать, что если не здѣсь на землѣ, то гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ она останется такой же обаятельной и прекрасной, какой она была здѣсь. Есть ли этотъ мѣръ, я не знаю. Но разъ не пришлось больше видѣть тебя здѣсь, хотѣлось бы имѣть мечту встрѣтить тебя тамъ. Прощай!!

Врачъ К. Виноградовъ¹⁾.

Рѣчь студента В. Н. Парина.

„Незабвенный Николай Матвѣевичъ!“

Слишкомъ 8 лѣтъ тому назадъ я впервые встрѣтилъ тебя, какъ лектора. Когда казанское медицинское общество рѣшило организовать публичные курсы по медицинѣ, ты одинъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ и въ теченіи 2 полугодій прочиталъ рядъ лекцій по бактеріологіи и патологической анатоміи, отнесясь къ дѣлу не формально, какъ къ пустому и не важному, но какъ къ серьезному, большому дѣлу.

Уже на первыхъ лекціяхъ слушатели могли замѣтить твой недюжинный, крупный педагогическій талантъ. Ты могъ такъ живо и увлекательно излагать родную тебѣ науку; въ твоемъ изложеніи чувствовалась такая любовь къ знанію, всѣ твои лекціи были проникнуты такимъ теплымъ чувствомъ, что ты невольно подкупалъ въ свою пользу.

Стремясь къ передачѣ знаній, ты долго еще спустя послѣ лекціи бесѣдовалъ съ слушателями. Ты открылъ широко для ознакомленія интересующимся двери своего кабинета, и тамъ лилась твоя живая научная рѣчь.

И аудиторія оцѣнила тебя. Въ часы твоихъ лекцій большой университетскій залъ былъ полонъ слушателями. Здѣсь были учителя и среднихъ и низшихъ школъ, и священники, и фельдшерицы и гимназистки и матери-воспитательницы.

И я, тогда учитель, проникся глубокимъ уваженіемъ къ тебѣ за твои крупныя педагогическія дарованія, за твою любовь къ наукѣ.

Спустя 6 лѣтъ, уже студентомъ работая въ твоей скромной лабораторіи, я еще болѣе оцѣнилъ тебя. Твой педагогическій та-

¹⁾ Рукопись.

лантъ и твоя преданность наукѣ сдѣлались для меня еще болѣе очевидными.

Ты обладалъ какимъ-то особымъ даромъ дѣйствовать возбуждающе на всѣхъ, желавшихъ работать въ твоей лабораторіи. Въ минуты неудачи, близкой къ отчаянью, ты скорбѣлъ вмѣстѣ съ работавшими, но и во-время оказывалъ твою авторитетную научную поддержку.

Ты радовался радостями твоихъ скромныхъ сотрудниковъ, ты скорбѣлъ ихъ скорбями.

Но, близко наблюдая тебя, какъ профессора, я не могъ не замѣтить въ тебѣ хорошаго человѣка. Твоя широкая терпимость, крайняя деликатность и мягкость души не могли не вызывать къ тебѣ должнаго уваженія.

Но самое драгоценное твое качество — отзывчивость къ нуждамъ и горю твоихъ ближнихъ.

Къ тебѣ шли со своими нуждами и поступающій въ университетъ, и студентъ, и курсистка, и врачъ. Они шли къ тебѣ не какъ къ декану, къ ректору. Они шли къ тебѣ, какъ къ доброму, отзывчивому человѣку. И всѣмъ имъ ты оказывалъ сердечное сочувствіе, добрый совѣтъ, широкую помощь.

Къ тебѣ обращался и университетскій сторожъ, для котораго ты находилъ время и силы быть благодѣтелемъ и защитникомъ.

Помню, первое время, наблюдая изо дня въ день постоянныя посѣщенія, постоянныя просьбы къ тебѣ въ неурочное время, я искренне жалѣлъ тебя, удивлялся тому, что не всѣ посѣтители проникнуты сознаниемъ того, что они отрываютъ тебя отъ научныхъ занятій, отнимаютъ дорогое для тебя время. Впослѣдствіи я убѣдился, что потребность оказывать людямъ добро въ тебѣ была столь же сильна, какъ любовь къ знанію.

Ты погибъ жертвой научной ошибки. Твоя смерть для насъ вдвойнѣ и тѣмъ болѣе прискорбна, что своевременнымъ вмѣшательствомъ медицины твоя жизнь была бы сохранена.

Диагностика, развитію которой ты содѣйствовалъ, какъ патолого-анатомъ, оказалась безсильной. И ошибка была роковой.

Ты умеръ!... Но твое имя будетъ долго жить. Въ тяжелое время ты трудился для возрожденія университета, какъ избранникъ профессорской коллегіи, и этой работѣ ты пожертвовалъ значительной частью своего здоровья и жизни.

За 30 лѣтъ педагогической дѣятельности ты оставилъ обширную семью твоихъ учениковъ. На громадномъ пространствѣ Россіи въ темныхъ, глухихъ уголкахъ они служатъ страждущему, обездоленному люду.

Въ твоемъ лицѣ мы потеряли талантливаго профессора нашего университета, профессора, соединявшаго въ себѣ и педагогиче-

скій талантъ и научныя заслуги, профессора, который не стремился быть на пьедесталѣ и недоступнымъ для учениковъ, но всю жизнь стремился къ сближенію.

Твое имя долго будетъ жить въ нашихъ сердцахъ. Память о тебѣ, какъ талантливомъ профессорѣ и добромъ человѣкѣ, мы передадимъ своимъ дѣтямъ.

А то дѣло, которому ты служилъ, будетъ широко развиваться. И если не удалось увидѣть тебѣ осуществленія твоей завѣтной мечты—свободный университетъ въ свободномъ государствѣ,—то увидать твои ученики и твои друзья.

Спи же мирно, спокойно, дорогой учитель и отзывчивый человѣкъ!¹⁾

„Надгробное слово дорогому учителю Н. М. Любимову:

Еще недавно такъ, едва успѣли мы прочесть,
 Что заболѣлъ и слегъ ты тамъ отъ насъ вдали,
 Какъ вновь къ намъ принеслася грозный вѣсть:
 „Надежды нѣтъ и дни твои ужъ сочтены“.
 Тогда молитву все мы къ Богу возсылали
 И горячо Его просили, и желали,
 Чтобъ Онъ тебя для насъ хоть сохранилъ
 И жизнь всѣмъ дорогую пощадилъ...
 Но твой недугъ
 Такъ вдругъ
 Тебя сломилъ
 И всѣхъ насъ горемъ тяжкимъ поразилъ...
 Зачѣмъ ушелъ отъ насъ!
 Зачѣмъ еще хоть разъ
 Не далъ на твой привѣтъ—привѣтомъ отвѣчать,
 Душою всей тебя любить и уважать,
 За то, что жизнь свою всегда другимъ ты отдавалъ,
 Кому, чѣмъ могъ, охотно помогалъ.
 Въ заботахъ и дѣлахъ чужихъ свой отдыхъ ты искалъ,
 Ты всѣхъ любилъ, всѣхъ ободрялъ и утѣшалъ;
 И сердце доброе не вѣдало предѣла.
 О Боже, такъ за что-жъ душа твоя такъ скоро отлетѣла?!

¹⁾ Рукопись.

Учитель дорогой! Товарищ безпримѣрный!
 Зачѣмъ ушелъ отъ насъ ты другъ нашъ, добрый, вѣрный?!
 Зачѣмъ?! Куда?!.....
 Къ чему рыданья и слова!....
 Пусть лучшя воспоминанья
 Живуть о немъ у насъ всегда....
 О дорогія, милыя черты!...
 Для насъ—не умеръ ты:
 Твое живое слово, дѣло и привѣтъ сердечный
 Проникли такъ въ сердца людей,
 Что можешь, другъ нашъ, спать ты долго, долго, вѣчно
 И твой покой не нарушать упрекъ ничей.
 Спи-жь, другъ нашъ, добрый, честный, вѣрный,
 И память вѣчная тебѣ, учитель нашъ, товарищъ безпри-
 мѣрный!

Студентъ М. Мирлесъ“¹⁾.

Стихи, составленные на смерть Н. М. Любимова одной изъ знакомых покойнаго, М. И. Б—гь.

„Давно-ль онъ былъ среди насъ? Давно-ли мы встрѣчали
 Привѣтный взоръ теперь угасшихъ глазъ?
 Когда друзья его въ дорогу провожали,
 Кто думать могъ, что онъ изъ непривѣтной дали
 Ужь не вернется къ намъ, что то—последній разъ.
 Вернулся онъ, но хладный, недвижимый.
 Онъ спитъ въ цвѣтахъ, безъ воли и безъ силъ..
 Придите всѣ, смотрите: здѣсь любимый
 Нашъ другъ, нашъ врачъ, учитель,—опочилъ.
 Онъ спитъ среди цвѣтовъ.. Не плачьте, не будите,
 Спокойно онъ уснулъ, и блѣдное чело
 Такъ безмятежно и свѣтло,
 Какъ будто говорить: печали, отойдите!
 Онъ много слезъ горячихъ осушалъ,
 Онъ много радостей дарилъ среди несчастныхъ!
 —Не надо больше слезъ напрасныхъ,
 Онъ спитъ, кто многихъ утѣшалъ!“²⁾

^{1) и 2)} Рукописи.

Около 2 часовъ дня гробъ съ останками *Н. М. Любимова* вынесенъ былъ почитателями покойнаго изъ Университета, и траурная процессія направилась къ куртинскому кладбищу мимо старыхъ клиникъ, противъ которыхъ совершена была литія, мимо той „часовни“ во дворѣ клиникъ, въ которой проф. Любимовъ въ теченіе почти 30 лѣтъ производилъ свои поучительныя патолого-анатомическія вскрытія, отдаваясь имъ всей душой и не щадя для нихъ своихъ силъ и здоровья, — мимо, наконецъ, той, mnogimъ очень памятной, квартиры Николая Матвѣевича противъ тѣхъ же старыхъ клиникъ (вышѣ — домъ Антонова), въ которой онъ жилъ много лѣтъ.

Въ похоронной процессіи участвовала громадная масса народу, при чемъ выдѣлялась своей многочисленностью учащаяся молодежь. Улицы, по которымъ слѣдовала похоронная процессія, были, — замѣчать хроникеръ одной изъ мѣстныхъ газетъ, — „положительно запружены народомъ и экипажами“. Но порядокъ былъ полный, и главнымъ образомъ благодаря особенному уваженію къ памяти покойнаго профессора и ректора университета *Н. М. Любимова* со стороны студентовъ, взявшихъ на себя охрану погребальнаго шествія и постановившихъ не допускать никакихъ демонстрацій, возможныхъ въ то тревожное время. — Двѣ траурныя колесницы утопали въ массѣ вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ покойнаго, всѣми любимаго, *Н. М. Любимова* отъ слѣдующихъ учреждений, корпорацій и лицъ:

„Незабвенному Ректору Университета“. — *Советъ Казанскаго Университета.*

„Дорогому сотоварищу Н. М. Любимову“. — *Медицинскій факультетъ Казанскаго университета.*

„Своему дорогому учителю-другу“. — *Патолого-анатомическій институтъ.*

„Сердечному человѣку и незабвенному учителю“. — *Отъ ассистентовъ и фельдшерницъ дѣтской клиники.*

„Дорогому учителю и отзывчивому человѣку“. — *Отъ студентовъ-медиковъ.*

„Своему незабвенному ректору Н. М. Любимову“. — *Отъ чиновниковъ и служащихъ университета.*

„Дорогому благодѣтелю и защитнику Н. М. Любимову“. — *Отъ служителей университета и клиникъ.*

Дорогому учителю — консультанту Н. М. Любимову. — *Отъ врачей Казанской Окружной лечебницы.*

„Николаю Матвѣевичу Любимову“. — *Отъ Казанскаго городского общественнаго управленія.*

„Ректору, избраннику совѣта Императорскаго Казанскаго университета, Николаю Матвѣвичу Любимову“.—Отъ *Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета.*

„Ректору казанскаго университета Н. М. Любимову,“—Отъ *профессоровъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института.*

„Профессору Н. М. Любимову“.—Отъ *друзей и почитателей въ Императорскомъ институтѣ экспериментальной медицины.*

„Дорогому другу Николаю Матвѣвичу“.—Отъ семьи *Разумовскихъ.*

„Многоуважаемому Николаю Матвѣвичу Любимову“.—Отъ семейства *Хитровыхъ.*

„Горячо любимому Николаю Матвѣвичу“—Отъ искренно благодарнаго *пациента А. И. Романова.*

„Дорогому незабвенному Н. М. Любимову“, *Семья Александровыхъ.*

„Николаю Матвѣвичу Любимову“.—Благодарные *ветеринарные врачи.*

„Николаю Матвѣвичу Любимову“.—Отъ *Уфимскаго городского общественнаго управленія.*

„Незабвенному учителю, товарищу, профессору Н. М. Любимову“.—*Врачи Уфы—Казанцы.*

„Незабвенному Николаю Матвѣвичу Любимову, какъ чело-
вѣку и гражданину“.—Отъ *масныхъ думы, друзей и почитателей уфимцевъ.*

„Безконечно челоѣколюбивому Николаю Матвѣвичу“.—Отъ *уфимскихъ почитателей мусульманъ Шейхъ-Али.*

„Незабвенному дорогому другу“.—Отъ *Конопасевичей.*

Незабвенному Николаю Матвѣвичу.—Отъ *Гузовскихъ.*

Незабвенному Николаю Матвѣвичу.—Отъ *Е. А. Износковой.*
(Петербургъ).

Незабвенному Николаю Матвѣвичу.—Отъ *Г. А. Шейхъ Али.*
(Петербургъ).

„Незабвенному Николаю Матвѣвичу“.—Отъ *старыхъ друзей.*

„Незабвенному Н. М. Любимову“.—Признательная *пациентка.*

Отъ *С. Ф. Орловскаго*—съ надписью: „Ave, anima candida“¹⁾.

¹⁾ «Прощай, чистая душа!»

Схороненъ проф. *Любимовъ* на городскомъ кладбищѣ, въ семейномъ склепѣ, находящемся вблизи и въ началѣ главной аллеи кладбища, на правой сторонѣ отъ входа.

Возвратились участвовавшіе въ похоронной процессіи съ кладбища домой около 5 часовъ вечера.

Послѣ похоронъ чествованіе незабвеннаго *Н. М. Любимова* продолжалось.

Въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета 2 марта 1906 г. прочитано было письмо вдовы Л. Я. Любимовой на имя и. д. Ректора Университета Н. П. Загоскина слѣд. содержанія:

„Выражаю свою глубокую и самую сердечную благодарность Вамъ, глубокоуважаемый Николай Павловичъ, за всѣ Ваши заботы обо мнѣ. Я чувствую себя глубоко обязанной Вамъ и какъ только буду чувствовать немного силы, чтобы лично выразить Вамъ свою признательность, не премину сдѣлать это. Если бы Вы стали отвѣчать на телеграммы, то очень прошу Васъ присоединить мою сердечную благодарность“.

„По прочтеніи сего проф. Загоскинъ заявилъ, что онъ докладываеъ письмо г. Любимовой только потому, что содержаніе его онъ всецѣло относитъ къ Совѣту, исполнителемъ воли котораго онъ, Загоскинъ, являлся.“

Отрадное чувство произвело, по замѣчанію г. предѣдателя, общественное вниманіе къ понесенной Университетомъ утратѣ. Оно выразилось во встрѣчѣ останковъ покойнаго и его похоронахъ; въ содѣйствіи со стороны администраціи желѣзной дороги и особенно въ активномъ содѣйствіи студентовъ: ихъ депутація съ возложеніемъ вѣнза, почетный караулъ у гроба во все время пребыванія его въ Университетской церкви, охрана погребальнаго шествія, весьма много способствовавшія какъ достойному чествованію памяти покойнаго Ректора, такъ и сохраненію внѣшняго порядка печальнаго церемоніала. Все это заслуживаеъ выраженія глубокой благодарности со стороны Университета.

О п р е д ѣ л и л и: Выразить печатно признательность Императорскаго Казанскаго Университета всѣмъ лицамъ, отозвавшимся на постигшее его горе, и особенно студентамъ Университета, принявшимъ живое участіе въ отдаваніи послѣдняго долга покойному Рек-

тору Университета и съ готовностію принявшимъ на себя нелегкое дѣло поддержанія порядка въ многотысячномъ погребальномъ кортежѣ“¹⁾).

Въ мѣстныхъ газетахъ отъ 5 марта 1906 г. мы читаемъ слѣд. письмо въ редакцію:

„Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ.

По порученію совѣта Императорскаго Казанскаго университета, позвольте мнѣ на страницахъ Вашей газеты выразить отъ лица всѣхъ сотоварищей покойнаго Николая Матвѣевича Любимова чувства глубокой признательности всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, почтившимъ память усопшаго и раздѣлившимъ съ университетомъ печаль понесенной безвременной утраты.

Университетъ особенно признателенъ г. г. студентамъ, принявшимъ живое участіе въ отдачіи послѣдняго долга покойному и любезно принявшимъ на себя нелегкое дѣло поддержанія порядка въ многотысячномъ погребальномъ кортежѣ.

И. д. ректора универ. Н. Загоскинъ“.

„Памяти Н. М. Любимова.

(Доктора Л. О. Фофанова).

Тяжелое время—тяжелые дни!

Нѣсколько дней назадъ телеграфъ принесъ извѣстіе, поразившее всѣхъ.

Умеръ Николай Матвѣевичъ Любимовъ.

Умеръ первый свободно выбранный ректоръ Казанскаго университета, умеръ талантливый профессоръ, крупный ученый, *умеръ хороший, честный, добрый человекъ!*

Тяжело переносить такія утраты и особенно тяжело, когда ихъ не ожидаешь!

Врядъ ли кто нибудь могъ предполагать, что Николай Матвѣевичъ такъ скоро и такъ неожиданно окончитъ свою дѣятельность въ самомъ разгарѣ ея. Тяжела эта утрата для насъ—молодыхъ врачей, для которыхъ Николай Матвѣевичъ былъ постоян-

---

¹⁾ Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Октябрь. Приложение, стр. 50—51.

нымъ наставникомъ и руководителемъ во многихъ научныхъ вопросахъ. Тяжелой эта утрата должна быть для всего Казанскаго университета, которому покойный посвятилъ всю жизнь съ студенческой скамьи до гробовой доски.

И умеръ онъ на славномъ посту свободно избраннаго ректора, отправившись отстаивать интересы того же родного ему университета.

Живой, вѣчно добрый и энергичный, онъ былъ вдохновителемъ и руководителемъ ученой медицинской молодежи, постоянно наполнявшей его кабинетъ. Онъ глубоко интересовался ходомъ работъ занимающихся въ его лабораторіи докторантовъ и никогда не отказывался помочь совѣтомъ, своимъ глубокимъ знаніемъ литературы, а часто и дѣломъ; словомъ, въ каждую работу, производящуюся у него въ кабинетѣ, онъ вкладывалъ всю свою любовь къ наукѣ. Тридцать лѣтъ работалъ онъ на ученomъ поприщѣ и за это время, хоть, можетъ быть, и усталъ, но не отсталъ отъ науки ни на шагъ. Все свободное время, а у него его было очень мало, онъ посвящалъ научной литературѣ и все, что только ни появлялось новаго на медицинскомъ горизонтѣ, все это тотчасъ же появлялось и обсуждалось въ кабинетѣ Николая Матвѣевича. Онъ искренне жалѣлъ о недостаткѣ свободнаго времени для того, чтобы самому заняться экспериментальной работой, такъ какъ массу времени у него отнимали университетскія дѣла.

И не смотря на недостатокъ времени, онъ успѣвалъ всетаки работать, хотя работать урывками. Въ прошломъ году—году далеко не спокойномъ, когда Николаю Матвѣевичу какъ декану пришлось провести чуть ли не $\frac{3}{4}$ учебнаго года въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, онъ и то выпустилъ въ свѣтъ 3 солидныхъ труда, посвященныхъ одному изъ спорныхъ научныхъ вопросовъ. Онъ мечталъ, что когда выйдетъ въ отставку—засядетъ за работу и вѣсто тогда уже не будетъ имѣть права оторвать его отъ нея.

Любимовъ—это была сама энергія, постоянная, неутомимая жажда научнаго знанія, постоянное стремленіе къ научной истинѣ!

Для студентовъ, какъ профессоръ, Николай Матвѣевичъ—былъ незамѣнимъ.

Изъ предмета, сравнительно мало интереснаго, онъ сдѣлалъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ. Науку о мертвомъ онъ сдѣлалъ живой. Его лекціи отличались глубокой содержательностью и притомъ особенной изящностью и красотой изложенія. Аудиторія у него была всегда полна, на вскрытіяхъ, когда онъ производилъ ихъ самъ—всегда присутствовала масса студентовъ, и вскрытія эти были особенно интересны. Николай Матвѣевичъ умѣлъ какъ то особенно отгѣнять то, что важно, и это уже на долго западало въ наши головы. Онъ искренно желалъ передать намъ все то, что

только зналъ самъ, искренне желалъ видѣть въ каждомъ студентѣ хорошаго дѣльнаго врача. Въ его лабораторіи, кромѣ врачей, всегда работало много студентовъ, работало совершенно самостоятельно, работало потому только, что Николай Матвѣевичъ умѣлъ заинтересовать, заставить полюбить предметъ, который онъ читалъ.

Но не на одни только научные запросы и интересы студентовъ откликался Николай Матвѣевичъ.—Къ нему можно было обратиться во всякую трудную минуту студенческой жизни (а тако-выхъ у студентовъ бываетъ не мало), и Николай Матвѣевичъ всегда становился на защиту студента. Это былъ безконечно внимательный добрый человѣкъ! Замѣчательная мягкость и деликатность его натуры иногда даже навлекали на него нареканія, но говорить такъ могли только люди, совершенно не понимавшіе всей мягкости его натуры. Такой же добротой покойный отличался и въ частной своей жизни.

Качества Николая Матвѣевича не остались неоцѣнены, и когда нашъ университетъ получилъ право свободнаго выбора ректора, первымъ кандидатомъ называли Николая Матвѣевича, — и вскорѣ онъ сталъ ректоромъ.

Дѣла у него прибавилось, но интересъ къ наукѣ не уменьшился, и когда бы вы ни зашли въ лабораторію—всегда тамъ могли застать его за работой. Онъ и на новой должности остался вѣренъ себѣ, онъ и тутъ остался такимъ же работникомъ, какимъ былъ и просто профессоромъ, и деканомъ.

Это была замѣчательно чуткая, нервная, высоко воспримчивая натура. Всякое социальное несчастіе, общественное бѣдствіе—камнемъ ложилось на его душу.

Я глубоко убѣжденъ, что событія истекшаго года сильно подкосили эту кипучую натуру, нервная система все время была взвинчена, и весьма вѣроятно, что это обстоятельство играло крупную роль въ преждевременной кончинѣ его.

И вотъ Николая Матвѣевича нѣтъ! Осталось только недвижимое мертвое тѣло его! Какъ то странно, ново и въ то же время безконечно ужасно это новое... лучше не думать—больно!

Прости, дорогой учитель! Прости, дорогой другъ, искренне всю жизнь любившій молодежь и науку.

Ты долго будешь жить въ сердцахъ тѣхъ, кто тебя зналъ близко, кому ты успѣлъ забросить въ сердце хоть искру любви къ наукѣ, а вмѣстѣ съ ней и любви къ больному человѣку. Прости!

Л. Ф-въ¹⁾

¹⁾ «Обповленіе» отъ 28 февраля 1906 г. № 40.

Въ „Казанскомъ Телеграфѣ“ отъ 1 марта 1906 г. напечатана замѣтка, посвященная

„Памяти Н. М. Любимова.“

Онъ умеръ...

И мы, студенты—академисты, болѣе чѣмъ кто либо должны почувствовать эту страшную потерю..

Мы, которые встрѣтили въ немъ друга, старшаго товарища, идущаго къ той же завѣтной цѣли, съ тѣмъ же славнымъ лозунгомъ:

Vivat Universitas“...

Онъ умеръ...

Въ страшное для всей Россіи время онъ не побоялся взять на себя всю тяжесть ректорскаго долга, горячо любя то великое дѣло науки, которому онъ служилъ всю свою жизнь...

Онъ умеръ...

Умеръ на славномъ посту, защищая свободное знаніе отъ посягательствъ со стороны враговъ и лживыхъ друзей, умеръ, еще полный силъ, полный юношеской энергіи.

Онъ все время былъ дорогъ и близокъ намъ, мы все время вѣрили въ него, какъ въ защитника нашихъ общихъ идеаловъ.

Борьба—сурова, враговъ—много, враговъ безжалостныхъ, грубыхъ. Передъ нами сейчасъ встаетъ картина, какъ „рыцарь крайнихъ“ съ невыразимымъ разгильдяйствомъ осыпалъ дорогого намъ человѣка незаслуженными упреками.. Мимо! Мимо!..

Онъ умеръ...

Умеръ, завѣщая любить науку—честно, безкорыстно, умѣя жертвовать ради нея,—сознательно и свято.

Дѣло не умерло..

И мы, помня завѣтъ покойнаго, будемъ бороться за это дѣло, будемъ достойными учениками безвременно угасшаго учителя.

Твоя жизнь это—трудъ и сплошная борьба

За побѣдное шествіе знанія..

Ты погибъ.. Ты сраженъ.. Такъ хотѣла судьба!..

Да, не знаетъ она состраданья!..

Мы же, дѣти твои, кому дорого все,

Что служило твоей заботой,—

Мы впередъ понесемъ знамя свѣта твое

И почтимъ твою память работой!!

Primus“.

Чествованіе памяти Николая Матвѣевича *Любимова* на его родинѣ, въ г. Уфѣ.

Вотъ что сообщаетъ объ этомъ докторъ А. И. Подбѣльскій, много лѣтъ бывший ближайшимъ помощникомъ и сотрудникомъ проф. Любимова, теперь проживающій въ родномъ и ему городѣ Уфѣ, въ своемъ письмѣ Л. Я. Любимовой.

„Горестяую вѣсть,—начинаетъ письмо свое А. И. Подбѣльскій,—которой отказывалось вѣрить сердце и съ которой трудно до сего дня примириться мыслью, я узналъ изъ телеграммы 22 февраля. Какой неожиданный ударъ для всѣхъ насъ близкихъ! Скорблю всей душой о преждевременной потерѣ дорогого Николая Матвѣевича!“

„Печальное извѣстіе на другой день по полученіи телеграммы было напечатано въ мѣстной газетѣ и быстро распространилось по всему городу. Отъ многихъ жителей мнѣ приходилось слышать искреннее сожалѣніе.—24 февраля въ собраніи Городской Думы почтили память Николая Матвѣевича вставаніемъ и затѣмъ было постановлено назвать его именемъ одну изъ городскихъ стипендій при мужской гимназій.—25 февраля въ „Уфимскомъ Вѣстникѣ“ былъ напечатанъ Г. В. Г-омъ некрологъ Николая Матвѣевича.—26 февраля въ мужской гимназій послѣ обѣдни отслужена была панихида. Отъ разныхъ лицъ шла подписка на вѣнки“.

„27 февраля вечеромъ въ засѣданіи Общества мѣстныхъ врачей послѣ почтенія памяти Н. М. было постановлено послать телеграмму съ выраженіемъ сочувствія Вамъ и Университету, мною прочтена была біографія почившаго товарища и друга. Здѣсь въ городѣ оказалось 15 врачей—учениковъ Николая Матвѣевича“.

„Вотъ въ краткихъ словахъ,—пишетъ А. И. Подбѣльскій,—отношеніе Уфы къ утратѣ незабвеннаго, любимаго уфимца; добавлю къ этому сердечное отношеніе магометанъ“.

Привожу здѣсь біографію Н. М. Любимова, сообщенную А. И. Подбѣльскимъ въ засѣданіи Общества врачей Уфимской губерніи 27 февраля 1906 г. и напечатанную въ Уфимской газетѣ:

„Николай Матвѣевичъ Любимовъ.“

20 февраля скончался въ Петербургѣ отъ гриппознаго воспаления легкаго ¹⁾ выборный ректоръ Казанскаго университета Н. М. Любимовъ. Болѣзнь и смерть застигла его неожиданно среди энергичной работы надъ новымъ уставомъ для автономныхъ университетовъ на 54 году жизни.

¹⁾ См. выше, стр. 189—193.

Н. М. родился въ г. Уфѣ и по окончаніи курса въ здѣшней гимназіи въ 1870 году поступилъ въ Казанскій университетъ на медицинскій факультетъ. Будучи студентомъ, онъ написалъ работу подъ заглавіемъ; „Критическая оцѣнка методовъ лѣченія заворота и выворота вѣкъ“, которая была удостоена преміи. Упомянутая работа указываетъ на то, что еще на школьной скамьѣ онъ много занимался глазами болѣзнями подъ руководствомъ извѣстнаго и въ нашемъ отечествѣ и въ западной Европѣ проф. Адамюка. По окончаніи курса въ 1875 г. Н. М. былъ избранъ совѣтомъ университета помощникомъ прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи. Отдавшись съ юной энергіей расширенію своихъ познаній въ избранной спеціальнойности, онъ не прекращалъ въ тоже время посѣщать клиники проф. Адамюка и факультетской терапевтической проф. Н. А. Виноградова. Въ теченіе всей послѣдующей жизни онъ также никогда не оставался только теоретикомъ—патолого-анатомомъ, но былъ и врачомъ практическимъ по глазнымъ и внутреннимъ болѣзнямъ. Теоретическія и практическія науки по его убѣжденію должны были непременно идти рука объ руку, но пальму первенства по значенію онъ отдавалъ теоретическимъ наукамъ, считая ихъ главнымъ двигателемъ медицинскаго прогресса.

Въ 1877 г. Н. М. былъ командированъ Казанскимъ университетомъ для научнаго усовершенствованія за границу, гдѣ работалъ въ Страсбургѣ подъ руководствомъ извѣстнаго патолого-анатома Реклингаузена. Результатомъ командировки явилась его диссертация на тему: „Къ вопросу о развитіи гигантскихъ вѣтокъ при туберкулезѣ“, блестяще защищенная въ 1879 г. на моихъ глазахъ. Въ концѣ того же года онъ былъ утвержденъ прозекторомъ, а вскорѣ и приватъ-доцентомъ патологической анатоміи. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время Н. М. напечаталъ болѣе 20 работъ и сообщеній по патологической анатоміи и бактеріологіи и два раза командировался за границу. Среди его работъ выдающееся мѣсто занимаетъ изслѣдованіе патологическихъ измѣненій при желчномъ тифоидѣ. Въ 1885 г. онъ былъ избранъ профессоромъ на кафедре патологической анатоміи, а въ 1891 г. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ. Въ сентябрѣ минувшаго года чествовалось 30-ти-лѣтіе ученой службы Н. М.—ча.

За это время онъ увеличилъ, можно сказать безъ преувеличенія, вдвое коллекціи музея патологической анатоміи, изъ его лабораторіи вышло до ста печатныхъ работъ, произведенныхъ подъ его руководствомъ врачами и студентами, среди этихъ работъ до 20 диссертаций на ученую степень. Уже перечисленнаго достаточно, что бы прийти къ заключенію, съ какимъ достоинствомъ, какъ высоко держалъ Н. М. знамя патолого-анатомической науки и не ограничивался только чтеніемъ лекцій, и веденіемъ практическихъ занятій по микроскопіи и вскрытіямъ.

За послѣдніе годы изъ научныхъ вопросовъ особенно сосредотачивали на себѣ его вниманіе этиологія злокачественныхъ новообразованій и цитотоксины; а также новѣйшіе способы консервирования препаратовъ. Что касается его лекцій, то онѣ отличались живымъ, яснымъ и стройнымъ изложеніемъ, привлекали много слушателей, поселяли въ послѣднихъ глубокой интересъ къ патологической анатоміи, убѣждали ихъ въ важномъ значеніи ея для практическаго врача, научали гуманному отношенію къ больнымъ; все это влекло массу желающихъ какъ студентовъ, такъ и врачей работать въ его лабораторію, двери которой гостеприимно раскрывались профессоромъ передъ каждымъ желающимъ знанія.

Съ 1885 г. Н. М., послѣ своихъ занятій въ Бреславлѣ въ институтѣ проф. Нейссера, устроилъ при кабинетѣ патологической анатоміи бактериологическую лабораторію — первую въ Казанскомъ университетѣ и затѣмъ открылъ бесплатный курсъ этой науки. Изъ его лабораторіи вскорѣ появились въ печати первыя въ Казани бактериологическія работы, первыя диссертациі. Онъ, можно сказать, аккредитовалъ бактериологію въ своемъ университетѣ, которая до того времени нѣкоторыми изъ старыхъ профессоровъ и не признавалась за науку, скорѣе считалась вреднымъ увлеченіемъ. Позднѣе вмѣстѣ съ проф. Н. О. Высоцкимъ Н. М. принималъ горячее участіе въ постройкѣ бактериологическаго института и его устройствѣ.

Кромѣ того онъ нѣрѣдко избирался факультетомъ въ члены комиссій для разработки различныхъ научныхъ вопросовъ, напр., принималъ самое дѣятельное участіе въ комиссіяхъ для изученія Коховской лимфы, противодифтеритной и противочумной. Послѣднія двѣ комиссіи были уже во время торжества бактериологіи и ея adeptовъ.

Передъ избраніемъ въ ректоры Н. М. 9 лѣтъ исполнялъ обязанности декана медицинскаго факультета, этотъ періодъ въ исторіи Казанскаго университета запечатлѣлся постройкой новыхъ клиникъ и вышеупомянутаго института и требовалъ отъ декана особыхъ трудовъ и заботъ.

Помимо засѣданій факультета, правленія и совѣта университета, клиническаго совѣта приходилось участвовать и въ засѣданіяхъ строительной комиссіи, не прекращавшихся даже въ каникулы. Если принять во вниманіе, что сверхъ деканства въ учебное время требовалось еженедѣльно читать 2 теоретическихъ лекціи по патологической анатоміи и 1 по бактериологіи, 4 часа вести практическія занятія по микроскопіи и 2 часа посвящать вскрытіямъ, да руководить затѣмъ производившимися въ лабораторіи врачами и студентами работами, то поистинѣ приходится уди-

вляться, какъ могъ находить Н. М. время и силы заниматься еще врачебной практикой. Конечно, это совершалось въ ущербъ сна и здоровья; онъ спалъ 6, рѣдко 7 час. въ сутки.

Въ продолженіе всей своей академической службы Н. М. состоялъ членомъ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ, часто на засѣданіяхъ дѣлалъ сообщенія, доклады или демонстраціи наиболѣе интересныхъ препаратовъ, полученныхъ имъ отъ секціи, затѣмъ исполнялъ нѣсколько лѣтъ при обществѣ обязанности секретаря и товарища предѣдателя.

Необходимо отмѣтить, что 30 лѣтъ дѣятельности покойнаго профессора, одного изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ современныхъ патолого-анатомовъ нашего отечества, протекли въ самыхъ дурныхъ гигиеническихъ условіяхъ. Казанскій кабинетъ патологической анатоміи помѣщается въ одномъ изъ старыхъ зданій, состоитъ изъ музея, прозекторской и профессорскаго кабинета, воздухъ которыхъ обмѣнивается чрезъ корридоръ. Въ музеѣ находятся шкафы съ сотнями банокъ спиртовыхъ препаратовъ, испаряющихъ спиртъ, въ немъ производятся практическія занятія со студентами, демонстраціи органовъ отъ вскрытій, опыты надъ животными, бактериологическія изслѣдованія; въ прозекторской и профессорскомъ кабинетѣ постоянно горятъ газовыя горѣлки подъ различными бактер. приборами, порча воздуха увеличивается еще дыханіемъ и куреніемъ работающихъ, вентилируется же все помѣщеніе двумя каминами и оконными форточками. Многочисленныя ходатайства объ улучшеніи помѣщенія и понынѣ не увѣнчались успѣхомъ. Впрочемъ предполагается выстроить новое зданіе для института патологической анатоміи, которое вполнѣ удовлетворяло бы современнымъ требованіямъ.

Я не стану распространяться о дѣятельности Н. М., какъ практическаго врача, она достаточно извѣстна; здѣсь она проявлялась на глазахъ многихъ членовъ нашего общества и на глазахъ многочисленныхъ нашихъ согражданъ. Доброта, доступность, сердечность и безкорыстіе составляли отличительныя черты его характера. Онъ былъ по преимуществу врачомъ бѣдныхъ, которые нерѣдко и лѣкарства пріобрѣтали на его средства. Обширныя его знанія по патологической анатоміи и бактериологіи облегчали ему постановку діагнозовъ въ трудныхъ случаяхъ.

Н. М., будучи деканомъ и ректоромъ, чутко относился къ университетской молодежи, неуставно и сердечно отзывался на ея запросы и нужды, какъ старшій товарищъ и другъ, видѣлъ въ ней залогъ счастливаго будущаго. Его непродолжительное ректорство было, къ несчастью, особенно чревато тяжелыми событіями, взволновавшими университетскую жизнь. Они причиняли ему много без-

покойства, сильно потрясли его, надорвали его здоровье и силы. Когда онъ уѣзжалъ 2 января изъ Казани, то „выглядѣлъ крайне утомленнымъ и грустнымъ“, какъ сообщаетъ его ближайшій сотрудникъ по кафедрѣ. Все же онъ отправлялся въ Петербургъ съ полной надеждой на лучшее будущее, вѣрилъ, что новый уставъ будетъ выработанъ въ направленіи, давно ожидаемомъ лучшей частью профессоровъ и студенчества и внести съ собой общее успокоеніе. По введеніи въ жизнь новаго устава онъ мечталъ выйти изъ ректоровъ и, наконецъ, отдохнуть. Но мечтамъ его не суждено было осуществиться... Воспаленіе легкаго, чего онъ такъ опасался въ началѣ своего заболѣванія (5 февраля), свело его преждевременно въ могилу. Ужасъ, скорбь и отчаяніе охватываютъ насъ, когда неумолимая смерть неожиданно выхватываетъ среди насъ лучшихъ дѣятелей, въ когорыхъ такъ нуждается наша родина.

Первую помощь Николаю Матвѣвичу оказалъ проф. Курловъ, а потомъ—профес. Смирновъ; послѣдній, когда опредѣлилась гриппозная пневмонія, настоялъ на перемѣщеніи въ госпитальную клинику женскаго медицинскаго института. 19 февр. проф. Смирновъ телеграфировалъ въ Казань: „пневмонія уменьшается медленно, проколомъ вышюга не обнаружено, температура не высока, вчера начались припадки сердечнаго удушья, предсказаніе ухудшилось“. На другой день, въ 11 часовъ вечера, Н. М. уже не стало... Его не стало, но добрая память о немъ, какъ объ академическомъ дѣятелѣ, врачѣ и высокогуманномъ человѣкѣ сохранится на многие годы въ казанскомъ университетѣ, въ сердцахъ его товарищей, друзей, учениковъ и паціентовъ.

А. Подбельскій“.

Установленіе имени Николая Матвѣвича Любимова учрежденіемъ при Казанскомъ Университетѣ стипендіи или школы для дѣтей служителей университета имени профессора и ректора Н. М. Любимова.

Вопросъ этотъ затронуть былъ въ засѣданіи Совѣта университета 21 февраля 1906 г.

Въ мѣстныхъ газетахъ отъ 2 марта 1906 г. сообщено, что „на имя городского головы поступило заявленіе гласнаго Городской Думы С. Ш. Алкина, который проситъ внести на обсужденіе Думы въ засѣданіи 7 марта его предложеніе почтить память безвременно умершаго выборнаго ректора автономнаго университета,

незабвеннаго Николая Матвѣевича Любимова внесеніемъ извѣстной суммы на учрежденіе стипендіи имени *Н. М. Любимова* при Казанскомъ университетѣ“.

Въ засѣданіи Совѣта Университета 2 марта вопросъ о способѣ увѣковѣченія имени *Н. М. Любимова* сталъ предметомъ особаго обсужденія.

„Слушали: Заявленіе г. предсѣдателя Совѣта заслуженнаго профессора Н. П. Загоскина по вопросу о стипендіи имени Н. М. Любимова. Вопросъ этотъ, по объясненію предсѣдателя, затронуть былъ засл. орд. проф. Д. А. Корсаковымъ еще въ экстренномъ засѣданіи Совѣта 21 февраля. Въ настоящее время онъ ставится на почву практическаго осуществленія. Участіе принимаютъ и постороннія лица: въ Университетѣ начинаютъ поступать съ этой цѣлью взносы, которыхъ въ настоящую минуту имѣется уже около 250 руб. По частнымъ свѣдѣніямъ въ Казанскомъ Городскомъ Общественномъ Управленіи сдѣлано заявленіе объ учрежденіи стипендіи имени Н. М. Любимова; въ Казанскомъ Ветеринарномъ Институтѣ предполагается сдѣлать подписку. Все это побуждаетъ Совѣтъ войти теперь же въ ближайшее обсужденіе вопроса о способахъ образованія капитала для названной стипендіи.

Для этого могутъ быть два пути: а) добровольная подписка и б) отчисленіе извѣстнаго процента изъ содержанія членовъ Совѣта. Но такими путями собрать стипендіальный капиталъ трудно. До сихъ поръ остаются не законченными стипендіи имени профессоровъ Петрова, Кремлева. По мнѣнію г. предсѣдателя имѣется еще третій путь: войти въ соглашеніе съ Казанскимъ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ о присоединеніи имѣющаго образоваться у него капитала къ Университетскому и обратиться на эту цѣль уже имѣющійся въ Университетѣ юбилейный капиталъ, назвавъ: „Стипендіей памяти Н. М. Любимова, въ ознаменованіе столѣтія Казанскаго Университета“. Добрая цѣль—стипендія, будетъ тѣмъ достигнута.

Проф. В. И. Разумовскій, вполне сочувствуя и поддерживая мысль объ учрежденіи для увѣковѣченія памяти Н. М. Любимова стипендіи его имени, тѣмъ не менѣе указалъ, что дѣло это трудное и не скоро можетъ быть доведено до конца. Между тѣмъ возникаетъ болѣе легкая для осуществленія мысль, подавшая проф. А. А. Панормовымъ, объ открытіи у насъ въ университетскомъ дворѣ школы для дѣтей. У насъ много служителей, дѣти которыхъ нуждаются въ обученіи; всѣ жалуются на переполненность начальныхъ школъ, и потому было бы весьма своевременно и въ высокой степени симпатично открытіе школы. Большихъ расходовъ это

предпріятіе не потребуеть: наши жены и дочери съ охотой возмутся за это доброе дѣло. Стипендія затеряется въ числѣ многихъ другихъ, между тѣмъ училище увѣковѣчило бы имя Николая Матвѣевича, оставило бы по себѣ навсегда добрую о немъ память, соотвѣтствовало бы современному стремленію къ улучшенію быта низшихъ служащихъ и къ просвѣщенію народныхъ массъ. Школа должна состоять изъ 2-хъ отдѣленій—русскаго и татарскаго.

Обѣ идеи—и стипендія и школа имени Николая Матвѣевича приняты были въ Совѣтѣ весьма сочувственно. По достаточномъ выясненіи дѣла

Единоголосно опредѣлили: Ходатайствовать о разрѣшеніи открыть при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ подписку на образованіе капитала для увѣковѣченія памяти Н. М. Любимова учрежденіемъ стипендіи или другимъ способомъ, объяснивъ при этомъ, что дальнѣйшая выработка способа увѣковѣченія памяти находится въ зависимости отъ притока матеріальныхъ средствъ и что въ Совѣтѣ имѣется предположеніе учредить при Университетѣ стипендію или начальную школу имени Н. М. Любимова для дѣтей низшихъ служителей Университета изъ двухъ отдѣленій—русскаго и татарскаго, или и то и другое¹⁾.

Въ „Волжскомъ Курьерѣ“ отъ 3 марта 1906 г. напечатана слѣдующая замѣтка:

„Памяти Н. М. Любимова.“

Въ зданіи университета проживаетъ около 100 семействъ съ огромнымъ количествомъ дѣтей.

Среди почитателей Николая Матвѣевича возникаетъ мысль устроить при университетѣ школу имени покойнаго.

Николай Матвѣевичъ такъ любилъ дѣтей и былъ такимъ чуднымъ внимательнымъ врачомъ своихъ маленькихъ любимцевъ; при томъ такъ часто и охотно оказывалъ помощь учащимся, что школа имени покойнаго ректора явится наилучшимъ памятникомъ ему.

Сочувствующіе этой мысли могутъ направлять пожертвованія черезъ редакцію газеты „В. К.“

Н. Г.“

Въ засѣданіи Совѣта университета 28 августа 1906 г. заслушивается сообщеніе Попечителя Округа отъ 20 мая, что Министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшаетъ открыть при Казанскомъ универ-

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Октябрь. Приложеніе. Стр. 51 и 52.

ситетѣ подписку для сбора пожертвованій на учрежденіе при университетѣ стипендіи покойнаго Ректора его *Н. М. Любимова* или на устройство при университетѣ начальной школы для дѣтей низшихъ университетскихъ служащихъ.

Совѣтъ университета постановилъ открыть подписку на учрежденіе при Казанскомъ университетѣ стипендіи имени покойнаго ректора его *Н. М. Любимова* или на устройство при университетѣ начальной школы для дѣтей низшихъ университетскихъ служащихъ, о чемъ и сдѣлать соответствующую публикацію. Секретаря Совѣта *М. А. Соловьева* просить взять на себя приемъ пожертвованій съ записью въ квитанціонную книгу подъ непосредственнымъ контролемъ правленія университета, о чемъ и сообщить правленію ¹⁾.

„Ко дню полугодовой кончины профессора Николая Матвѣевича Любимова.“

Полгода минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы потеряли дорогого намъ человѣка, безвременно скончавшагося. Николая Матвѣевича Любимова; но день этотъ все еще живетъ въ нашей памяти тяжелымъ воспоминаніемъ. Живо встаетъ въ моей памяти его безжизненное, строго-сосредоточенное лицо, какъ будто задумавшееся надъ неразрѣшенной загадкой судьбы, и эти растерянные, недоумѣвающія лица друзей, страдальчески устремившіе взоры на такъ скоро покинувашаго ихъ товарища. Вотъ къ гробу подошелъ молодой врачъ, ученикъ и помощникъ покойнаго, и долго всматривался въ неподвижныя черты друга—учителя. Казалось, онъ старался запечатлѣть навсегда въ свой памяти дорогія черты. Безпомощно разведя руками, со слезами на глазахъ, онъ отошелъ въ сторону. Много народу подходило къ гробу съ тѣми же вопросительными взглядами и въ этихъ взглядахъ свѣтились и любовь и глубокое сожалѣніе о безвременно скончавшемся человѣкѣ—другѣ. По дорогѣ къ кладбищу я спросилъ одного изъ сторожей—татарина, шедшаго рядомъ со мной съ низко опущенной головой: „что Галей, жалко *Н. М?*—Такихъ человѣкъ больше нѣтъ!“ проговорилъ онъ, грустно поникнувъ головой. Я понималъ, что и онъ потерялъ дорогого человѣка... Свѣтлая личность Николая Матвѣевича всего рельефнѣе обрисовывается... въ кабинетѣ патологической анато-

---

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго университета 1907 г. Апрель.
Стр. 374.

ми. Здѣсь не было ни начальства, ни подчиненныхъ, всѣ — друзья и товарищи, всѣ — члены одной семьи. Привѣтъ и ласка, рѣдкое — отсутствіе злобы и раздраженія, сердечное и гуманное отношеніе ко всѣмъ, кто бы ни приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе — вотъ отличительныя качества Николая Матвѣевича. Невольно вспоминается случай, ярко рисующій эти симпатичныя стороны характера. Товарищъ — студентъ нуждался въ деньгахъ, и говорилъ о томъ другому товарищу. Н. М. услышалъ это и нужно было видѣть, съ какою сердечною простотою онъ предложилъ необходимую сумму „colleg'ѣ“, какъ онъ выразился. Отзывчивость его сказывалась во всѣхъ его отношеніяхъ къ окружающимъ, въ его безустанныхъ хлопотахъ о другихъ, и особенно въ заботахъ объ учащейся молодежи, къ услугамъ которой онъ былъ всегда готовъ, не смотря ни на усталость, порою даже и нездоровье.

Въ бытность его деканомъ медицинскаго факультета, почти ежедневно съ 9—3 ч. въ кабинетъ и на дому его осаждали различными просьбами и жалобами, и надо было удивляться огромному запасу силъ и никогда неослабѣвающей привѣтливости и готовности сдѣлать все отъ него зависящее! Однажды видя крайнюю усталость Н. М. послѣ 5 часового непрерывнаго пріема, я попытокъ узнать, почему Н. М., по примѣру другихъ, не дѣлаетъ опредѣленныхъ часовъ пріема. „Если меня спрашиваютъ, значить я нуженъ“, — отвѣтилъ онъ просто, не жалуясь на видимую усталость. Возможность сдѣлать другому благо, было его высшимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ.

Не могу не остановиться еще на одномъ случаѣ, гдѣ сказалось его пониманіе и горячее сочувствіе къ чужому горю. Барышня — фармацевтка, пріѣхавшая издалека, опоздала съ подачею прошенія къ законному сроку, почему и не была допущена къ экзаменамъ. Она пришла къ Н. М., услышавъ о его добротѣ и сочувствіи. Въ первыхъ движеніяхъ ея, въ волненіи голоса и въ глазахъ, полныхъ сдерживаемыхъ слезъ, видно было, что переживала дѣвушка. Н. М. понялъ ее съ первыхъ словъ и, какъ бы боясь ея излишнихъ страданій, горячо успокаивалъ ее и тотчасъ пошелъ хлопотать. Вскорѣ Н. М. вернулся и съ той привѣтливой улыбкой, свойственной только ему одному, поздравляя просительницу съ успѣхомъ... И среди всѣхъ этихъ заботъ Н. М. находилъ еще время отдавать себя и любимой наукѣ, и тѣмъ, кто искалъ его научныхъ совѣтовъ. А къ нему стекалось много работниковъ въ его небольшую лабораторію. Его рабочій кабинетъ былъ и музеемъ, и аудиторіей, и лабораторіей въ одно и тоже время. Мечтой Н. М. было — учрежденіе института патологической анатоміи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ болѣе высока заслуга Н. М. передъ наукой и передъ роднымъ университетомъ, что и при такихъ

стѣсненнѣхъ условіяхъ онъ сумѣлъ обогатить первую рядомъ трудовъ, а второму оставилъ богатый патолого анатомическій музей, тщательно собранный имъ въ теченіи многихъ годовъ, музей, который такъ знакомъ казанскому обывателю и туристамъ, любившимъ въ праздничные дни посмотреть интересную коллекцію патологическихъ препаратовъ.

Увлекаясь самъ, во время чтенія своихъ лекцій онъ передавалъ это чувство и слушателямъ, и умѣлъ изъ сравнительно сухого матеріала своей специальности сдѣлать интереснымъ содержаніе каждой лекціи. Для этого онъ не жалѣлъ и личныхъ средствъ. Такъ, читая лекціи сестрамъ милосердія и желая сдѣлать ихъ удобопонятными и наглядными, онъ пользовался волшебнымъ фонаремъ, заказывая для этого дорогіе рисунки на собственные средства. Отдавая всегда свои средства другимъ, онъ только все „собирался“ что-либо сдѣлать. Его популярныя лекціи по патологической анатоміи и учебникъ бактериологіи, который онъ мечталъ создать и для котораго у него имѣлась большая и рѣдкая коллекція собственныхъ препаратовъ и рисунковъ съ нихъ, такъ и остались за недостаткомъ средствъ не изданными.

Въ послѣдніе дни своей жизни Н. М. переживалъ не мало тревоженій.

Будучи избранъ ректоромъ, онъ пытался сохранить университетъ для науки и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить въ немъ необходимую свободу собраній. Не разъ ему удавалось даже предупреждать кровавыя столкновенія въ стѣнахъ университета.

Могила унесла его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ провести въ жизнь свои добрыя начинанія. Не послѣдней заботой Н. М. было улучшеніе положенія университетскихъ сторожей. Онъ думалъ оздоровить ихъ гнилыя помѣщенія и увеличить ихъ скудное жалованье. Служащіе говорятъ, что потеряли въ немъ своего родного отца.

Мы же студенты лишились въ немъ учителя—друга, университетъ—рѣдкаго ученаго и прекраснаго лектора, а общество—отзывчиваго и гуманнаго человѣка..

Друзья и товарищи, ученики и почитатели, соединимся, чтобы почтить память умершаго человѣка—друга школы Николая Матвѣевича Любимова, откроемъ при Казанскомъ университетѣ въ память его начальную школу и пусть въ этой школѣ дѣти бѣдныхъ университетскихъ служащихъ учатся стремиться къ тому источнику свѣта и знанія, къ которому всегда шелъ покойный.

Въ настоящее время всѣхъ дѣтей университетскихъ сторожей свыше 200. Изъ нихъ въ школьномъ образованіи теперь же нуждается около 75 человѣкъ. Имена жертвователей будутъ вноситься

въ списки основателей школы и своевременно опубликовываться. Пожертвованія могутъ доставляться пока въ редакцію „Волжскаго Вѣстника“.

Студ. М. Мирлесъ¹⁾.

„Открытие школы въ память профессора Н. М. Любимова.“

19 ноября, въ 12 ч. дня, въ студенческомъ общежитіи былъ отслуженъ молебенъ по случаю открытія школы, учреждаемой въ память проф. *Н. М. Любимова*. Молебенъ совершенъ прот. *А. В. Смирновымъ*, въ служеніи діаконовъ и съ хоромъ университетской церкви. На молебнѣ присутствовали: Помощникъ попечителя *А. А. Остроумовъ*, деканъ медицинскаго факультета *В. И. Разумовскій*, директоръ народныхъ училищъ *Н. А. Спасскій*, инспекторъ народныхъ училищъ г. Казани *Н. А. Феликсовъ*, инспекторъ казанской татарской учительской школы *М. Н. Пинегинъ* и преподаватель *И. В. Терегуловъ* (другъ дѣтства покойнаго), лица педагогической корпораціи школы и вновь зачисленные въ нее ученики и ученицы, — дѣти служителей университета, — вдова покойнаго *Л. Я. Любимова* съ маленькими дочерьми, ученики и друзья покойнаго, — приватъ-доценты, врачи и студенты, и посторонніе почитатели памяти его, — представители русскаго и магометанскаго населенія гор. Казани.

Классная комната, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ, убрана цвѣтами. На одной изъ стѣнъ ея красуется декорированный вѣнкомъ портретъ Николая Матвѣевича съ мягкими, привлекательными чертами лица и ласковыми, выразительными глазами, полными *жизни, мира и отрады*.

Обстановка, стройное служеніе, группа стоящихъ у портрета дѣтей... все это производило на присутствующихъ впечатлѣніе, вполне гармонирующее съ актомъ открытія доступнаго „для малыхъ сихъ“ источника свѣта...

И самая идея, возникшая среди почитателей покойнаго, — связать имя человѣка, обладавшаго любвеобильнымъ сердцемъ и просвѣщеннымъ умомъ, съ скромнымъ по размѣрамъ, но великимъ по значенію — просвѣтительнымъ учрежденіемъ, рисовалась предъ всѣми присутствующими такъ реально!....

¹⁾ «Волжскій Вѣстникъ» отъ 20 августа 1906 г.

Хотѣлось бы вѣрить, что эта симпатичная идея осуществится во всей своей полнотѣ.

Приступая къ дѣлу съ незначительными средствами, но съ глубокой вѣрой въ успѣхъ его, учредители школы рассчитываютъ на сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны тѣхъ лицъ, кому дорога память *Николая Матвѣевича* и любезна идея просвѣщенія: пожертвованія на школу продолжаютъ поступать.

Въ день открытія школы поступили пожертвованія: отъ А. О. Кузьминой 25 руб. и отъ А. Н. Степановой 5 р.

Свой безвозмездный трудъ по преподаванію въ школѣ предложили: проф. *А. В. Смирновъ*, *И. М. Петяевъ*, *Н. И. Парина* и въ качествѣ завѣдывающей *Е. И. Сиднева*.

Въ школу принимаются дѣти обоого пола, родители которыхъ состоятъ въ качествѣ низшихъ служащихъ въ томъ или другомъ учрежденіи университета. Въ настоящее время сформировано только одно младшее отдѣленіе. Занятія съ нимъ будутъ происходить ежедневно отъ 9 до 12 ч.

Съ татарской группой учащихся будетъ заниматься особая учительница *А. И. Терегулова* (изъ мусульманокъ).

Въ школѣ, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, предполагается ввести пѣніе и рисованіе. Книгами и учебными пособиями ученики пользуются бесплатно.

Помѣщеніе для нея отведено въ студенческомъ общежитіи лишь временно. По окончаніи ремонта въ центральныхъ зданіяхъ университета, она будетъ переведена въ одно изъ помѣщеній главнаго корпуса¹⁾.

Въ годово́й день кончины *Н. М. Любимова* въ Университетской церкви ослужена была заупокойная литургія и послѣ нея — панихида.

Въ „Казанскомъ Вечерѣ“ отъ 20 февраля 1907 г. напечатана слѣдующія замѣтка, посвященная

„Памяти *Н. М. Любимова*.“

Сегодня годъ со дня смерти *Н. М. Любимова*.

Въ эпоху тяжелаго безвременья, когда личность дробилась, стиралась, все свѣтлое, живое было предметомъ ожесточенныхъ го-

¹⁾ «Казанскій Телеграфъ» 1906 г. № 4133.

ней и формальное отношеніе къ дѣлу выступало на первый планъ—университетъ не избѣгъ общей участи.

Въ ряды представителей науки все чаще пачали попадать лица, весьма и весьма извѣстныя въ бюрократическомъ мірѣ, „таинственные незнакомцы“ на избранномъ ими поприщѣ.

Нерѣдко приходилось предпринимать цѣлое археологическое изслѣдованіе, чтобы выкопать гдѣ-нибудь въ отдѣлѣ брошюръ тощую ученическую тетрадку—диссертацию ученаго мужа, безъ основательнаго знакомства съ которой переходъ на слѣдующій курсъ былъ для студента напрасной мечтой.

Уровень науки за 90 годы значительно понизился; преподаваніе сошло на нуль, и добрая треть изучаемыхъ дисциплинъ превратилась въ какую-то невообразимую схоластику.

Типъ стараго профессора-гражданина, мужественно остаивавшаго обломки автономіи, типъ профессора ученаго, горѣвшаго безкорыстной любовью къ наукѣ, быстро вымиралъ, какъ то ступенька передъ гаерами бюрократіи.

Онъ былъ опасенъ для министерства, порою смѣшенъ для слушателей, иногда являлся бѣльмомъ на глазу у своихъ товарищей.

Мнѣ вспоминается Штукенбергъ, всю жизнь свою подѣлившій между ученымъ столомъ и тяжелой борьбой съ казанскими рептиліями—за городской музей, за общество естествоиспытателей, за многое другое.

Мнѣ слышится торопливая рѣчь Fortunatova, развертывающаго широкіе горизонты анатоміи предъ своими внимательными слушателями.

И на-ряду съ ними, какъ бы неразрывно съ ними, стоитъ весь сотканный изъ нервовъ и участія дорогой Николай Матвѣвичъ.

Всегда и всюду: въ тишинѣ своего кабинета, на лекціи предъ оживленной толпой, на докторантской защитѣ, онъ былъ живымъ человекомъ, безкорыстно преданнымъ наукѣ и обществу.

Молодежь это чувствовала.

Вотъ почему въ его приемной непрерывной вереницей проходили врачи, студенты, представители всѣхъ партій и отѣнковъ, свободно повѣрявшіе ему свои планы, надежды, опасенія. Теоретикъ по призванію, онъ никогда не отказывалъ въ практическомъ совѣтѣ и часто случалось видѣть—какъ врачъ, безуслѣшно борющийся съ болѣзью своего паціента, приходилъ за совѣтомъ къ проф. Любимову и никогда не встрѣчалъ отъ него отваса, неудовольствія за потерянное время.

Его стараніями женщины получили фактическое право посѣщать лекціи.

Его усиліями было предотвращено 15 октября кровавое столкновение въ университетѣ, когда въ вестибюлѣ новаго зданія шель шумный митингъ, а весь университетъ былъ обложенъ войсками.

„Я не допущу, чтобы зданіе университета обагрилось юношескою кровью; уведите войска и митингъ немедленно разойдется. Какъ ректоръ, какъ представитель свободной науки, я требую уваженія къ ея храму“.

Благородныя простыя слова.

Они спасли, быть можетъ, не одну сотню человѣческихъ существъ.

Но жизнь беретъ теперь больше, чѣмъ даетъ.

Мы все—римляне упадка имперіи.

Жить нервами и жить въ наши смутные дни—значить сгорѣть безъ остатка.

Николай Матвѣевичъ былъ чловѣкъ въ лучшемъ значеніи этого слова.

Жизнь вызвала его изъ тиши уединеннаго кабинета.

Онъ бодро откликнулся на ея зовъ..., отдалъ себя всего и быстро угасъ.

Такъ сгораютъ свѣча, зажженная съ обоихъ концовъ.

Такъ гаснутъ свѣточи любви, науки, страданія.

Бичуровъ.

По поводу годовщины смерти *Н. М. Любимова* Общество врачей при Казанскомъ Университетѣ 24 февраля 1907 г. почтило память своего бывшего почетнаго члена торжественнымъ засѣданіемъ, въ которомъ произнесены были рѣчи, посвященныя Николаю Матвѣевичу.

При открытіи засѣданія присутствовавшіе почтили память покойнаго *Н. М. Любимова* вставаніемъ.

Затѣмъ проф. **В. И. Разумовскій** прочиталъ *исторію болѣзни Н. М. Любимова и протоколъ вскрытія тѣла его*.

Предсѣдатель Общества, проф. **А. Н. Наземъ-Бекъ** сообщилъ нѣсколько *личныхъ воспоминаній о Н. М. Любимовѣ*.

Товарищъ предсѣдателя, приватъ-доцентъ **П. П. Заболотновъ** произнесъ рѣчь: „*Николай Матвѣевичъ Любимовъ, какъ профессоръ и ученый*“.

Преподаватель татарской учительской школы **И. В. Терегуловъ** сообщилъ: „*Воспоминанія друга о покойномъ Николаѣ Матвѣевичѣ Любимовѣ*.“

Мною прочитана была рѣчь: „Профессоръ *Н. М. Любимовъ*— какъ членъ *Казанскаго Общества врачей*,—и первоначальная исторія Общества.“

Рабогавшій въ патолого-анатомическомъ институтѣ проф. *Н. М. Любимовъ* докторъ *Илговскій* сообщилъ о нѣсколькихъ личныхъ воспоминаніяхъ о *Николаѣ Матвѣевичѣ*.

Завѣдующій школой имени *Н. М. Любимова*, учрежденной Совѣтомъ университета для дѣтей университетскихъ служителей *И. М. Петяевъ* прочиталъ отчетъ о школѣ слѣд. содержанія:

Школа въ память *Н. М. Любимова* открыта 22 ноября 1906 г.

По устройству ея работала особая комиссія, въ составъ которой входятъ: предсѣдатель проф. *В. И. Разумовскій*, члены— проф. *А. И. Александровъ*, *Л. Я. Любимовъ*, *И. М. Петяевъ*, *Н. В. Тергуловъ* и *М. А. Соловьевъ*.

Въ настоящее время школа помѣщается въ зданіи студенческаго общежитія и оборудована школьной мебелью и всѣми необходимыми учебными принадлежностями.

Со дня открытія и по сіе время въ ней обучается 4 мальчика и 11 дѣвочекъ,—дѣти низшихъ служащихъ Университета. Всѣ учащіеся раздѣлены на двѣ группы, соотвѣтствующія двумъ первымъ отдѣленіямъ начальной школы.

Въ школѣ преподаются слѣдующіе предметы: *Законъ Божій*, *русскій языкъ*, *арифметика*, *пѣніе* и *рисованіе*.

Преподаваніе этихъ предметовъ ведется прамѣнительно къ министерскимъ программамъ для начальныхъ народныхъ училищъ.

Въ составъ педагогической корпораціи школы входятъ слѣдующія лица:

1) Попечительница школы *Л. Я. Любимовъ*, выражающая свое участіе постояннымъ наблюденіемъ за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла и пожертвованіями книгами и вещами для учащихся;

2) руководитель учебныхъ занятій, членъ комиссіи по устройству школы,—*И. М. Петяевъ*, преподающій безвозмездно элементарный курсъ правописанія въ обѣихъ группахъ школы, при одномъ и двухъ урокахъ въ недѣлю;

3) Законоучитель священникъ *о. Іовлевъ*, принявшій на себя трудъ безвозмезднаго преподаванія Закона Божія (по два урока въ недѣлю) вмѣсто проф. *А. В. Смирнова*, отказавшагося отъ законоучительства за недостаткомъ свободнаго времени;

4) учительница грамоты,—письма—чтенія, *Е. И. Сиднева*, дающая по 10—12 уроковъ въ недѣлю, съ платою по десяти рублей въ мѣсяць;

5) учительница ариѳметики *Н. И. Парина*, дающая безвозмездно по 3 урока въ недѣлю;

6) учитель пѣнія *Н. С. Роговъ*, дающій по одному уроку въ недѣлю, съ платою по 1 рубл. за урокъ, и 7) учитель рисованія *В. Н. Косолаповъ*, дающій по 2 и по 4 урока въ недѣлю, съ платою по 50 коп. за урокъ. Кромѣ того, надзирательскія обязанности въ школѣ исполняла безвозмездно *Е. С. Заблужкая*, имѣющая надзоръ за учащимися во внѣклассное время.

Первый учебный годъ въ школѣ протекаетъ не совсѣмъ благополучно: съ 5 декабря по 10 января учебныя занятія прерывались вслѣдствіе эпидемическаго заболѣванія учащихся корью; но не смотря на это, всѣ предметы, входящіе въ курсъ преподаванія, вѣроятно, будутъ пройдены въ предположенномъ при открытіи школы объемѣ.

Въ настоящее время коммиссія по устройству школы озабочена открытіемъ при ней отдѣленія для татарскихъ дѣтей.

Въ качествѣ учительницы въ этомъ отдѣленіи приглашена *А. И. Терехилова*, изъявившая свое согласіе преподавать единолично всѣ предметы элементарнаго курса.

Коммиссія считаетъ своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность лицамъ, оказавшимъ содѣйствіе устройству школы денежнымъ пожертвованіемъ, личнымъ трудомъ и сочувствіемъ ея задачамъ.

По поводу засѣданія Общества врачей въ годовщину смерти *Н. М. Любимова*, въ „Казанскомъ Вечерѣ“ № 173 помѣщена замѣтка слѣдующаго содержанія:

Къ годовщинѣ смерти проф. Н. М. Любимова.

(Изъ засѣданія общества врачей).

24 февраля мѣстное общество врачей почтило память своего б. почетнаго члена *Н. М. Любимова* торжественнымъ засѣданіемъ, въ которомъ сказано было много рѣчей, посвященныхъ *Н. М.-чу*.

Въ этихъ рѣчахъ обрисована была вся жизнь Н. М-ча и дѣятельность его, начиная съ дѣтства его и кончая послѣдними днями его жизни. Мы видимъ Н. М. Любимова способнымъ и весьма любознательнымъ мальчикомъ, ученикомъ Уфимской гимназіи, незауряднымъ студентомъ Казанскаго университета и затѣмъ—какъ выдающагося ученаго профессора патолога анатома и почти до послѣднихъ лѣтъ—единственнаго профессора, преподававшаго въ университетѣ бактериологію, декана и ректора Казанскаго университета; здѣсь Н. М-чъ выше всего ставилъ коллегіальныя начала и начала автономіи университета. Какъ членъ общества врачей, Н. М-чъ болѣе 25 лѣтъ неустанно работалъ для общества, представляя массу докладовъ изъ своего института самъ или чрезъ своихъ многочисленныхъ помощниковъ.

Нерѣдко Н. М. выступалъ и какъ талантливый популяризаторъ медицинскихъ званій. Какъ человекъ, Н. М-чъ всеѣмъ былъ извѣстенъ, какъ гуманный, честный и благородный, съ чуткой и отзывчивой на все доброе душой, далекой отъ всякаго формализма и близко принимавшій къ сердцу и всеѣми силами защищавшій интересы обиженныхъ и особенно увлекавшейся молодежи.

Смерть такого выдающагося профессора университета и профессора-гражданина вызвала понятный взрывъ всеобщей печали, а неожиданность смерти Н. М-ча вмѣстѣ съ слухами изъ Петербурга, гдѣ онъ скончался, о нераспознанной во-время болѣзни вызвали чувство неподдѣльной досады и чуть не негодованія на врачей, не могшихъ спасти ректора университета и профессора-врача.

Весьма понятно поэтому, что все присутствовавшіе на засѣданіи Общества врачей съ особеннымъ интересомъ слушали читанныя проф. Разумовскимъ исторію болѣзни проф. Любимова и протоколъ вскрытія тѣла его. Къ сожалѣнію, ни то, ни другое не удовлетворило присутствующихъ. Хотя исторія болѣзни Н. М-ча велась хорошо и довольно подробно, но изъ явленій болѣзни нельзя было точно установить самую болѣзнь. Повидимому, началось съ инфлюэнцы, которая потомъ осложнилась гриппознымъ воспаленіемъ легкихъ, а затѣмъ—плевритомъ, который и повелъ къ смерти, но который распознать при жизни не удалось. Въ такихъ неопредѣленныхъ случаяхъ рѣшающимъ дѣло является протоколъ вскрытія. Но протоколъ вскрытія тѣла Н. М-ча составленъ какъ-то неясно, неполно. Несомнѣнно, что у Н. М. Любимова былъ гнойный плевритъ, послѣдствіемъ котораго былъ параличъ сердца и смерть. Не удалось при жизни распознать этотъ плевритъ потому, что гной въ полости груди располагался всеѣмъ не въ обычномъ мѣстѣ вслѣдствіе многочисленныхъ срощеній плевры съ грудной кѣткой послѣ бывшихъ у Н. М-ча раньше плевритовъ.

Въ концѣ засѣданія общества врачей г. Петяевымъ прочитанъ былъ краткій отчетъ по школѣ имени Н. М. Любимова, учрежденной совѣтомъ университета для дѣтей университетскихъ служителей. Между прочимъ, на эту смѣшанную по составу учащихся школу поступило недавно весьма щедрое пожертвованіе отъ имевитыхъ татаръ Казани: г-на Аитова 100 рублей и отъ другихъ — 100 рублей“.

Всѣ прочтанныя въ засѣданіи Общества рѣчи, за исключеніемъ рѣчи д-ра Илговскаго, напечатаны въ издаваемомъ Обществомъ врачей „Казанскомъ Медицинскомъ Журналѣ“ въ выпускѣ его за Февраль—Іюнь 1907 г., специально посвященномъ памяти почетнаго члена Общества *Н. М. Любимова*.

Въ этотъ выпускъ „Журнала“ вошли еще слѣдующія статьи, посвященныя памяти Николая Матвѣевича:

Паринъ В. Н. „О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ въ органахъ животныхъ, отравленныхъ кокаиномъ, по оживленіи ихъ хлороформомъ“.

Заболотновъ П. П. „Къ ученію о такъ называемой болѣзни Banti.“

Чарушинъ Ѡ. Н. „Сочетаніе первичнаго рака печени съ атрофическимъ циррозомъ ея“.

Проф. В. И. Разумовскій. „Къ казуистикѣ операций Krönlein'a на глазницѣ“.

Енохинъ Б. „Еще 3 случая изсѣченія прямой кишки у женщинъ по вагинальному способу“.

Овчинниковъ П. Я. „Peritonitis chronica fibrosa incapsulata“.

Боголюбовъ В. Л. „Альвеолярный эхинококкъ печени“.

Копыловъ В. Н. „Два случая множественнаго эхинококка“.

Еще нѣсколько біографическихъ данныхъ.

Закончивъ описаніе чествованія памяти профессора и ректора Казанскаго Университета *Н. М. Любимова*, я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о Николаѣ Матвѣевичѣ лично отъ себя.

Много лѣтъ и близко зная профессора *Н. М. Любимова*, я всецѣло присоединяюсь къ той прекрасной и разносторонней характеристикѣ его, какая безъ преувеличенія,—могу сказать,—сдѣлана въ приведенныхъ надгробныхъ рѣчахъ и различныхъ замѣткахъ въ печати, посвященныхъ памяти Николая Матвѣевича.

Я только замѣтилъ бы, что на нѣкоторыя стороны дѣятельности *Н. М. Любимова* не было указано или эта дѣятельность въ томъ или другомъ отношеніи недостаточно иллюстрирована.

Мы не видимъ, напр., въ рѣчахъ и замѣткахъ ничего о дѣятельности *Н. М. Любимова* въ качествѣ Предсѣдателя Государственной Медицинской испытательной Коммисіи.

Вотъ, между прочимъ, какъ отзывается по этому поводу одинъ изъ учениковъ проф. Любимова, въ письмѣ къ нему, въ 1900 г., врачъ А-въ:.... „Кромѣ того, я,—пишетъ авторъ письма, —никогда не могу забыть Васъ, какъ предсѣдателя Государственной Медицинской Коммисіи при Казанскомъ Университетѣ въ 1898 г., когда Вы, всегда вѣрный своему внутреннему доброму голосу, кромѣ зависѣвшихъ отъ Васъ облегченій экзаменовавшимся, внесли столько тепла и души въ засѣданія Коммисіи и въ экзамены, что послѣдніе потеряли для большинства свой грозный официальный характеръ и явились желательной научною бесѣдой.“

Врачи выпускковъ 1903 г. и 1904 г. поднесли проф. *Н. М. Любимову* адреса слѣдующаго содержанія:

Адресъ врачей выпуска 1903 г.:

„Глубокоуважаемый

Николай Матвѣевич!

На нашу долю выпало счастье экзаменоваться въ государственной коммисіи при постоянномъ Вашемъ присутствіи въ качествѣ предсѣдателя. Если профессоръ-экзаменаторъ при своей опытности и объективномъ отношеніи къ дѣлу часто не можетъ вполне сохранить столь необходимаго хладнокровія, то тѣмъ болѣе экзаменующійся, утомленный усиленной подготовкой, съ разстроенными нервами, въ вѣчной тревогѣ за исходъ того или другого

экзамена, отъ котораго зависитъ его будущая жизнь, еще чаще теряетъ присутствіе духа и, при своей подчасъ солидной подготовкѣ, не въ состояніи ее обнаружить.

Вы, Николай Матвѣевичъ, прекрасно понимали психику того и другого и въ трудныя для экзаменующагося минуты всегда умѣли поддержать и ободрить его. Вы одинаково горячо и внимательно слѣдили за судьбой каждаго экзаменующагося въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ испытанія и всегда, когда являлась необходимость, выручали изъ подчасъ критическаго положенія.

Глубоко цѣня Ваше сердечное и гуманное отношеніе, мы приносимъ Вамъ горячую благодарность и признательность, и, проводя въ жизнь высокіе идеалы нашей науки, надѣемся доставить Вамъ высшее нравственное удовлетвореніе.

Врачи выпуска 1903 года⁴.

Адресъ врачей выпуска 1904 г.:

„Глубокоуважаемый

Николай Матвѣевичъ!

Условія, при которыхъ происходитъ выпускъ врачей въ текущемъ году въ Казанскомъ Университетѣ, нѣсколько отличаются отъ тѣхъ, которыя всѣ привыкли считать нормальными. Во первыхъ, выпускъ совершается весной вмѣсто осени¹⁾; во вторыхъ, въ зависимости отъ этого, запасъ научныхъ свѣдѣній кончающихъ въ общемъ, быть можетъ, не такъ великъ, какъ бывалъ прежде. Мы, вчера еще студенты—сегодня врачи, не закрываемъ глаза на эти особенности нашего выпуска: мы желали первой разницы, имѣя въ виду исключительность переживаемаго страной бѣдствія, и въ тоже время мы старались по возможности довести до минимума вторую, чтобы оправдать то довѣріе, которое намъ оказывалъ Университетъ.

Вы, какъ Предсѣдатель Испытательной Медицинской Комиссіи, не отказали намъ въ своей поддержкѣ и сочувственно отнеслись къ осуществленію этихъ стремленій. Ваше авторитетное слово, опытность и вниманіе къ намъ и нашимъ интересамъ облегчали исполненіе этой сложной задачи. Всѣ тѣ шереховатости и затрудненія, которыя случались въ теченіе только-что окончившихся экзаменовъ, были Вами умѣло и легко устранены и улажены, а Ваше простое, лишенное официальнойности, сердечное отношеніе къ

¹⁾ Въ виду войны съ Японіей.—М. К.

намъ давали намъ возможность искать въ затруднительныхъ случаяхъ прежде всего Вашего содѣйствія.

Вотъ почему, собираясь сегодня вмѣстѣ, быть можетъ, въ послѣдній разъ, мы считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести Вамъ, многоуважаемый Николай Матвѣевичъ, свою глубокую благодарность за Ваше постоянное вниманіе и готовность помочь намъ.

Хорошо зная, что вмѣстѣ съ званіемъ и правами врача мы беремъ на себя огромную нравственную отвѣтственность за свою дѣятельность, мы позволяемъ себѣ высказать Вамъ и свое послѣднее пожеланіе: въ будущемъ, когда уже не вмѣстѣ, а по одному мы будемъ возвращаться къ своей „Alma mater“ для пополненія и расширенія своихъ знаній, намъ хотѣлось бы встрѣтить со стороны Университета и Васъ тоже довѣріе, сочувствіе и доброе отношеніе, которыя мы встрѣчали до сихъ поръ.— Казань, 20 мая 1904 г.“

Еще важнѣе было бы сдѣлать извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Медицинскаго факультета, Совѣта и особенно Правленія Казанскаго Университета,—Клиническаго совѣта, строительной Коммиссіи при Университетѣ, а также и всевозможныхъ другихъ Коммиссій. Эти извлеченія съ очевидностью показали бы, какъ высоко стоялъ и какъ симпатична была дѣятельность *Н. М. Любимова* въ качествѣ профессора, декана медицинскаго факультета, члена Совѣта и Правленія Университета и всевозможныхъ Коммиссій и, наконецъ, какъ Ректора Университета. Но... всѣ эти протоколы, за незначительными исключеніями, лежатъ подъ спудомъ, за крѣпкими замками, куда „освободительное движеніе“ еще не можетъ проникнуть....

Вотъ, напр., вопросъ о помѣщеніи патолого-анатомическаго института, въ которомъ *Н. М. Любимовъ* проработалъ 30 лѣтъ и который уже описанъ въ рѣчахъ проф. Разумовскаго, приватъ-доцентовъ *А. И. Подбѣльскаго* и *П. П. Заболотнова* и другихъ. Сколько здоровья унесли у *Н. М. Любимова* тѣснота и антигигиеническія условія помѣщенія его института; а сколько хлопотъ, заботъ, безпокойства и непріятностей перенесъ Николай Матвѣевичъ, возбуждая всевозможныя ходатайства объ устройствѣ лучшаго въ гигиеническомъ отношеніи помѣщенія для патолого-анатомическаго института съ его прекраснымъ и богатымъ музеемъ. Все было напрасно!

Свои мучительныя думы о помѣщеніи своего патолого-анатомическаго института проф. *Н. М. Любимовъ* излилъ, я думаю, въ своей рѣчи, сказанной въ 1905 г. надъ гробомъ покойнаго *А. М. Фортунова*, профессора нормальной анатоміи.

Какъ извѣстно, до 1906 г. патолого-анатомическій институтъ и институтъ нормальной анатоміи помѣщались въ одномъ зданіи, въ зданіи «анатомическаго театра».

Верхній этажъ зданія занималъ патолого-анатомическій институтъ, состоявшій изъ прихожей, залы, очень небольшой прозекторской комнаты на 4 стола, почти вплотную стоявшихъ, для занимающихся, небольшого корридорчика, ведущаго чрезъ двери: съ одной стороны въ «черный ходъ» института, съ другой—въ тѣсную профессорскую комнату, которая въ тоже время была и бактериологическимъ кабинетомъ и въ которой вмѣстѣ съ профессоромъ обыкновенно работала еще кто-нибудь изъ докторантовъ, а иногда и двое ихъ. Зала служила для патолого-анатомическаго музея и практическихъ занятій со студентами; иногда въ ней читались и лекціи.

Средній этажъ зданія, съ подваломъ для храненія труповъ, занималъ анатомическій институтъ. Въ довольно обширной аудиторіи здѣсь обыкновенно читалъ лекціи и профессоръ патологической анатоміи, который для этого долженъ былъ проходить изъ верхняго этажа въ средній холоднымъ и длиннымъ корридоромъ, которымъ, кстати замѣтить, проносили изъ подвала и трупы въ анатомическій институтъ для практическихъ занятій и для лекцій. Тѣснота и антигигіеническія условія анатомическаго института также были вопіющія.

Вотъ что говорилъ *Н. М. Любимовъ* въ рѣчи своей надъ гробомъ проф. Фортунатова:

«Еще новая могила! Не болѣе 14 лѣтъ какъ ты, дорогой товарищъ, появился въ университетской семьѣ вѣтущимъ, полнымъ духовныхъ силъ. Съ первой же вступительной лекціи ты безповоротно завоевалъ симпатіи своихъ товарищей и слушателей. И вотъ теперь, когда тебѣ всего 54 года, мы провожаемъ тебя въ могилу. Отчего же это? На Западѣ этотъ возрастъ—періодъ самой продуктивной дѣятельности; а у насъ почти обычно общественные дѣятели сходятъ съ жизненной платформы, не доживъ и до этого срока.

Чѣмъ же несчастнѣе наша дорогая Родина—Запада?! Отчего такъ быстро таетъ жизнь нашихъ научныхъ тружениковъ? Вѣдь ты, товарищъ, въ началѣ своей академической дѣятельности весь отдался

умственной работѣ! Между тѣмъ тебѣ пришлось прервать ее и выдти въ отставку по неизлѣчимой болѣзни ¹⁾).

Кто и что нарушило, искажило твою ученую работу и довело тебя до могилы?

Коллегія? Нѣтъ! Она тебя любила. И нельзя такого прямого и честнаго, открытаго товарища не любить и не уважать!

Твои слушатели? Нѣтъ! Обладая естественно-историческимъ образованіемъ, ты вель преподаваніе основного предмета медицинскаго факультета такъ, что слушатели тебя цѣнили и уважали. Твои лекціи часто прерывались или покрывались аплодисментами.

Можетъ быть, условія твоей дѣятельности? Да и да! Ты заболѣлъ скарлатиной, которая оставила послѣ себя тяжелый слѣдъ въ твоихъ почкахъ. Это осложненіе не было бы для тебя такъ пагубно, если бы были хорошія условія для твоей работы. Но при какой обстановкѣ ты трудился? Анатомическій театръ, въ которомъ ты вынужденъ былъ вести занятія, построень въ 1840-хъ годахъ. Если онъ по архитектурѣ располагаетъ къ себѣ, то нельзя того же сказать про самое помѣщеніе. Отсутствіе вентиляціи, насыщенная вредными газами отъ разлагающихся труповъ атмосфера, тѣснота помѣшенія, холодъ— вотъ условія твоей работы! Ихъ и крѣпкіе организмы не выдерживали и работавшіе или сами съевременно устранялись или также преждевременно падали, какъ и ты...

Тщетно ты взывалъ о помощи. Ты просилъ пошадить не тебя, а тѣхъ юношей, тѣхъ студентовъ, которые обречены на работу въ этихъ тѣсныхъ, смрадныхъ и холодныхъ залахъ. Ты пользовался поспѣшеніями представителей власти: ты просилъ ихъ провѣрить твои жалобы. Всѣ соглашались съ ихъ основательностью. Б. товарищъ Министра народнаго просвѣщенія Звѣревъ былъ потрясенъ видѣннымъ. И казалось, что постройка новаго анатомическаго института—внѣ сомнѣнія. Но уже въ слѣдующій скорый пріѣздъ свой тотъ же товарищъ министра, подъ внушеніемъ, нивѣяннымъ новыми администраторами, согласился уже на передѣлку главнаго университетскаго корпуса.

Ты въ теченіе твоей академической дѣятельности трижды составлялъ планъ новаго анатомическаго института, лично принималъ участіе въ депутаціи, испрашивавшей кредита у министра финансовъ Витте на расширеніе университета. И каждый разъ казалось, что

---

¹⁾ Воспаленіе почекъ послѣ скарлатины.—М. К.

твоя завѣтная мечта дать возможность тебѣ и учащейся молодежи заниматься въ специально приспособленномъ учрежденіи, удовлетворяющемъ требованіямъ современной анатомической науки и гигиены, близка къ осуществленію. Но, увы, ты не дождался того, что требовала справедливость!

Ты таялъ.—Ты слабѣлъ... Кто доживетъ, тотъ увидитъ прямые корридоры въ Университетѣ; мы же теперь видимъ твой прахъ!

Спи, дорогой товарищъ! Ты дѣлалъ, что могъ; ты просилъ, но тебѣ не дали! Ты стучалъ, но тебѣ не отперли!»...

Какъ много изъ сказаннаго въ этой рѣчи относится и къ самому проф. *Любимову*! Это былъ укоризненный крикъ наболѣвшей души Николая Матвѣевича: 30 лѣтъ Н. М. Любимовъ работалъ все въ томъ-же тѣсномъ и антигигиеническомъ помѣщеніи анатомическаго театра и какъ работалъ? изодня въ день и часто съ утра до ночи! А вѣдь проф. Любимовъ страдалъ туберкулезомъ легкихъ, который въ 1880-хъ годахъ такъ обострился, что ему запрещено было заниматься съ туберкулезными объектами.

Насколько всякаго новаго человѣка возмущали тѣснота и антигигиеническія условія Казанскаго патолого-анатомическаго института, можно видѣть изъ словъ бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго Округа В. А. Попова, который, пришедши въ патолого-анатомическій институтъ для личнаго ознакомленія съ нимъ, сказалъ проф. *Любимову*: „Я бы лучше со два Волги песокъ сталъ таскать, чѣмъ заниматься въ такомъ плохомъ помѣщеніи“!.. Но... Николай Матвѣевичъ тысячи разъ слышалъ, хотя и не въ такихъ „сильныхъ“ выраженіяхъ, дурные отзывы о помѣщеніи его патолого-анатомическаго института, и тѣмъ не менѣе онъ работалъ все въ томъ же институтѣ еще при двухъ попечителяхъ Округа и такъ и умеръ... при тяжелыхъ думкахъ о помѣщеніи своего института! За 16 дней до своей смерти *Н. М. Любимовъ* писалъ изъ Петербурга проф. Разумовскому: „Бываю я,—сообщаетъ Н. М.,—въ Институтѣ экспериментальной медицины; вотъ прелесть! А у меня въ Казани—негдѣ пошевелиться, нечѣмъ дышать, не на что жить“!... ¹⁾).

Сколько разъ хлопоталъ Николай Матвѣевичъ о лучшемъ помѣщеніи и часто казалось—такъ успѣшно; не разъ и планы новаго патолого-анатомическаго института составлялись. Всѣ, съ администраціей во главѣ, возмущались безобразнымъ помѣщеніемъ института и всѣ находили необходимымъ скорѣйшее устройство новаго....;

---

¹⁾ См. рѣчь проф. В. И. Разумовскаго.

а въ „невозможномъ“ институтѣ все продолжаетъ работать Николай Матвѣевичъ съ многочисленными своими сотрудниками! Такъ и Н. М. Любимовъ не дождался лучшаго помѣщенія и умеръ онъ также преждевременно, тѣхъ же 54 лѣтъ! ¹⁾

Далѣе, какъ часто беспокоилъ и прямо мучилъ проф. *Любимова* вопросъ о доставленіи въ его патолого-анатомическій институтъ возможно большаго числа труповъ изъ лѣчебныхъ заведеній для патолого-анатомическихъ вскрытій въ цѣляхъ преподаванія патологической анатоміи! Какъ, напр., онъ печалился, что изъ земской больницы стали мало присылать въ институтъ труповъ.—Я не говорю о разныхъ „исторіяхъ“ съ этими вскрытіями, съ результатами ихъ, не подтверждавшими клинической діагнозы, въ какихъ случаяхъ проф. *Любимовъ* всегда былъ корректенъ и благороденъ.

А вопросъ о госпитальныхъ клиническихъ отдѣленіяхъ въ Губернской земской больницѣ? Какъ много и здѣсь проф. *Любимовъ* перенесъ волненій и неприяностей, защищая интересы Университетскихъ госпитальныхъ клиникъ при обострившихся у Университета въ 1898 г. недоразумѣніяхъ съ Губернской земской Управой, проникнутый одной идеей—широкаго и свободнаго служенія наукѣ и страждущему человѣчеству, и лично не заинтересованный въ этихъ клиникахъ!

Вотъ еще... отрывокъ изъ черновика сообщенія проф. *Любимова* о положеніи дѣлъ въ Университетской, если не ошибаюсь, противочумной комиссіи (1897 г.) по поводу приготовленія соотвѣтственной сыворотки:

„Помѣщеніемъ для лошадей служила конюшня на 3 стойла, выстроенная благодаря участію г. Ректора; но нужно было содержать лошадей, платить конюху и т. д. Было время, что проф. Н. Ф. Высоцкій и я содержали лошадей на свой счетъ. Предъ окончаніемъ работы всѣ средства изсякли. Къ счастью, я встрѣтился съ лаборантомъ М. И. (Лопаткинымъ?) и при его содѣйствіи получилъ отъ Ушкава 100 рублей, на которыя и могъ только окончить работу. Если принять во вниманіе, какъ будетъ видно

¹⁾ Лѣтомъ 1906 г. Патолого-анатомическій институтъ переведенъ былъ въ бывшее общежитіе студентовъ на Арскомъ полѣ, а анатомическій театръ весь занялъ институтъ нормальной анатоміи.—М. К-ій.

изъ отчета, что въ литературѣ по данному вопросу существуетъ путаница, то не удивительно, что работа шла медленно и не всегда успѣшно. Приходилось много дѣлать контрольных изслѣдованій. Нѣкоторая медленность работы, естественная при подобныхъ условіяхъ, была подхватываема и комментировалась иногда въ самомъ невыгодномъ смыслѣ и для Комиссіи и для всего Факультета.

Такимъ образомъ это не была нормальная лабораторная работа, но своеобразная по обстановкѣ и тяжелая по побочнымъ обстоятельствамъ. Отказаться отъ нея, не получивъ результатовъ, не позволялъ нравственный долгъ“.

Протоколы засѣданій Правленія Университета, особенно во времена студенческихъ волненій, показали-бы, что дѣятельность проф. *Н. М. Любимова*, какъ декана медицинскаго факультета, „заслуживаетъ“, какъ справедливо заявилъ въ Совѣтъ Университета проф. *Д. А. Корсаковъ*, „глубокаго почтенія“, особенно когда *Николай Матвѣевичъ* въ тяжелыя годы Университета, „обладая чуткой и отзывчивой душой, всегда горячо принималъ къ сердцу печали студенчества и стойко отстаивалъ его интересы“¹⁾, проявляя рѣдкое у насъ гражданское мужество!

Въ 1900 г. проф. *Н. М. Любимовъ* праздновалъ 25-лѣтіе своей служебной дѣятельности.

Приведу два адреса, поднесенныхъ Николаю Матвѣевичу въ этотъ, знаменательный для него, день²⁾.

Адресъ врачей г. Казани:

„Глубокоуважаемый

Николай Матвѣевичъ!

Исполнившееся 25-лѣтіе Вашей научной дѣятельности вызываетъ въ насъ, Вашихъ ученикахъ, весьма естественное желаніе

¹⁾ Ученія Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Октябрь. Приложение, стр. 46 и 47.

²⁾ Въ «Казанскомъ Телеграфѣ» 1900 г. № 2330 напечатана замѣтка «Къ 25-лѣтію проф. *Н. М. Любимова*».

почтить въ Вашемъ лицѣ истиннаго ученаго и талантливаго преподавателя, посвятившаго всю свою жизнь служенію наукѣ и отдавшаго всё свои силы нелегкому педагогическому труду.

Выступивши въ качествѣ университетскаго преподавателя, Вы съ первыхъ же шаговъ показали, что Вы созданы для ученой дѣятельности, что Вы рождены быть педагогомъ. И по складу своего ума, и по особенностямъ своего характера, и по своей натурѣ Вы являетесь истиннымъ ученымъ, образцовымъ преподавателемъ. Въ теченіе всей своей 25-лѣтней научной дѣятельности Вы жили только лабораторіей, Вы отдыхали только на университетской кафедрѣ: здѣсь сосредоточивались всё Ваши интересы, здѣсь Вы получали истинное удовлетвореніе, здѣсь Вы находили отвѣтъ на тѣ вопросы, которые волновали Вашъ талантливый умъ.

Посвятивши себя непрерывному научному труду, Вы въ тоже время прилагаете всё усилія къ тому, что бы вовлечь въ совмѣстную работу также и своихъ слушателей, развить въ нихъ любовь къ научнымъ занятіямъ. Широко понимая задачи университетскаго преподаванія, Вы не ограничиваетесь однимъ только чтеніемъ лекцій: Ваши систематическія практическія занятія со студентами, Ваши обстоятельныя патолого-анатомическія вскрытія, происходящія въ тѣсномъ и душномъ помѣщеніи и продолжающіяся каждый разъ не менѣе 3—4 часовъ,—ясно говорятъ о томъ, съ какой любовью Вы относитесь къ своему дѣлу, съ какой самоотверженностью предаетесь научнымъ изысканіямъ, какъ добросовѣстно исполняете взятую на себя обязанность.

Но этимъ далеко еще не исчерпывается Ваша учено-педагогическая дѣятельность, такъ-какъ роль представителя университетской кафедры въ Вашихъ глазахъ представляется слишкомъ отвѣтственной, потому что обязанности университетскаго преподавателя Вы считаете слишкомъ сложными и обширными. Вотъ почему всё Ваши стремленія постоянно направлены къ тому, чтобы расширить учебно-вспомогательныя пособія патолого-анатомическаго кабинета, что бы обезпечить кафедру необходимымъ научнымъ матеріаломъ, который Вы старались возможно продуктивнѣе утилизировать, что бы онъ съ наибольшей пользой послужилъ интересамъ науки. Съ этой цѣлью Вы положили особенно много труда и времени на созданіе патолого-анатомическаго Музея, который въ настоящее время, по богатству рѣдкихъ и цѣнныхъ экземпляровъ, занимаетъ почетное мѣсто среди аналогичныхъ учрежденій и потому можетъ считаться съ полнымъ правомъ гордостью Казанскаго Университета. Мало этого: своими наблюденіями и изслѣдованіями Вы стараетесь дѣлиться не только съ Вашими слушателями и тѣми лицами, которые работаютъ вмѣстѣ съ Вами, но всегда ищите болѣе обширній аудиторіи, выступая съ докладами

и демонстраціями въ мѣстномъ Обществѣ врачей, гдѣ Ваши сообщенія всегда выслушиваются съ глубокимъ интересомъ и неослабнымъ вниманіемъ.

Вашимъ же стараніямъ патолого-анатомическій институтъ обязанъ тѣмъ, что въ немъ устроена первая въ здѣшнемъ университетѣ бактериологическая лабораторія, въ которой такъ много потрудились и продолжаютъ трудиться какъ Вы сами, такъ и многіе молодые работники, желающіе пополнить и расширить свои спеціальныя знанія. Вы первый въ Казанскомъ Университетѣ открыли для студентовъ частный систематическій курсъ бактериологіи и сразу сумѣли поставить въ глазахъ слушателей эту новую и крайне важную отрасль медицины на надлежащую и подобающую ей высоту. Вашъ литографированный курсъ бактериологіи въ свое время былъ почти единственнымъ русскимъ пособіемъ.

Мы не беремъ на себя смѣлости оцѣнивать Ваши научныя заслуги; эту оцѣнку давно уже сдѣлала русская медицинская наука, зачисливши Васъ въ ряды лучшихъ своихъ представителей. Но мы, какъ ученики Ваши, не можемъ не отмѣтить здѣсь тѣхъ особенностей, которыми отличаются Ваши научныя бесѣды съ каеэды. Каждый изъ насъ помнитъ и долго не забудетъ тѣхъ учительныхъ лекцій, тѣхъ простыхъ, но глубоко-научныхъ и полныхъ интереса бесѣдъ, которыя Вы съ такимъ увлеченіемъ вели съ нами при нашемъ прохожденіи университетскаго курса. Вы въ нихъ настойчиво старались доказать и установить тѣсную, живую связь между клинкой и патологической анатоміей. Вы всегда демонстративно убѣждали насъ въ томъ громадномъ значеніи, которое имѣетъ патологическая анатомія для клинческой медицины.

Но помимо выдающихся Вашихъ достоинствъ какъ ученаго и преподавателя, намъ пріятно отмѣнить здѣсь тѣ высокія качества Вашей души, которыми такъ щедро наградила Васъ природа. Рѣдко можно встрѣтить въ человѣкѣ такое гармоническое сочетаніе положительныхъ душевныхъ качествъ, какимъ одарены Вы, глубокоуважаемый Николай Матвѣевичъ. Простота и сердечность, доступность, живая отзывчивость и доброжелательность—вотъ тѣ благородныя качества Вашей души, которыя находятъ въ Васъ каждый, кому только приходится имѣть съ Вами тѣ или иныя отношенія.

Наше привѣтствіе мы хотѣли-бы закончить еще двумя послѣдними словами. Мы желали-бы, что бы сегодняшнее наше чествованіе Вашего юбилея не было принято Вами, какъ обычный актъ вѣжливости, какъ нѣкая формальная обязанность. Наше присутствіе здѣсь объясняется живымъ чувствомъ искренней признательности и тѣмъ чувствомъ глубокаго уваженія, которое Вы внушили высокими качествами Вашего ума и Вашей души.

Примите отъ насъ сердечное пожеланіе еще многіе годы здравствовать и также плодотворно работать на пользу науки и дорогого намъ отечества.—Казань. 1900 г.“

Слѣдуютъ подписи 124 врачей, жившихъ въ Казани, б. ч. учениковъ Н. М. Любимова, а также работавшихъ въ его патолого-анатомическомъ институтѣ и вообще пользовавшихся его научными услугами.

Врачи Казанской Окружной лечебницы для душевно-больныхъ въ день 25-лѣтняго юбилея проф. Любимова поднесли ему особый адресъ слѣд. содержания:

„Дорогой нашъ учитель, многоуважаемый

Николай Матвѣвичъ!

Обширенъ предметъ преподаваемой Вами науки! Изученіе его открываетъ вѣрный путь къ точному уясненію какъ болѣзненныхъ процессовъ человѣческаго организма, такъ въ особенности головного мозга. Наука, представителемъ которой Вы являетесь, далеко еще не сказала своего послѣдняго слова въ ученіи о душевныхъ болѣзняхъ, и мы, постоянно встрѣчаясь со многими неразгаданными вопросами въ этой области, прибѣгали къ Вашему благосклонному содѣйствію для уясненія ихъ. Въ теченіе почти 12 лѣтъ Вы состоите консультантомъ по Вашей специальности въ Казанской Окружной Лечебницѣ. За все это время мы, врачи Лечебницы, всегда находили въ Васъ полную готовность во всякое время дать разъясненіе въ запутанныхъ вопросахъ патологической анатоміи, что и позволяло намъ, благодаря Вашимъ указаніямъ, быть постоянно освѣдомленными въ новостяхъ по преподаваемому Вами предмету.

Цѣня Ваши заслуги и чувствуя глубочайшую признательность, мы, глубокоуважаемый Николай Матвѣвичъ, въ этотъ высокочестивый день Вашей жизни, считаемъ своимъ долгомъ выразить Вамъ свое уваженіе и благодарность съ пожеланіемъ Вамъ многихъ годовъ плодотворной научной дѣятельности на пользу родного Университета и русской медицины. 15 августа 1900 г.“ Казань.

Слѣдуютъ подписи 9 врачей Окружной лечебницы.

Здѣсь-же считаю долгомъ отмѣтить и слѣдующее.

Всѣмъ намъ извѣстно, что *Н. М. Любимовъ* съ большой любовью и интересомъ занимался фотографіей и особенно микрофотографіей, которая такъ важна въ научныхъ работахъ. Много труда и времени положено было имъ на эти занятія фотографіей. Помимо массы фотографическихъ снимковъ, законченныхъ и оставшихся въ негативахъ, сдѣланныхъ Николаемъ Матвѣвичемъ во время различныхъ его поѣздокъ, особенно лѣтомъ, капитальной работой проф. Любимова было составление имъ альбома фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ имъ во время поѣздки въ 1898 г. въ мѣстности Казанской губерніи, пораженныя цынгою, — снимковъ съ больныхъ и ихъ жилищъ ¹⁾. Весьма цѣнны и его микрофотографическіе снимки, и діaposитивы, которыми Николай Матвѣвичъ широко пользовался при различныхъ научныхъ демонстраціяхъ въ своемъ патолого-анатомическомъ институтѣ, въ засѣданіяхъ Общества врачей, во время публичныхъ лекцій.

Любовь и интересъ къ занятіямъ фотографіей привели проф. *Н. М. Любимова* въ Казанское фотографическое Общество, которое скоро, въ 1900 г., избрало его своимъ Предсѣдателемъ, каковымъ онъ и оставался до избранія его ректоромъ. „Благодаря Николаю Матвѣвичу, пишетъ мнѣ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ фотографическаго Общества, — наше небольшое Общество какъ-то сразу почувствовало себя вѣрными и сплоченнымъ. Николай Матвѣвичъ былъ самъ фотографомъ-работникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ интересовался всѣми отраслями научнаго примѣненія фотографіи и очень много работалъ въ области микрофотографіи. Только что появившимся способомъ трехцвѣтной фотографіи проф. *Н. М. Любимовъ* глубоко заинтересовался и немедленно озаботился тѣмъ, что бы члены фотографическаго Общества были ознакомлены съ практическимъ примѣненіемъ этого способа. Николай Матвѣвичъ ввелъ въ обычай реферируваніе въ Обществѣ статей текущей фотографической литературы, распредѣляя эти рефераты среди членовъ каждаго собранія“.

„Обладая практическомъ умомъ. *Н. М. Любимовъ* сумѣлъ организовать складъ при Обществѣ фотографическихъ принадлежностей, который чрезъ 2 года, за смертію завѣдывавшаго складомъ, переданъ былъ *Г. А. Герингслаке*“.

---

¹⁾ Снимки эти показаны были проф. Любимовымъ помощію волшебнаго фонаря въ засѣданіи Казанскаго Общества врачей во время доклада его о цынги въ Казанской губерніи.

„Больше же всего на всѣхъ членовъ Фотографическаго Общества дѣйствовала обаятельная личность Предсѣдателя его, проф. Н. М. Любимова. Умѣнье устранить возникающія тренія среди членовъ Общества, отсутствіе формализма и особенная простота, которую ввелъ предсѣдатель Н. М. Любимовъ въ „обиходъ“ собраний, создали новую, совершенно особую атмосферу въ Обществѣ“.

Съ избраніемъ проф. Любимова въ сентябрѣ 1905 г. Ректоромъ Университета окончилось активное участіе его—Предсѣдателя въ дѣлахъ Общества. Въ ноябрѣ 1905 г. предъ отъѣздомъ Николая Матвѣевича въ Петербургъ фотографическое Общество поднесло ему адресъ съ выраженіемъ благодарности за ту пользу, которую Н. М. принесъ Обществу. По смерти своего предсѣдателя фотографическое Общество вмѣсто вѣнка на гробъ его внесло въ фондъ на открытіе школы имени Н. М. Любимова 25 рублей.

Поднесенный 8 го Ноября 1905 г. Казанскимъ *Фотографическимъ* Обществомъ его Предсѣдателю, профессору и ректору *Н. М. Любимову* адресъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь,

Глубокоуважаемый

Николай Матвѣвичь!

8-го ноябра сего года въ общемъ собраніи Казанскаго Фотографическаго Общества, состоявшемся въ домѣ Засѣдательской, было доложено о томъ, что Вы поставлены въ необходимость оставить Предсѣдательствованіе въ Обществѣ, вслѣдствіе невозможности удѣлять Обществу должное вниманіе въ виду возложенія на Васъ обязанностей Ректора Казанскаго Университета въ чрезвычайно трудное время, переживаемое отечествомъ нашимъ и въ частности Казанью. Сообщение это произвело сильное впечатлѣніе, при чемъ членами высказано глубокое сожалѣніе объ оставленіи Вами Общества и указано на то, что благодаря Вашему участію, какъ члена-учредителя съ 1894 г., а въ особенности въ роли Предсѣдателя, Общество, близкое въ одно время къ разстройству, вновь оживило и вступило на путь развитія. Вашъ категорическій отказъ а также сознаніе, что Вы дѣйствительно не въ состояніи продолжать Предсѣдательствованіе, поставило насъ въ необходимость согласиться съ Вашимъ желаніемъ и не беспокоить Васъ ходатайствами взять обратно Ваше заявленіе.

Въ настоящее время Общество, продолжая правильное функционированіе, считаетъ своимъ долгомъ принести Вамъ свою искреннюю благодарность за Ваши труды по Обществу и надѣется и въ будущемъ на Васъ, какъ на почетнаго члена, что Вы будете оказывать свое содѣйствіе какъ при устройствѣ выставки, такъ и въ дѣлѣ организациі доклады въ университетскихъ лабораторіяхъ“.

Въ 1904 г. проф. *Н. М. Любимовъ* былъ избранъ Почетнымъ членомъ *Россійскаго Общества сельско-хозяйственнаго птицеводства* въ Москвѣ.

Дипломъ на званіе почетнаго члена Общества птицеводства препроводило Н. М. Любимову при слѣдующемъ отношеніи отъ 18 марта 1904 г.:

„*Ваше Превосходительство,*

Николай Матвѣевичъ!

Россійское Общество сельско-хозяйственнаго птицеводства, имѣя много отдѣловъ, разбросанныхъ сътыю по всей Россіи и стремясь по возможности способствовать развитію у насъ въ отечествѣ птицеводства, зорко слѣдитъ и за тѣми тружениками науки, которые, служа свѣточами для Общества, являются для него источникомъ знаній. Въ число своихъ почетныхъ членовъ, среди которыхъ былъ покойный Ed. Nocard и благополучно здравствующій И. И. Мечниковъ, Roux, Ostertag, графъ С. Д. Шереметевъ и др., принимая во вниманіе Ваши труды по оспѣ птицъ и др. ¹⁾, Россійское Общество сельско-хозяйственнаго птицеводства 2-го сего марта единогласно постановило избрать и просить Васъ принять званіе почетнаго члена Общества“.

¹⁾ Между прочимъ, въ 1900 г. въ патолого-анатомическомъ Институтѣ проф. *Н. М. Любимова* произведена была ветеринарнымъ врачомъ *Θ. П. Половинкинымъ* работа на степень магистра ветеринарныхъ наукъ—на тему «*Epithelioma contagiosum голубей*».

Насталъ великій, но въ тоже время тяжелый и бурный 1905-ый годъ: освободительное движеніе въ Россіи все болѣе и болѣе разрасталось, не смотря ни на какія препятствія. Съ этого времени *Н. М. Любимовъ*, горячо сочувствовавшій мирному обновленію нашей многострадальной родины, выдвинулся, какъ незаурядный общественный дѣятель и какъ одинъ изъ передовыхъ борцовъ за свободу науки въ обновленной странѣ, за автономію Университета, о чемъ *Н. М.* и много ранѣе мечталъ!

Студенческія волненія увеличивались и обострялись. — Студентамъ постоянно грозили не только исключенія изъ Университета, но и опасность для жизни. Проф. *Н. М. Любимовъ*, искренно и глубоко любившій учащуюся молодежь, столь склонную къ увлеченіямъ, считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ принимать всѣ, зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы предотвратить гибельныя для студентовъ послѣдствія ихъ увлеченій.

Вотъ яркій примѣръ заботы о студентахъ со стороны *Н. М. Любимова*.

18 февраля 1905 г. въ студенческой столовой, завѣдующимъ которой былъ Николай Матвѣевичъ, была назначена общая сходка студентовъ. Освѣдомленной объ этомъ администраціей поставленъ былъ большой нарядъ пѣшей и конной полиціи и приготовлена полурота солдатъ. Разгонъ сходки возбужденныхъ студентовъ представлялъ бы ужасныя послѣдствія для студентовъ, не говоря уже о закрытіи столовой, столь необходимой для студентовъ. И вотъ проф. *Н. М. Любимовъ* взялъ на себя огромную отвѣтственность за сходку, рѣшивъ лично предупреждать столкновеніе студентовъ съ полиціей. Онъ рѣшилъ не уходить изъ студенческой столовой до окончанія сходки и дѣйствительно пробылъ въ столовой съ 12¹/₂ час. дня до 5¹/₂ час. вечера, много разъ за это время являясь на сходку, что-бы уговорить и успокоить сильно возбужденныхъ студентовъ, что въ большей или меньшей степени ему и удавалось. Сходка закончилась благополучно, благодаря исключительно самопожертвованію *Н. М. Любимова*, что студенты оцѣнили, выразивъ Николаю Матвѣевичу горячую благодарность.

Лѣто 1905 г. *Н. М. Любимовъ* проводилъ на своей дачѣ въ „Ильинѣ“, въ 60 верстахъ отъ Казани. Отдыхъ такъ необходимъ былъ для Николая Матвѣевича; но отдохнуть ему, какъ слѣдуетъ, не пришлось, такъ какъ онъ сильно болѣлъ душой изъ-за обострившихся общественно-политическихъ нестроеній и студенческихъ волненій.

Освободительное движеніе привело прежде всего къ автономіи Университетовъ.

Въ засѣданіи Совѣта Казанскаго Университета 1 сентября 1905 г. заслушивается телеграмма Министра народнаго просвѣщенія о послѣдовавшемъ 27 августа Высочайшемъ повелѣніи ввести въ дѣйствіе въ Университетахъ временныя автономныя правила, по которымъ Совѣтамъ Университетовъ предоставляется право избирать ректора, а факультетамъ—декановъ и секретарей, и др. Выборы произвести немедленно ¹⁾.

По поводу предстоявшихъ выборовъ ректора, профессора Университета, на сколько мнѣ извѣстно, устраивали нѣсколько частныхъ совѣщаній, на которыхъ высказывались различныя требованія къ избираемому ректору и намѣчались кандидаты на этотъ высокій постъ.

Въ засѣданіи Совѣта Университета 6 сентября произведены были выборы ректора Университета и декановъ факультетовъ.

На должность ректора Университета наибольшее число записокъ получилъ проф. *Н. М. Любимовъ*, продолжавшій жить на своей дачѣ въ „Ильинкѣ“,—именно 32 изъ 56 противъ 7—18 записокъ, полученныхъ другими членами Совѣта. Тѣмъ же числомъ избирательныхъ шаровъ проф. *Любимовъ* избранъ былъ Ректоромъ Императорскаго Казанскаго Университета, противъ 7—21 шара, полученныхъ другими ²⁾.

Объ избраніи на должность Ректора Университета *Н. М. Любимовъ* извѣщенъ былъ телеграммой, а затѣмъ съ тѣмъ же извѣщеніемъ, по порученію Совѣта Университета, пріѣхалъ къ проф. Любимову въ Ильинку Секретарь Совѣта *М. А. Соловьевъ*.

Николай Матвѣевичъ вполне понималъ всю тяжесть положенія Ректора Университета въ то бурное время на Руси, не говоря уже о томъ, что эта должность уже совсѣмъ мало оставляла-бы ему времени для научныхъ занятій, которымъ Николай Матвѣевичъ такъ былъ преданъ. Только чувство долга предъ Университетомъ съ его студенчествомъ и предъ родиной, а съ другой стороны, чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія, полученнаго отъ высокаго довѣрія Совѣта Университета—заставили проф. *Н. М. Любимова* принять почетное и столь отвѣтственное званіе перваго выборнаго Ректора родного ему Казанскаго Университета, какъ бы самая должность ни представлялась трудной и непосильной для его надломленнаго уже здоровья!

9 лѣтъ *Н. М. Любимовъ* состоялъ деканомъ медицинскаго факультета Казанскаго Университета по назначенію, избираемый

---

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь, стр. 174.

²⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь, стр. 178—180.

черезъ каждые 4 года обычнымъ бюрократическимъ путемъ, и вдругъ—въ великіе дни освободительнаго движенія на родинѣ нашей, столь горячо любимой Николаемъ Матвѣвичемъ, онъ избирается на должность высшаго представителя Казанскаго Университета, на должность Ректора Университета, и избирается уже свободно, на новыхъ, автономныхъ началахъ, Совѣтомъ Университета!—Уже одинъ этотъ фактъ говорить за то, что проф. *Н. М. Любимовъ* былъ однимъ изъ „лучшихъ людей“ нашей родины!

Не успѣлъ Николай Матвѣвичъ успокоиться отъ волненій по поводу избранія его Ректоромъ Университета, какъ пришлось пережить, пожалуй, еще большія волненія. 15 августа 1905 г. исполнилось 30-лѣтіе учебной службы проф. Любимова; кончалась его служебная дѣятельность. Зная, что въ сентябрѣ будетъ обсуждаться Медицинскимъ факультетомъ вопросъ о преподавателѣ патологической анатоміи въ Казанскомъ Университетѣ за выслугою лѣтъ имъ—проф. Любимовымъ, онъ нарочно долѣе остается жить на своей дачѣ въ Ильинкѣ, что-бы вопросъ рѣшенъ былъ въ его отсутствіе.

Медицинскій факультетъ въ экстренномъ засѣданіи своемъ 12 сентября почти единогласно (противъ—4 голоса) постановилъ просить проф. Любимова и впредь занимать кафедру патологической анатоміи въ Казанскомъ Университетѣ.

Въ засѣданіи Совѣта Университета 24 сентября ¹⁾, въ отсутствіи проф. Любимова,—„Слушали: Представленіе Медицинскаго факультета отъ 13 сентября за № 263 слѣдующаго содержанія:

„Медицинскій факультетъ, въ экстренномъ засѣданіи своемъ, состоявшемся 12 сего сентября, выслушавъ докладъ г. и. д. декана Медицинскаго факультета, заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Ѳ. Высоцкаго, о выслугѣ 15 августа 1905 года 30 лѣтъ учебной службы ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ патологической анатоміи *Н. М. Любимовымъ*, постановилъ: Въ виду выдающейся педагогической и научной дѣятельности проф. Н. М. Любимова просить его продолжать вести преподаваніе по кафедрѣ патологической анатоміи и завѣдывать кабинетомъ; одновременно съ симъ довести до свѣдѣнія Министерства, что преподаваніе по кафедрѣ патологической анатоміи въ Казанскомъ Университетѣ при этомъ будетъ обезпечено, и впредь, до введенія новаго Устава, нѣтъ нужды поднимать вопросъ о замѣщеніи кафедръ.“

¹⁾ Въ томъ же засѣданіи сообщено было объ утвержденіи проф. Н. М. Любимова въ должности Ректора Университета.

Единогласно опредѣлили: Ходатайствовать о порученіи проф. *Н. М. Любимову* преподаванія по кафедрѣ патологической анатоміи съ завѣдываніемъ кабинетомъ, согласно представленію Медицинскаго факультета“¹⁾.

Мотивированныя такимъ образомъ постановленія Медицинскаго факультета и Совѣта Университета объ оставленіи *Н. М. Любимова* профессоромъ патологической анатоміи, несомнѣнно, доставили Николаю Матвѣвичу еще большее нравственное удовлетвореніе, такъ какъ научнымъ занятіямъ и преподаванію любимаго имъ предмета онъ преданъ былъ всей душой, отдавая имъ всѣ свои силы, которыхъ онъ чувствовалъ въ себѣ еще достаточно, чтобы продолжать свою ученую и педагогическую дѣятельность. Жажда научныхъ занятій и любовь къ преподаванію были у профессора Любимова необыкновенно велики; это была, можно сказать, сама жизнь Николая Матвѣвича!

Вступилъ въ должность Ректора Университета *Н. М. Любимовъ* въ крайне тяжелое время: Казанскій Университетъ переживалъ необычайно трудные моменты. Достаточно указать на слѣдующіе факты:

27 сентября 1905 г. Университетъ изъ-за студенческихъ волненій былъ закрытъ.

6 октября Университетъ открытъ.

17 октября закрытъ.

20 октября открытъ.

22 октября закрытъ.... до января,

а затѣмъ и до осени 1906 г.!

Засѣданія Совѣта Университета происходили чуть не каждый день. Съ возвращенія *Н. М. Любимова* въ Казань засѣданія Совѣта были: въ сентябрѣ—13 числа, 15, 16, 24, 26, 27, 28, 29-го, въ октябрѣ: 3-го, 7, 9, 12, 15, 17, 19, 20, 22, 24-го, въ ноябрѣ: 15, 23, 28-го и въ декабрѣ: 2-го, 8, 12, 16, 20, 27, 28, 29 и 30 ч.

Что переживалъ за это время новый, первый выборный Ректоръ Казанскаго Университета, проф. *Н. М. Любимовъ*, знаютъ всѣ, видѣвшіе его на ректорскомъ посту. Съ своей стороны я желалъ бы сдѣлать нѣсколько выдержекъ по этому поводу изъ письма Николая Матвѣвича, отъ 27 октября 1905 г., мнѣ въ Иркутскѣ,

---

¹⁾ Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета 1906 г. Сентябрь, стр. 215 и 216.

куда я командированъ былъ во время войны, тѣмъ болѣе, что эти выдержки и вообще небезынтересны.

„Я—пишетъ Н. М.—вернулся изъ Ильинки 11 сентября и вотъ 1^{1/2} мѣсяца горю. Нѣтъ дня, когда бы можно было хоть на чемъ-нибудь съ отрадой остановиться.

Государственная Дума въ редакціи Булыгина не успокоила Общество и молодежь.

Студенты, явившись съ ваката, прямо объявили Университетъ очагомъ революціи. Совѣтъ Университета выработалъ проектъ правилъ въ цѣляхъ урегулированія автономной жизни и дарованія легальныхъ правъ студентамъ ¹⁾. Доставленіемъ льготъ студентамъ Совѣтъ надѣялся ввести ихъ въ академическое русло. Всѣ жаждали мирной трудовой жизни.

Кажется, 14 сентября явились ко мнѣ двое студентовъ и просили разрѣшенія собраться потолковать по своимъ вопросамъ. Я разрѣшилъ въ вестибюлѣ новаго пристроя. Между прочимъ, разрѣшая, я просилъ не вводить постороннихъ, какъ бывало въ студенческой столовой прошлой весной. Мнѣ сказали, что если и будетъ, то можетъ быть нѣсколько человѣкъ.

И что же оказалось? Это было начало митинговъ.

Совѣтъ Университета, принявъ автономію, пожелалъ широко воспользоваться ею.

Сдѣланы были предложенія о принятіи въ Университетъ евреевъ безъ нормы, о приѣмѣ семинаристовъ и реалистовъ ²⁾, а также и женщинъ въ качествѣ дѣйствительныхъ студентовъ ³⁾. Предложенія были приняты и послано ходатайство ⁴⁾. Но студенты на митингахъ признали эти лишь ходатайства Университета фактомъ ⁵⁾.

Совѣтъ рѣшилъ принять вольнослушателями и вольнослушательницами лицъ, которыя подадутъ прошенія ⁶⁾. И я, какъ ректоръ, былъ обязанъ принимать прошенія. Говорилъ, что прошенія будутъ разсматривать факультеты.—Прошеній очень много. Нѣкоторые писали такъ:

---

¹⁾ См. Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь, стр. 201.—М. К-ій.

²⁾ Тамъ же стр. 203—206.

³⁾ Тамъ же, стр. 244—246.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 255—256.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 253.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 256.

«Въ виду постановленія сходки или митинга прошу зачислить меня студентомъ или студенткой такого-то факультета».—Факультеты сейчасъ заняты разборомъ этихъ прошений. На Медицинскомъ факультетѣ—болѣе 150 прошений.

Митинги шли каждый вечеръ до 1 часу ночи и долѣе. О занятіяхъ ни слова. Темы—политическія.

Я должно быть дней 12 повертѣлся и захворалъ—сильное головокруженіе. (Эти головокруженія приковали Николая Матвѣвича къ постели на 4 дня).

По вопросу о занятіяхъ въ студенчествѣ произошелъ расколъ. На митингахъ борьба такъ обострялась, что постоянно грозило вмѣшательство администраціи. Совѣтъ Университета въ засѣданіи 26 сентября, въ виду крайне серьезнаго положенія дѣлъ, постановилъ закрыть Университетъ съ 27 сентября по 6 октября¹⁾. Между тѣмъ на утро 27-го сентября назначена была обще-студенческая сходка съ участіемъ публики, въ виду чего противъ закрытія Университета, опасаясь «кровопролітія», «бойни», возстали младшій преподавательскій персоналъ и особенно возбужденные студенты.

И вотъ для рѣшенія вопроса о закрытіи Университета меня, пишетъ Николай Матвѣвичъ, утромъ 27 сентября съ постели попросили въ Совѣтъ. Въ этомъ засѣданіи пришлось Совѣту выслушать двѣ депутаціи: отъ младшихъ преподавателей и отъ студентовъ. Какъ тѣ, такъ и другіе были очень рѣзки и обвиняли Совѣтъ за закрытіе Университета, заявляя: «кровь студентовъ будетъ на Вашихъ мундирахъ и на Васъ». Студенты-депутаты говорили, что занятія возможны только въ томъ случаѣ, если будутъ митинги. Допускать ихъ Совѣтъ не могъ и потому постановили съ 28 сентября Университетъ закрыть до 6 октября²⁾. Какъ было обидно! высказываетъ беззавѣтно преданный наукѣ Николай Матвѣвичъ.

Но студенчество продолжало волноваться изъ-за занятій. Въ концѣ концовъ большинствомъ голосовъ студенты высказались за занятія безъ митинговъ и 6 октября входъ въ Университетъ былъ открытъ. Но занятія не начинались, такъ какъ оппозиціонная партія студентовъ

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университата 1906 г. Сентябрь стр. 225—227.

²⁾ Тамъ же, стр 228—233.

27 сентября въ Университетѣ состоялся большой митингъ. Вышедшая съ митинга толпа народа была разогнана казаками.—Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, Сентябрь 1906 г. стр. 236—237.

сильно противилась имъ. Рѣшили наконецъ заниматься. И вотъ съ 10 октября начались лекціи ¹⁾. Аудиторіи полны. Вольнослушатели и вольнослушательницы также волной хлынули въ аудиторіи. Профессора въ восторгѣ. Инспекціи нигдѣ нѣтъ. Въ аудиторіяхъ—абсолютный порядокъ. Но по вечерамъ—митинги ²⁾. На митингахъ—самая разнородная публика. Митинги—въ вестибюль, а во второмъ и третьемъ этажахъ происходили засѣданія лицъ различныхъ профессій: типографщики, булочники, приказчики, воспитанники технического училища, реалисты, гимназисты и гимназистки и т. д.

Гроза надвигалась.....

14 октября 1905 г. по просьбѣ Управленія учебнаго Округа не допускать въ Университетѣ сходокъ учащихся поставлена была администраціей охрана у Университета въ видѣ пѣшей и конной полиціи. «Я пришелъ домой должно быть въ 4½ час. вечера и не успѣлъ раздѣться, какъ меня позвали къ телефону. Оказывается, гимназисты и публика рвутся въ Университетъ, а полиція не пускаетъ. Раздраженіе со стороны студентовъ столь велико, что грозитъ перейти въ кровавое столкновеніе. Меня вызвали въ Университетъ. Приѣхавъ въ Университетъ и разобравъ дѣло, я поѣхалъ къ администраціи и упротсиль ее снять охрану. Дѣло обошлось. На утро собралъ Совѣтъ, который, однако, не нашелъ положеніе дѣла серьезнымъ ³⁾. «Мою просьбу объ отставкѣ Совѣтъ не принялъ».

[Въ „Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Казанскаго Университета“ за 1906 г. ⁴⁾ мы читаемъ, что въ засѣданіи Совѣта Университета 15 октября 1905 г. прочитано было „Прошеніе г. Ректора *Н. М. Любимова* объ увольненіи его отъ должности ректора: „Въ фактѣ установленія 14 октября въ 4 ч. дня полицейской охраны у параднаго входа и при воротахъ Университета безъ вѣдома и согласія моего, какъ ректора, я вижу нарушеніе правъ автономнаго университета со стороны администраціи.

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь Приложение, стр. 239, 241—252, 257—259, 270 275.

²⁾ Въ засѣданіи 9 октября 1905 г. Совѣтъ Университета постановилъ довести до свѣдѣній студентовъ Университета, что «Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ разрѣшать публичные митинги» и «не видитъ возможности гарантировать неприкосновенность лицъ, въ немъ участвующихъ».—Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь. Приложение, стр. 274 и 275.

³⁾ Тамъ же, стр. 285—293.

⁴⁾ Кн. IX. Сентябрь, приложение, стр. 290 и 292.

Въ событіяхъ послѣднихъ дней университетской жизни: устройство, помимо митинговъ, сходокъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, собранія типографщиковъ, безъ испрашиванія на то моего, какъ Ректора, согласія, я нахожу тоже нарушеніемъ отношеній между Ректоромъ и студенчествомъ. Реагировать на всѣ эти патологическія явленія такъ, чтобы это видѣли администрація и студенчество, я могу лишь выходомъ въ отставку, а потому покорнѣйше прошу Совѣтъ Казанскаго Университета ходатайствовать объ увольненіи меня отъ должности Ректора“.

Совѣтъ „елиногласно и убѣдительно просилъ г. Ректора Н. М. Любимова взять назадъ свое прошеніе объ увольненіи отъ должности Ректора. Совѣтъ вполне понимаетъ, насколько тяжелы теперь обязанности Ректора, и готовъ всегда поддержать его и раздѣлить съ нимъ труды.

Г. Ректоръ, уступая просьбамъ, наконецъ далъ свое согласіе“].

«И опять потянулась тяжелые дни. Утромъ—лекціи, вечеромъ—митинги. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ полное. Вечеромъ 15 октября—громднй митингъ; осложненія удалось предупредить.

Пришло 16-ое октября. Этотъ день особенно тяжелъ. Администрація «мнѣ заявила, что митингъ она разгонитъ силою». Между тѣмъ студенты назначили собраніе въ 2 часа дня.—Я съ утра былъ въ Университетѣ. Съ 10 час. публика набилась въ новое зданіе. Полиція, казаки и солдаты были подняты на ноги. Студенты, страшно возбужденные, начали строить баррикады у воротъ, у входа на площадку Университета, въ западномъ пристроѣ. Полиція пѣшая и конная мечутся. Студенты кричатъ, бранятся, грозятъ револьверами. Я опять долженъ былъ ѣхать къ администраціи, указать на неприкосновенность Университета и гарантировать свободный выходъ изъ Университета участникамъ митинга. Кое-какъ сговорились. Пріѣзжаю въ Университетъ. Оказывается, публика и не думаетъ расходиться. У воротъ—перебранка и крики съ полиціей. Съ баррикадъ полетѣли камни. Полиція готова пустить въ ходъ оружіе. «И вотъ приходилось мнѣ переходить отъ одной баррикады къ другой. Просить вести себя корректно, удалиться съ заборовъ, не бросать камни. Только въ одномъ мѣстѣ успокоишь, въ другомъ—начинають... Кричатъ: «революція», «боевая дружина впередъ!» Начинаешь снова уговаривать не дѣлать этого.

«Нужно Вамъ сказать, что ректорскую квартиру въ Университетѣ я не взялъ, а переѣхалъ въ нее канцелярію. И вотъ въ моменты затишья я уходилъ въ зало правленія.

Должно быть въ 5^{1/2} час. вечера мнѣ телефонируетъ администрація, что студенты съ крыши Университета бросаютъ камни въ полицію, и что если они не сойдутъ, то приказано будетъ стрѣлять въ нихъ. Пришлось опять идти во дворъ и просить публику сойти съ крыши ¹⁾.—Только въ 7-мъ часу всѣ разошлись и я ушелъ, измученный нравственно и физически, домой.

На утро въ 9 ч. собралъ я Совѣтъ. Большинствомъ голосовъ въ 11 ч. рѣшено было закрыть Университетъ и просить администрацію поставить военную охрану. Если бы Университетъ не былъ закрытъ, то въ 2 часа состоялась бы назначенная сходка съ публикой и конечно она кончилась-бы кровопролитіемъ въ стѣнахъ Университета.

И такъ, 17 октября Университетъ былъ во 2-ой разъ закрытъ.

Послѣ засѣданія я прошелъ въ бывшую ректорскую квартиру. День праздничный. Народу много на улицѣ. Около 2-хъ часовъ дня, у Университета произошло столкновение конной полиціи съ публикой. Поѣздка 5 профессоровъ во главѣ съ ректоромъ къ администраціи, безъ результата ²⁾. На Воскресенской улицѣ собралась громадная толпа народа; много полиціи и казаковъ. «Когда я, возвращаясь домой, подходилъ къ своей квартирѣ (дачи Новикова), послышались выстрѣлы.

Чрезъ нѣсколько времени по телефону секретарь Совѣта спрашиваетъ меня: что дѣлать: студенты и публика просятъ въ Университетъ, что бы укрыться отъ выстрѣловъ? Я разрѣшилъ ихъ впустить. Въ 6 час. вечера мнѣ сообщили, что есть раненые и меня студенты вызываютъ въ Университетъ. Стрѣльба шла непрерывная.

Я поѣхалъ съ пришедшимъ ко мнѣ проф. Разумовскимъ въ Университетъ. Когда мы, захавши съ Университетскаго переулка, вошли во дворъ Университета, раздакъ выстрѣлъ. Оказалось, что въ Университетскій дворъ проникла толпа студентовъ и публики. И вотъ изъ Университета, во дворѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ начали стрѣлять. На выстрѣлы изъ Университета отвѣчали выстрѣлами пачками; стрѣляли и вдоль улицы. Не обошлось безъ жертвъ. Были убитые и много раненыхъ. Въ Университетѣ была устроена перевязочная; убитыхъ не было. Пробылъ я въ Университетѣ до 9 час. вечера и затѣмъ отправился домой; по дорогѣ заѣзжалъ въ Александровскую больницу и въ хирургическую клинику. Въ послѣдней при-

---

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь. Приложение, стр. 294—297.

²⁾ Тамъ же, стр. 299—300.

шлось даже участвовать при ампутации. Стрѣляли сильно часовъ до 10-ти, а отдѣльные выстрѣлы слышались и ночью.

Вся исторія началась на Воскресенской улицѣ около Пассажа и семинаріи, гдѣ около 4-хъ часовъ дня послѣ брошенной откуда-то бомбы открытъ былъ нарядомъ военныхъ частей огонь...

Кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ убитыхъ, раненыхъ было: въ Земской больницѣ—27, въ Александровской больницѣ—6, въ хирургической клиникѣ—6. Многіе раненые разбрелись по домамъ.

На утро (18 октября) оказалось, что въ астрономическую обсерваторію попало 59 пуль, 7 изъ которыхъ попали въ квартиру проф. Дубяго, въ бывшую квартиру ректора—3 пули. Масса разбитыхъ пулями и камнями стеколъ въ окнахъ Университетскихъ зданій, особенно въ квартирахъ М. А. Соловьева и П. Н. Муравцева ¹⁾.

Городъ охваченъ паникой... Улицы пустыни. На Воскресенской улицѣ магазины заколочены; многія зданія—съ разбитыми стеклами.

[19 октября объявленъ былъ Высочайшій Манифестъ 17 октября]

Полиція обезоружена и ее замѣнила милиція, въ составъ которой вошли студенты, воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній и даже барышни.

20 октября Университетъ былъ открытъ съ тѣмъ, что-бы 23-го начать лекціи.

20-го же числа были похороны убитаго наборщика; прошли въ полномъ порядкѣ ²⁾.

21-го октября—патріотическая манифестация; столкновение ея съ милиціей и публикой, собравшейся въ «Думѣ». Разстрѣлъ «Думы» и арестъ собравшихся въ ней.

Въ тотъ же день былъ митингъ. 21-го явились булочники, прислуга мужская и женская, рабочіе, и всѣ имѣли митинги.

22 октября я вновь собралъ Совѣтъ. Единогласно рѣшено было въ третій разъ закрыть Университетъ и уже вѣроятно до января 1906 г. ³⁾.

Днемъ 22-го, при возстановленіи полиціи,—громадная патріотическая манифестация, закончившаяся разгромомъ еврейскихъ магази-

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь. Приложение, стр. 299—305.

²⁾ Хоронили и другихъ убитыхъ. Въ похоронахъ участвовала масса народа съ большой демонстраціей; несли черные флаги.

³⁾ Предсказаніе сбылось; мало того: Университетъ не былъ открытъ и въ январѣ 1906 г., а постановленіемъ Совѣта отъ 17 февраля Университетъ закрытъ былъ до осени 1906 г.

новъ и нѣсколькихъ частныхъ квартиръ, съ избіеніями учащейся молодежи хулиганями и к^о. 1).

„Сколько пережито! И этотъ актъ свободы (17 октября 1905 г.) обогреть кровью!“

„Тяжело живется. Я не могу работать. Только нѣсколько дней (письмо—отъ 27 октября) началъ ходить въ кабинетъ. Можетъ быть, войду въ колею. А хочется поработать. Миѣ ректорство очень не по душѣ. Очень много канцелярщины. Можетъ быть, устроюсь съ ней“.

„Пережито много, а что еще будетъ впереди? Страшно подумать!“

Да, много пережито! Много пережилъ ректоръ университета *Н. М. Любимовъ* въ эти послѣдніе 5 мѣсяцевъ своей жизни. Достаточно сказать, что за время ректорства Николая Матвѣевича—съ половины сентября 1905 г. до января 1906 г.,—за 3½ мѣсяца однихъ засѣданій Совѣта университета было 30-ть! И какія это были засѣданія? напряженныя, нервныя, какъ вызванныя бурными проявленіями возникшаго освободительнаго движенія въ Россіи и въ частности въ Казани, когда Совѣтъ Казанскаго университета въ своемъ обращеніи къ Министру народнаго просвѣщенія отъ 29 сентября 1905 г. вынужденъ былъ заявить о „безуспѣшности борьбы противъ властнаго вторженія современной жизни общества въ Университетъ“, и что онъ—Совѣтъ университета „считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія Министерства народнаго просвѣщенія, что надлежащее устройство университетской жизни возможно лишь при предоставленіи странѣ свободы собраній и союзовъ, печати и гарантіи неприкосновенности личности“ 2).

А „впереди что?“ Дѣйствительно, „страшно подумать“!....

2-го января 1906 г. Николай Матвѣевичъ уѣхалъ на съѣздъ профессоровъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ мы уже видѣли, работа была также крайне напряженная. Возвратился ректоръ *Любимовъ* въ Казань уже... бездыханнымъ!

1) См. Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь. Приложение, стр. 313—322.

2) Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго университета 1906 г. Сентябрь. Приложение, стр. 240 и 241.

Пользуюсь случаемъ отмѣтить здѣсь для характеристики *Н. М. Любимова* слѣдующій интересный фактъ. Въ засѣданіи Совѣта университета 27 декабря 1905 г. заслушана была телеграмма Министра народнаго просвѣщенія на имя Ректора университета отъ 25 декабря слѣдующаго содержанія: „Назначивъ начало совѣщанія по университетской реформѣ пятаго будущаго января, прошу Васъ и избранныхъ Совѣтомъ Университета прибыть въ Петербургъ къ означенному сроку“.

По выслушаніи телеграммы ректоръ *Н. М. Любимовъ* „заявилъ, что онъ можетъ отправиться въ Петербургъ представителемъ отъ университета лишь только по избранію Совѣта“.

Совѣтъ опредѣлялъ: „Просить г. Ректора отправиться для совѣщанія по университетской реформѣ во главѣ депутаціи, избраніе которой произвести по разсмотрѣніи Совѣтомъ составляемаго комиссіей проекта новаго устава университетовъ“¹⁾.

А сколько пережито было *Н. М. Любимовымъ* за 30 лѣтъ его ученой, педагогической и административной (какъ деканъ и и. д. Ректора университета) дѣятельности! Сколько онъ страдалъ отъ людской несправедливости и отъ разочарованія въ людяхъ! Да, жизненный путь *Н. М. Любимова* усѣянъ былъ не только не розами, а прямо булыжникомъ! И какъ часто судьба Николая Матвѣевича являла жестокую пропію надъ нимъ! Приведу нѣсколько извѣстныхъ мнѣ фактовъ.

Такъ горячо любившій свою родину, *Н. М. Любимовъ* при защитѣ своей докторской диссертациі въ Казанскомъ Университетѣ въ 1879 г. получилъ отъ одного изъ своихъ оппонентовъ большой упрекъ за то, что онъ избралъ темой своей диссертациі работу, произведенную имъ не въ Казанскомъ университетѣ, а за границей (во время командировки)!...

Самоотверженный работникъ науки, посвятившій всю свою жизнь на исканіе научныхъ истинъ, профессоръ патологической анатоміи въ университетѣ *Н. М. Любимовъ* въ 1892 г., во время

---

¹⁾ Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1906 г. Сентябрь. Приложеніе, стр. 488 и 489.

холерной эпидеміи, пропустилъ двѣ лекціи изъ-за вскрытій холерныхъ труповъ, для каковыхъ вскрытій онъ долженъ былъ ѣздить въ холерный баракъ на Бакалдѣ—на берегу Волги; и вотъ изъ-за этого пропуска двухъ лекцій Николай Матвѣевичъ получилъ отъ университетскаго начальства официальный запросъ: „гдѣ и по какой надобности или по какому требованію производилось Вами въ лекціонное время изслѣдованіе холерныхъ труповъ, отвлекшее Васъ отъ исполненія прямыхъ Вашихъ обязанностей“!....¹⁾

Всегдашній врагъ побочныхъ путей удовлетворенія своихъ нуждъ, не только личныхъ, но и какъ профессора и декана, *Н. М. Любимовъ* именно этимъ, хотя и совершенно случайно-и обидно-побочнымъ путемъ получилъ въ часовню для патолого-анатомическихъ вскрытій теплую воду, о проведеніи которой—въ часовню—Николай Матвѣевичъ такъ много, но безрезультатно, хлопоталъ, побуждаемый къ этимъ хлопотамъ частымъ заболѣваніемъ ревматизмомъ пальцевъ своихъ рукъ отъ сильно холодной воды въ зимнее время²⁾.

Во время студенческихъ волненій *Н. М. Любимовъ* въ засѣданіяхъ Правленія университета горячо и съ большимъ рискомъ для себя отстаивалъ интересы опальныхъ студентовъ, стараясь всѣми силами спасти ихъ отъ гибельныхъ послѣдствій ихъ увлеченія; и тѣмъ не менѣе Николай Матвѣевичъ получалъ отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей и отъ студентовъ упреки въ малодушіи, не смотря на то, что *Н. М. Любимовъ* былъ единственнымъ членомъ Правленія университета, который такъ горячо защищалъ интересы опальныхъ студентовъ,—и я увѣренъ, что на мѣстѣ *Н. М. Любимова* ни у кого другого не хватило-бы такого гражданскаго мужества, какое проявлялъ Николай Матвѣевичъ! Какую горькую обиду чувствовалъ *Н. М. Любимовъ* отъ такихъ несправедливыхъ упрековъ!

Много страдалъ *Н. М. Любимовъ* отъ подобныхъ же нареканій въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, какъ человѣкъ безконечно

---

¹⁾ Подробнѣе—см. мою статью: «Профессоръ *Н. М. Любимовъ*—какъ членъ Казанскаго Общества врачей,—и первоначальная исторія Общества».—«Казанскій Медицинскій журналъ» 1907 г. Февраль—Іюнь.

²⁾ Подробнѣе,—см. тамъ же.

добрый и сердечный, какъ истинный христiанинъ, всегда и всѣмъ готовый оказать всяческую услугу, искренно проникнутый однимъ желанiемъ—сдѣлать человѣку только одно прiятное, не находилъ въ себѣ силъ отказать, не подать просителю хотя бы малѣйшей надежды на успѣхъ просьбы—по дѣламъ, напр., факультета или правленiя Университета, а между тѣмъ, весьма понятно, тѣ или другiя просьбы не удовлетворялись даннымъ учрежденiемъ.

Всегда высоко державшiй знамя науки, шедшiй въ отысканiи научныхъ истинъ всегда строго научнымъ путемъ, проф. *Н. М. Любимовъ* въ 1904 г. несправедливо получаетъ крупную непрiятность изъ-за не научнаго прiема проф. Левашова, допущеннаго послѣднимъ публично въ засѣданiи Казанскаго Общества врачей по поводу строго-научнаго доклада проф. Любимова объ острой лейкемии ¹⁾).

Всегда и поразительно скромный, весьма строго относившiйся къ опѣнкѣ собственныхъ, признаваемыхъ и столь высоко цѣнимыхъ всѣми, хорошо знавшими Николая Матвѣевича, достоинствъ и заслугъ своихъ, мало видный—какъ общественный дѣятель, проф. *Н. М. Любимовъ* вдругъ выдвигается на арену общественной дѣятельности и когда? въ годы великаго освободительнаго движенiя на нашей родинѣ. Кабинетная работа ученаго не убила въ немъ глубоко общественнаго по натурѣ человѣка! Проф. *Н. М. Любимовъ* становится во главѣ роднаго ему Казанскаго Университета по первому свободному выбору Совѣта Университета, и Совѣтъ не ошибся въ своемъ выборѣ: *Н. М. Любимовъ* на высокомъ и столь отвѣтственномъ посту Ректора Университета, вѣрный себѣ, съ чрезвычайной энергiей и съ огромнымъ—рѣдкимъ у насъ—гражданскимъ мужествомъ и буквально съ опасностью для своей жизни проводилъ въ жизнь свои идеалы свободной науки въ свободномъ университетѣ и въ свободной странѣ. „Но—дѣйствительно—„свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ, и не то ему пало на долю“: *Н. М. Любимовъ* палъ въ борьбѣ роковой, изнемогая отъ давнишней своей болѣзни полъ бременемъ новой своей тяжелой ноши; онъ умеръ, пробывъ на славномъ посту Ректора автономнаго университета менѣе $\frac{1}{2}$ года!

---

¹⁾ См. «Дневникъ Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, 1902. № 3.—«Казанскiй Медицинскiй Журналъ» 1903 г. Июль—Августъ (Приложенiе) и Сентябрь—Октябрь, стр. 532.

И сломила Николая Матвѣевича та ужасная болѣзнь, изученіемъ которой онъ началъ свою ученую дѣятельность ¹⁾ и которой такъ интересовался въ своихъ позднѣйшихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Этой болѣзни, этому бичу человѣчества—чахоткѣ проф. Любимовъ посвящаетъ въ 1887 г. одну изъ своихъ прекрасныхъ публичныхъ лекцій, выдержавшую къ 1893 г. уже три изданія: „*Чахотка, ея причины и мѣры предосторожности противъ нея*“.

Какая жестокая иронія судьбы:

На страницѣ 27-ой своей публичной лекціи о чахоткѣ проф. Любимовъ пишетъ: „Считаю умѣстнымъ указать, что слава 50-хъ годовъ Казанскаго Университета профессоръ *Е. Ф. Аристовъ* палъ жертвою туберкулеза. Его любимѣйшій ученикъ и мой незабвенный учитель, бывшая краса нашего университета, профессоръ *А. В. Петровъ* преждевременно скончался также отъ чахотки“.

Грустно добавлять, что и любимѣйшій ученикъ *А. В. Петрова*, нашъ незабвенный учитель, гордость Казанскаго Университета, профессоръ и первый выборный ректоръ Университета, *Н. М. Любимовъ* и самъ палъ жертвой туберкулеза!

[Проф. *Аристовъ* былъ профессоромъ нормальной анатоміи и первымъ преподавателемъ патологической анатоміи въ Казанскомъ Университетѣ. Умеръ почти 70 лѣтъ (1875 г.) ²⁾.

Проф. *Петровъ* былъ первымъ профессоромъ патологической анатоміи въ Казанскомъ Университетѣ. Умеръ 48 лѣтъ (1885 г.) ³⁾.

Проф. *Любимовъ* былъ вторымъ профессоромъ патологической анатоміи. Умеръ 54 лѣтъ (1906 г.)].

Не избавленъ былъ *Н. М. Любимовъ* отъ жестокой ироніи судьбы и во время своей тяжелой болѣзни и даже по смерти своей!

---

¹⁾ Диссертация *Н. М. Любимова* была на тему: «Къ вопросу о развитіи гигантскихъ клѣтокъ при туберкулезѣ». Казань, 1879 г.

²⁾ «Блестящій преподаватель, человѣкъ оригинальной мысли, смѣлыхъ сопоставленій и сравненій» проф. *Е. Ф. Аристовъ* сдѣлалъ сухой свой предметъ—нормальную анатомію «любимѣйшей наукой студентовъ всѣхъ (!) факультетовъ»...

³⁾ Проф. *А. В. Петровъ* особенно выдвинулся какъ энергичный и передовой общественный дѣятель, какъ апостолъ земской и городской медицины въ свѣтлую эпоху 1870 хъ годовъ.—См. мою статью: «Профессоръ *Н. М. Любимовъ*—какъ членъ Казанскаго Общества врачей,—и первоначальная исторія Общества».

Неустанно и самоотверженно, напрягая всё свои силы, проф. *Н. М. Любимовъ* преподавалъ патологическую анатомію, считая ее основной медицинскою наукой, столь важной для правильнаго распознаванія болѣзней, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и большаго или меньшаго успѣха лѣченія ихъ. Но вотъ Николай Матвѣевичъ самъ тяжело заболѣлъ и... болѣзнь его могли распознать только послѣ смерти, на секціонномъ столѣ!—Какъ ужасно обидно и досадно!

Наконецъ, брѣнное тѣло, бездыханнаго *Н. М. Любимова* мы отправляемъ въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.--И вотъ, крайне скромнаго, чуждаго всякихъ внѣшнихъ отличій и привилегій, ничуть не взыскательнаго къ себѣ, истиннаго демократа—*Н. М. Любимова* мы хоронимъ такъ торжественно, такъ шумно, съ массой дорогихъ вѣнковъ! Правда, мы справедливо воздавали Николаю Матвѣевичу вполне заслуженную имъ честь и славу, особенно за время его ректорства, но чуждый суетныхъ людскихъ страстей—тщеславія, гордости, честолюбія и под. проф. Любимовъ сказалъ бы намъ: зачѣмъ все это Вы дѣлаете? Вѣдь это не воскреситъ меня и не прибавитъ мнѣ хотя бы нѣсколькихъ лѣтъ жизни, когда бы я могъ еще больше сдѣлать добра людямъ и пользы наукѣ и родинѣ!

Могъ бы я принять, сказалъ бы Николай Матвѣевичъ, всю эту массу дорогихъ вѣнковъ, какъ знакъ уваженія и благодарности общества за все то добро, которое я старался дѣлать по внутреннему чувству христіанина и гражданина, а также и по долгу службы; но для моей души было бы гораздо пріятнѣе, если бы свои чувства ко мнѣ общество выразило болѣе производительно. Сколько вѣдь у насъ, сказалъ бы Николай Матвѣевичъ, кругомъ нужды, горя, не осушенныхъ слезъ!...

Могла бы доставить утѣшеніе многострадальной душѣ *Н. М. Любимова* торжественность его похоронъ, какъ знакъ того, что общество, мы будемъ строго хранить и исполнять завѣты его—любви къ ближнему и безкорыстнаго служенія наукѣ и родинѣ. Но утѣшеніе это—если и могло бы быть, то лишь кратковременное: мы скоро забудемъ, да ужъ и забыли эти завѣты!...

Миръ великой душѣ твоей, учитель!

М. Казанскій.

